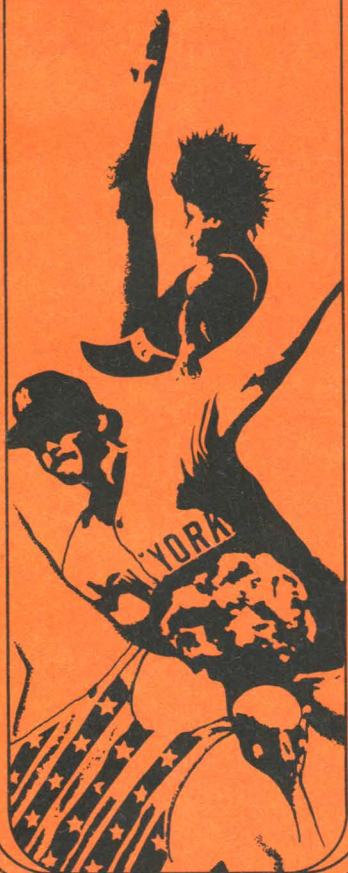

ОЛИМПИДСКИЙ ГЛОБУС

ЗАРУБЕЖНЫЕ СПОРТ-ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

ОЛИМПИЙСКИЙ ГЛОБУС

МОСКВА
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
1987

ББК 75.4
О-54

Составитель В. В. КУКУШКИН

Олимпийский глобус: Сб./Сост. В. В. Кукушкин.—
О-54 М.: Физкультура и спорт, 1987 — 207 с., ил.

Традиционный сборник посвящен проблемам международного спортивного движения. В него вошли различные материалы советских и зарубежных авторов. Большое место в сборнике уделено критике спорта в капиталистических странах.

Для широкого круга читателей.

О $\frac{4201010000-087}{009(01)-87}$ 64-87

ББК 75.4

© Издательство «Физкультура и спорт», 1987 г.

ОЛИМПИЙСКАЯ ТРИБУНА

М. ГРАМОВ

**председатель
Государственного
комитета СССР
по физической культуре
и спорту, председатель
Национального олимпийского
комитета СССР**

ИГРЫ ДОБРОЙ ВОЛИ

Само название этих стартов — Игры доброй воли — исполнено глубокого смысла. В нем выражено стремление спортсменов, тренеров, всех, кто был в июле 1986 года в Советском Союзе, продемонстрировать свою приверженность делу мира и сотрудничества народов. Игры доброй воли — это вклад спортсменов, спортивной общественности в Международный год мира, провозглашенный ООН.

Особую приподнятость Играм придало приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Михаила Сергеевича Горбачева: «Сегодня в отношениях между людьми и народами, — говорилось в Приветствии, — государствами и правительствами, как никогда, требуются проявления именно доброй воли. Добрая воля открывает границы, создает возможности для решения коренных вопросов современности... Какие бы расстояния ни разделяли нас, жителей планеты, какими бы различными ни были наши убеждения и образ жизни, мы должны встречаться, говорить, спорить и состязаться в честном соревновании».

Более чем две недели увлекательной спортивной борьбы пролетели быстро, как мгновение, хотя каждый день Игр оставил, думается, множество ярких, незабываемых впечатлений. Мы провели хорошие Игры, которые можно считать заметной вехой в мировом спортивном движении, важным этапом в укреплении взаимопонимания между народами, развития спортивного сотрудничества.

...6 августа 1985 года, в 40-ю годовщину трагедии Хиросимы и Нагасаки, когда вступил в действие объявленный в одностороннем порядке Советским Союзом мораторий на любые испытания ядерного оружия, телемост Москва — космос — Нью-Йорк соединил два континента. Он был переброшен для трансляции пресс-конференции, участники которой, известные советские и американские атлеты, тренеры, спортивные деятели, оказались как бы вместе в тот самый момент, когда в Останкине подписывали соглашение о проведении в 1986 году в СССР, а в 1990 году в США Игр доброй воли. Организаторами соревнований с советской стороны стали Госкомспорт СССР и Гостелерадио СССР, а с американской — телекомпания Ти-би-эс, представлявшая также интересы национальных спортивных федераций США.

Первоначально Игры задумывались как соревнования ведущих атлетов двух стран. (Как известно, советские и американские спортсмены последний раз встречались на олимпийских играх 10 лет назад, в

в Монреале.) Затем было решено расширить рамки Игр доброй воли и дать возможность выступить на них ведущим спортсменам и командам из других государств.

В Играх приняли участие около 3000 спортсменов из 80 стран пяти континентов. Наиболее представительными были состязания по легкой атлетике, парусному спорту, гимнастике, боксу, современному пятиборью. За соревнованиями по телевидению ежедневно наблюдали 1,5 млрд. человек.

Следует отметить: свыше 80 процентов команд и спортсменов, выступавших в соревнованиях, входят в десятки лучших в мире. Многие состязания прошли на высоком спортивном уровне. Было установлено 6 мировых, 8 континентальных и 91 национальный рекорд. Показано несколько лучших результатов сезона в мире. Особенно хочется отметить мировые рекорды в плавании на 800 метров вольным стилем Владимира Сальникова, в прыжках с шестом Сергея Бубки и американки Джекки Джойнер, которая стала первой женщиной в мире, преодолевшая рубеж 7 тыс. очков в легкоатлетическом семиборье. Вновь продемонстрировали высочайшее мастерство гимнаст Ю. Королев, легкоатлеты Э. Мозес и Х. Дрехслер, борцы вольного стиля Д. Шульц и А. Хадарцев, велогонщики Л. Хесслих, В. Екимов и многие другие.

Все соревнования проходили под эгидой международных спортивных федераций, контролировались опытными, специально назначенными техни-

ческими делегатами. Свыше 1500 судей, в том числе 150 зарубежных, осуществляли на Играх судейство. Их работу направляли международные жюри, которые возглавляли компетентные специалисты.

Думается, идея нынешних Игр родилась как нельзя более кстати. Соревнования, организуемые двумя великими державами,—убедительная демонстрация того, что мы можем и должны вместе работать на благо человечества. Игры продемонстрировали взаимопонимание, которое может существовать между нациями, несмотря на все их социальные различия.

В Олимпийской хартии говорится, что спорт должен воспитывать молодежь в духе дружбы, способствовать созданию лучшего и более спокойного мира. Спорт — посол доброй воли, а спортивные контакты — фактор мира. Об этом в СССР не забывали никогда.

В 1952 году, когда представители нашей страны дебютировали на олимпийских аренах, один из руководителей международного спортивного движения, лауреат Нобелевской премии мира Филипп Ноэль-Бейкер сказал: «Русские — настоящие олимпийцы... Для них соревнования — это прежде всего средство укрепления взаимопонимания, и этот дух их выступлений не уловить нельзя. Я думаю, что их появление в олимпийской семье означает, что в истории Игр начинается отныне качественно новый этап».

Всему миру известны имена Юрия Власова, Валерия Попен-

ченко, Лидии Скобликовой, Владислава Третьяка, Людмилы Пахомовой. Эти звезды остались в памяти миллионов не только благодаря своим спортивным достижениям, но и потому, что их отличали дружелюбие, благородство.

Меня как-то спросили журналисты: «Игры доброй воли — это малые олимпийские игры?» Я ответил, что это и не малые, и не большие олимпийские игры. Это — Игры доброй воли. Неправомерно само противопоставление одного другому.

Не могут Игры доброй воли помешать олимпийским играм и в чисто организационном плане, так как проводятся в середине олимпийского цикла. Что же касается философии Игр доброй воли, как мы ее понимаем, то она родственна идеям олимпийского движения. Ведь и новые крупные соревнования ставят целью не только достижение спортивных результатов, но и служат делу мира.

Мы много раз заявляли, что всемерно поддерживаем олимпийское движение, которое приобрело важное социальное значение. Правда, кое-кто пытается искать расхождения между организаторами Игр доброй воли и Международным олимпийским комитетом. В связи с этим хочу привести следующее высказывание президента МОК Хуана Антонио Самаранча в интервью итальянскому еженедельнику «Сабато»: «Международный олимпийский комитет поддерживает идею проведения Игр доброй воли, которые откроются вскоре в Москве, а через четыре

года пройдут в США. Я не думаю, что эти Игры представляют какую-либо опасность для олимпийских игр. Напротив, МОК поддерживает любую встречу, которая служила бы идеалам спорта. Мы полагаем, что Игры доброй воли внесут важный вклад в распространение философии олимпизма».

Кое-кто почему-то упорно подчеркивает коммерческий характер Игр доброй воли. Такие утверждения не соответствуют действительности. Мы не преследовали каких-либо коммерческих целей — наши расходы значительно превзошли доходы. Мы взяли на себя обеспечение всех участников, судей, гостей питанием, жильем, транспортом, несли расходы по проведению соревнований и аренде спортивных сооружений. Многим участникам был оплачен проезд.

В преддверии Игр была проведена большая работа по их пропаганде: состоялась пресс-конференция, самыми активными их участниками были прославленные советские и американские чемпионы и рекордсмены. Начиная с декабря прошлого года они совершили поездки по США, Канаде, Японии, Австралии, побывали в Европе. Советский спорт представляли олимпийские чемпионы В. Санеев, Л. Брагина, А. Дитятин, Н. Линичук, А. Белоглазов, С. Андиев, экс-чемпионы мира Г. Царева, И. Моисеева.

Наш прославленный легкоатлет Виктор Санеев побывал в американских спортивных центрах, школах, был гостем конгресса США. Перед возвращением на Родину его и неко-

торых американских спортсменов принял вице-президент Дж. Буш.

Спорт демократичен по своей природе. Спорт, как и искусство, доступен людям, говорящим на разных языках. Высочайшие проявления мужества и благородства, целеустремленности и физического совершенства понятны людям без перевода. Игры доброй воли со всей наглядностью показали, что современное спортивное движение, пронизанное идеалами олимпизма, стало важным фактором стабилизации международной обстановки. Спортсмены из разных стран дали новый замечательный пример того, как мирно соревнуясь на аренах, можно создавать атмосферу добрососедства, сотрудничества, взаимопонимания.

Все мы немало волновались перед началом Игр. Как будет воспринята эта инициатива в мире, какой вызовет она резонанс? Мы задумали их не только как состязание атлетов. И наш замысел получил большую поддержку.

Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр направил послание участникам Игр, в котором выразил надежду, что дух дружбы и благородного соперничества, которые собрали в Москве многих выдающихся атлетов, послужил упрочению взаимопонимания между народами, что является одной из целей Года мира.

Главная задача, стоявшая перед Играми, решена. Эти состязания помогли молодежи разных стран лучше узнать друг друга.

В связи с этим хочу привести высказывание почетного гостя Игр, командира корабля «Аполлон», участвовавшего в совместном эксперименте советских космонавтов и американских астронавтов, Т. Стаффорда:

«Стыковка советских и американских спортсменов в Москве стала своеобразным продолжением нашей стыковки в космосе. Только добрая воля народов смогла соединить в дружеском рукопожатии представителей СССР и США. Как и тогда, в дни полета, за спортивной стыковкой на советской земле с надеждой следят все люди планеты. Мир нужен всем. И будет прекрасно, если соперничать мы будем только на спортивных аренах. Хотелось бы, чтобы точку приложения своих сил, энергии, разума и воли мы искали не в гонке вооружений, а в спорте, культуре, науке. Игры доброй воли — уверенный шаг на пути к этому».

На Играх присутствовало немало почетных гостей — видных государственных, общественных деятелей, представителей делового мира. В Москве были президент и вице-президент МОК Х. А. Самаранч и А. Кумар, президенты международных спортивных федераций П. Небиоло (легкая атлетика), Р. Акоста (волейбол), М. Эрцеган (борьба), Д. Халл (бокс), а также Ф. Тэйлор (Международная ассоциация спортивной прессы), министры спорта многих стран, генеральный секретарь Всемирной ассоциации национальных олимпийских комитетов М. Рен-

ке и другие. На последние дни Игр из США прилетели видные общественные деятели, представители деловых кругов Арманд Хаммер и Кирк Киркорнан, а также известный врач, профессор Роберт Гейл.

При пресс-центре было аккредитовано 1053 журналиста, представлявших газеты, журналы, радио и телевидение более 60 стран.

Хотелось бы поблагодарить всех, кто был на Играх доброй воли,— спортсменов, тренеров, судей, почетных гостей, журналистов, зрителей — и пожелать им счастья, крепкого здоровья, успехов в жизни, труде, учебе, спорте. Должен отметить и работу организаторов Игр с американской стороны — руководителей и штатных работников телекомпании Ти-би-эс. С ними было работать приятно и интересно. Как со всякими талантливыми, страстно влюбленными в свое дело людьми.

Игры доброй воли еще раз подтвердили глубочайший смысл слов основателя современного олимпийского движения Пьера де Кубертена: «О, спорт! Несешь ты миру—мир!»

Е. ПЕТУШКОВА

**олимпийская чемпионка,
председатель комитета
«Советские спортсмены —
за мир»**

СПОРТ И ПРОБЛЕМЫ МИРА

1986 год — Международный год мира. С ним люди Земли связывают свои надежды на перелом в ходе гонки вооруже-

ний, мечтают о том, чтобы начали воплощаться в жизнь предложения Советского правительства о ликвидации ядерного и химического оружия.

Один из руководящих принципов Международного года мира, выдвинутых на Генеральной ассамблее ООН,— «подготовка к жизни в условиях мира...» Земляне — оптимисты, они верят в торжество разума, в то, что человек не зря присвоил своему биологическому виду название «гомо сапиенс» — «человек разумный». Однако, для того чтобы оптимизм этот не оказался беспочвенным, не обернулся беспечностью, необходимо защищать мир. Нужно, чтобы росли ряды сторонников мира. Нужно, чтобы каждый человек, задумываясь над вопросами войны и мира, осознавал необходимость неустанных усилий, конкретного личного вклада. И пусть этот личный вклад можно уподобить песчинке или капле, но как капли, сливаясь, образуют моря и океаны, так и усилия каждого, соединенные с усилиями миллионов, способны стать могучей надежной преградой на пути к последней войне в истории человечества.

Последние годы характеризуются небывалым подъемом антивоенного движения в странах Запада. По своей структуре оно очень пестро и неоднородно и принимает самые различные направления — от организаций и инициатив, занимающих активные наступательные позиции в борьбе с гонкой вооружений, до групп экологического направления и объеди-

нений религиозного характера. Возникает также и целый ряд групп на основе профессиональной принадлежности или социального принципа. Так, в Западной Европе существует группа «Генералы — за мир», в которую входят бывшие натовские генералы. Очень много разнообразных антивоенных организаций в США, среди которых есть даже «Бабушки — за мир», а в ФРГ — «Капиталисты — за мир». Но, безусловно, что не эти небольшие группы играют ведущую, определяющую роль в развитии движения за мир. В этом плане хочется особо выделить крупные международные движения — объединения ученых и врачей против ядерной войны. Они характеризуются не просто формальным признаком профессиональной или социальной принадлежности, а прежде всего той специфической формой вклада в дело борьбы за мир, которая вызвала огромный приток масс в ряды сторонников мира. Последствия ядерной катастрофы, нарисованные учеными на основании научных расчетов, — страшная картина, подкрепленная ответственным заявлением врачей о невозможности спасения людей в таких условиях, — заставила содрогнуться весь мир. В такой ситуации борьба за мир перестает быть только политикой, — она превращается в борьбу каждого человека за свое естественное человеческое право на жизнь.

В 1982 году в ФРГ сформировалось движение «Спортсмены против ядерных ракет, спортсмены — за мир», в 1983-м

были созданы организации «Спортсмены, объединенные за мир» в США, а у нас в стране — «Советские спортсмены — за мир». Позже аналогичные организации возникли и в ряде других стран — Канаде, Греции, Финляндии и т. д.

О чем говорит возникновение такого рода движения, в чем его отличительные особенности, какие формы оно принимает и в чем его задачи?

Прежде всего следует отметить, что это движение не противопоставляет себя общедемократическому движению за мир, неотделимой и составной частью которого является, и не преследует никаких иных целей, кроме как установления на Земле прочного мира. По-разному сформировывалось оно в разных странах. Так, само название движения в ФРГ «Спортсмены против ядерных ракет, спортсмены — за мир» говорит о его активных наступательных позициях, его направленности. Интересно, что выросло оно из группы спортсменов ФРГ, объединившихся и выступивших против бойкота Московской олимпиады. Таким образом, произошедшая через спорт политизация спортсменов этой страны пробудила в них социальную активность, привела в ряды борцов за мир.

В США организация «Спортсмены, объединенные за мир» возникла по инициативе двух человек, далеких от спорта, но ясно осознающих его роль в современном обществе. Организация, ядро которой затем составили известнейшие всему миру спортсмены — Боб Бимон, Джон Томас и другие, ви-

дит в качестве своего основного вклада в дело мира установление и укрепление дружественных контактов между народами разных стран через спорт, и в первую очередь между СССР и США.

Первым же шагом организации «Спортсмены, объединенные за мир» явилось приглашение советских легкоатлетов в 1983 году для участия в Канзасских эстафетах, причем в приглашении подчеркивалось, что хотя в этих соревнованиях и участвуют звезды легкой атлетики, но основная их задача — укрепление дружбы между народами. Именно поэтому апофеозом соревнований явилась заключительная эстафета, в которой время не учитывалось: весь сорокатысячный стадион стоя приветствовал бегущих советского и американского спортсменов, держащих вместе одну эстафетную палочку, которую они передавали следующей паре. Зрителями были жители Лоуренса — городка, в котором за месяц до нашего приезда завершились съемки фильма «На следующий день», показывающего страшные последствия ядерной катастрофы. Канзасские эстафеты явились первой международной встречей спортсменов за мир. На ней была принята совместная декларация — обращение к спортсменам и гражданам всего мира с призывом выступить против гонки вооружений.

В 1983 году при Национальном олимпийском комитете СССР был создан комитет «Советские спортсмены — за мир». Инициаторами его создания

явились любители спорта, а также сами спортсмены. Основные задачи этого комитета — использование широких возможностей, заложенных в природе спорта, для пропаганды и разъяснения советских позиций по вопросам войны и мира, для привлечения через спорт широкого круга людей к борьбе за мир, за разрядку международной напряженности. За три года существования комитета расширились и укрепились его связи с аналогичными организациями, движениями других стран. На совместных международных встречах (в Москве в 1983 и 1985 гг., в Дортмунде в 1984 и 1985 гг.) принимались обращения к спортивной молодежи планеты с призывом объединять усилия в борьбе за мир. При этом документы встреч отражали конкретные особенности политической обстановки и ситуации соответствующего периода. Обращения освещались органами массовой информации разных стран и имели ощутимый отклик, в значительной степени обусловленный популярностью спорта в наше время.

В 1985 году по инициативе комитета «Советские спортсмены — за мир» во всех сборных командах страны прошли собрания и сбор подписей под лозунгом «Нет! — звездным войнам, — говорят звезды спорта».

Каковы же отличительные специфические особенности движения спортсменов за мир, которые позволяют говорить о его самостоятельном значении в движении сторонников мира?

Прежде всего позвольте мне маленький исторический экскурс.

Миссия спорта как посланца мира известна со времен глубокой древности. Еще в 884 году до нашей эры на земле Эллады между тремя древнегреческими государствами был подписан первый в истории договор о прекращении военных действий и подготовки к войне на время проведения соревнований, которые некоторое время спустя превратились в олимпийские игры древности. Интересно, что этот договор свято соблюдался на протяжении 1200 лет (!) без существенных нарушений. Возрождая олимпийские игры, основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен видел в спорте альтернативу военным приготовлениям и действиям. Еще в начале нашего века он писал: «Давайте гонке вооружений противопоставим гонку гребцов... Пусть это будет упорная, бескомпромиссная борьба, но борьба мирная».

Олимпийское движение современности является наряду с деятельностью ООН и ЮНЕСКО важным фактором сохранения мира. Непреходящая общечеловеческая ценность олимпизма — в его идеалах. В этом плане борьба за чистоту идеалов олимпизма и самого олимпийского движения, несомненно, может рассматриваться как специфическая форма и составная часть борьбы за мир.

Спорт в наши дни — одно из крупнейших социальных явлений.

Во время самых популярных международных соревнований, транслирующихся по всему земному шару, значительная часть населения Земли объединяется в одно целое своим глубочайшим интересом к спортивным событиям, общностью своих эмоциональных переживаний.

И хотя в спорте и находит свое отражение острейшая идеологическая борьба, он в то же время служит своеобразной наглядной моделью разрешения конфликтов, давая яркие примеры того, как самое острое, самое бескомпромиссное соперничество не только реализуется в рамках мирного соревнования, но зачастую служит основой взаимного уважения и возникновения дружеских отношений.

Все эти общие соображения о роли спорта как «посла мира» еще не разъясняют специфики движения спортсменов за мир.

Чтобы раскрыть ее, необходимо прежде всего отметить, что движение спортсменов за мир не ограничивается только рамками спорта высших достижений. Это массовое движение, которое открыто и доступно для всех, кому близок и понятен спорт. В нем участвуют ученые и врачи, рабочие и артисты, школьники и пенсионеры.

В резолюции проходившей весной 1985 года Всесоюзной конференции сторонников мира отмечалось, что благодаря спорту возникла принципиально новая разновидность активных действий за мир — велопробеги и веломарши мира,

марафонские кроссы и массовые старты. Они реализуются отчасти и в рамках спорта высших достижений — например, очень популярная и известная велогонка Мира, ежегодно проводимая спортсменами социалистических стран и некоторых других стран Европы. Однако более существенным и важным является вовлечение в такие старты как можно большего числа людей, точнее, их привлечение к этому виду деятельности. Это представляется мне крайне важным по двум причинам.

Если говорить о советских людях, которых не надо агитировать за мир, участие в массовых антивоенных стартах дает им возможность наглядно продемонстрировать свое стремление к миру. Необходимо подчеркнуть, что через массовые старты «За мир» для каждого человека реализуется возможность активного и действенного личного участия в антивоенном мероприятии, сопряженная зачастую и с заметными физическими усилиями. Этот компонент преодоления, несомненно, оказывает психологически сильное воздействие на личность. Таким образом, спортивная деятельность в этом случае непосредственно участвует в формировании у человека активных жизненных позиций, дает возможность человеку ощутить и прочувствовать его личный вклад, способствует формированию у него социально-политической активности.

В апреле 1986 года я, как председатель комитета «Советские спортсмены — за мир»,

обратилась по радио к школьникам в передаче «Пионерская зорька» с предложением принять участие в заочных «километрах мира». Эти километры или сотни метров каждый, кто хочет, мог пробежать, проехать на велосипеде, проплыть (и т. д.) — по собственному усмотрению — либо сам, либо с товарищами, либо с родителями. Мы предложили ребятам поделиться с нами своими мыслями о борьбе за мир, а также сказали, что было бы хорошо, если бы, сложив все их километры вместе, мы смогли бы протянуть воображаемую дорогу от Москвы до штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, куда намереваемся потом сообщить о ребячьих «километрах мира». И пошли письма от ребят, искренние и прекрасные. Письма о мире. О том, что они очень обрадовались возможности показать, что они за мир.

Трудно рассказать обо всех, но один из мальчиков очень удачно написал в своем письме: «большая дорога к миру». Наше предложение нашло активный отклик: за один только май ребята «набегали» около шестидесяти тысяч километров (!), посвящая их Международному году мира. Но что самое ценное — это их акт гражданской сознательности, инициатива, поскольку никаких специально организованных стартов не проводилось.

В движении спортсменов за мир свои особые задачи стоят и перед представителями спорта высших достижений, с заложенными в самой основе так называемого большого спорта

возможностями агитации и пропаганды.

В материалах ООН, касающихся Всемирной кампании за разоружение, особо отмечается, что поскольку эта кампания «в конечном счете должна охватить как можно более широкий круг людей», то особый упор следует делать на те группы, которые по принципу «множителя» имеют доступ к самым широким слоям населения. Этому положению как нельзя лучше отвечают представители спорта высших достижений, звезды спорта, которые известны не только в своей стране, но и за ее пределами и через средства массовой информации могут оказывать влияние на формирование общественного мнения, причем в значительной степени в среде молодежи. Отсюда ясно, как важно, чтобы советские спортсмены, выезжая за рубеж, были готовыми разъяснять и отстаивать позиции нашего государства, нашего правительства в вопросах войны и мира, чтобы они использовали для этого любую малейшую возможность. Мы считаем всех членов сборных команд СССР представителями нашего комитета «Советские спортсмены — за мир». Я хотела бы процитировать заметку из журнала «Олимпийская панорама», в которой журналист В. Сенаторов рассказывает о празднике в Дортмунде в 1985 году, организованном движением «Спортсмены против ядерных ракет, спортсмены — за мир» (ФРГ):

«О том, какую роль могут сыграть спортсмены в созда-

нии общественного мнения, в мобилизации на борьбу за мир, говорил один из руководителей канадской организации «Спортсмены против атомных бомб» Коул Саммерс: «Спортивные страницы газет и журналов — самые читаемые. И если известные спортсмены будут говорить о мире, нелегко будет умолчать об этом...»

Справедливо пишет В. Сенаторов, что даже реакционным западным газетам невозможно не написать о забеге Мира, если в нем стартуют такие знаменитости, как Людмила Брагина, Хармут Вебер (ФРГ), Вальдемар Церпински (ГДР) и другие.

В такого рода деятельности известных спортсменов за мир есть и еще один важный аспект. Нельзя закрывать глаза на то, что неправильным было бы утверждать, что «каждый здравомыслящий человек на Земле хочет мира». Потому что существует огромная масса инертных в этом отношении людей, которые никогда не задавались подобными вопросами. Один — в силу недостаточности уровня образованности (ведь только в США неграмотных — несколько миллионов), которая не позволяет им понять и осмыслить последствия ядерной катастрофы. Другие — в силу инерции мышления и некоей наивности, уповая на то, что катастрофа, если и произойдет, то в другом месте.

Мне запомнился один из эпизодов Дортмундской встречи, который кажется мне глубоко символичным. Был канун Нового года, и люди, спешащие по нарядным, украшенным

улицам города, испытывали чувство обновления, надежд, которые обычно вызывает у людей Новый год. На одной из маленьких площадей — огромный, почти в человеческий рост глобус-мяч. Рядом с ним — группа спортсменов из разных стран. На шаре лежат их руки. Огромная коричневая ладонь гиганта Джона Томаса и маленькая ладошка Светланы Гроздовой, олимпийской чемпионки по гимнастике. Рядом — спокойная и уверенная рука Валерия Борзова. Дальше — Хорста Майера из ФРГ, олимпийского чемпиона, руководителя организации «Спортсмены против ядерных ракет, спортсмены — за мир», и других. Руки, лица, глаза... За ними, словно небо, голубой плакат с голубем мира, взмывающим над пьедесталом почета. Вся эта сцена — словно символ — безмолвная клятва, которую дают спортсмены, клятву сделать все, чтобы защитить, уберечь нашу такую большую и такую маленькую Землю от ядерной катастрофы.

Е. ГРИНГАУТ

ЕСТЬ ЛИ НА СОЛНЦЕ ПЯТНА?

Заметки о 91-й сессии МОК

Приехав в Лозанну, я, пока не началась сессия МОК, решил совершить экскурсию по олимпийским местам города. С вечера наметил по карте маршрут, задумав обойти город пешком, но вскоре начал

ощущать невыполнимость этого замысла. В конце концов пришлось воспользоваться автобусами, а когда спустились сумерки — то и метро, чтобы вернуться с набережной Уши в центр города. Кстати, здешнее метро не имеет ничего общего с привычной «подземкой», куда больше оно походит на фуникулер. Линия его Уши — Лозанна карабкается от Женевского озера в гору.

На одном из самых видных мест в городе красуется островерхий кафедральный собор — памятник раннего средневековья. В темноте его эффектно подсвечивают, и тогда начинается казаться, что он сошел с эмблемы «Лозанна — город олимпийский», которая добавляет к готическому силуэту собора переплетенные кольца.

Эмблеме этой от роду всего несколько лет, но она эксплуатируется все более активно. Ею пользуется, в частности, местное бюро туризма и конгрессов. Ну а в канун сессии МОК в городе появились тысячи белых полотнищ с разноцветными кольцами и стало невозможно разобрать, где это просто декоративный элемент, а где действительно свидетельство олимпийской принадлежности.

Только логика подсказывала, к примеру, что знаменитые швейцарские банки, щедро изукрашенные подобными флагами, — это не олимпийские объекты. То есть в каком-то одном из них, очевидно, хранятся авуары МОК, но они явно пока не столь велики, чтобы задействовать всю необъятную банковскую индустрию Швей-

царии. Банк кантона Во (может, как раз в нем лежат капиталы МОК?) раскошелился на целую экспозицию с копиями малоизвестных архивных олимпийских документов.

Пять лет назад МОК пустил в оборот все олимпийские символы, включая пять переплетенных колец. Можно сказать, что теперь это обычные торговые знаки, право на использование которых продает швейцарская компания ИСЛ. Контрольный пакет акций в ней принадлежит «Адидасу».

И где пользоваться этими знаками, как не в Лозанне? Где им теперь находиться, как не в окнах магазинов? Мне удалось запечатлеть на пленку витрину с дорогими часами, украшенную олимпийским девизом «Быстрее! Выше! Сильнее!». Что он означает применительно к коммерции, можно только догадываться. Сфотографировал я и деревянную лошадку, которая держит в зубах вымпел с олимпийскими кольцами. Но вёрхом этой вакханалии мне показалось украшение одной кондитерской — шоколадные медали с кольцами и даже шоколадный олимпийский факел. После этого, действительно, наступает пресыщение, будто в тебя долго пихали все эти сладости насильно.

...Но вернусь к своему путешествию. Первым делом я побывал в Центре конгрессов и выставок Лозанны — Палас де Болье. Это внушительный комплекс. В его многочисленных помещениях царил обычная предстартовая суэта. Обустройство зала, где должна была пройти 91-я сессия МОК, прак-

тически закончилось. А вот на первом этаже, прямо под ним, стучали молотки, визжали пилы и дрели — это монтировались выставки 13 городов — кандидатов на зимние и летние Игры 1992 года.

Несколько слов об умении организовывать экспозиции. Это, нужно признать, самостоятельный вид искусства, не всегда отражающий реальные потенции претендентов.

К примеру, если какие-то замыслы совпали, ошибку исправить почти невозможно. Скажем, основой экспозиций Фалуна и Берхтесгадена, а они располагались одна за другой, служили зимние альпийские домики. Они были очень похожи, и эффект неожиданности пропал, но делать нечего!

Если бы заранее было объявлено о единых требованиях к содержанию лозаннских выставок кандидатов, о том, что они должны быть строгими и деловыми, рассчитанными на экспертов, а не на публику, глядишь, скромность и умеренность торжествовали бы. Но об этом, увы, никто не сказал. В результате из-за желания привлечь внимание любым путем в Палас де Болье кроме гидов и хостесс оказались аккредитованными повара и музыканты, садовники и кинозвезды, даже шуты, как на том же берхтесгаденском стенде, куда зазывали клоуны из цирка «Кни», сопровождавшего посланцев Баварии.

А в выгородке Анкориджа шла нешуточная подготовка... к зиме: укладывали искрящийся снег из папье-маше, устанавливали белые причудливые де-

резья, за которыми была спря-
тана хитрая электроника, за-
ставляющая их светиться, пе-
реливаться тысячами огней.

Американцы привезли с со-
бой театр живых марионеток.
Обряженные как спортсмены
и в наряды эскимосов, они то
застывали, то двигались, как
механические куклы, и публика
толпилась около них, пытаясь
рассмотреть, а может, это и
впрямь искусно изготовленные
автоматы? Но то были люди,
которые после очередного
представления отдыхали в душ-
ной комнате за сценой, утира-
ли пот, проступавший сквозь
слой грима и подкреплялись
баночным пивом.

Павильон Белграда пред-
ставлял собой пять круглых по-
мещений из плексигласа с
двойными прозрачными стена-
ми, между которыми рабочие
насыпали шары, окрашенные в
олимпийские цвета. И тут не
обошлось без аттракциона. На-
зывался он «Олимпийская диа-
гональ». По этой диагонали пе-
ресекающей макет Белграда,
сверху пускали прозрачный
шар, который останавливался в
нужных точках, и экскурсовод
рассказывал, на каком удале-
нии от него находятся те или
иные городские объекты.
В конце концов шар падал в
лоток и становился сувениром.

Основой экспозиции Пари-
жа была искусно нарисованная
панорама города, в самом
центре которой находилась
фигура Кубертена. Он молод,
одухотворен и выходит из две-
рей Сорбонны, где, судя по
всему, только что произнес
свою знаменитую речь о необ-
ходимости возобновить олим-

пийские игры. При жизни Ку-
бертен дважды помог парижан-
нам получить олимпийские иг-
ры, но они, очевидно, решили,
что этого недостаточно.

А прямо против парижско-
го стенда располагалась вы-
ставка Барселоны, главной до-
стопримечательностью кото-
рой был мраморный пол, уло-
женный за одну ночь. И тут то-
же присутствовал Кубертен.
Он смотрел на посетителей с
фотографии, сделанной во вре-
мя путешествия в Испанию в
1926 году. Рядом — копия
письма, написанного им тогда
же в гостинице «Кастилья», в
котором есть добрые слова о
Барселоне.

Словом, Кубертена, кото-
рый безгласен, каждый пытал-
ся взять себе в союзники...

Возвращаясь из Палас де
Болье, я завернул на улицу Ру-
шонне, 18, где в небольшом
двухэтажном особняке нашли
временное пристанище Олим-
пийский музей, библиотека
МОК и Центр олимпийских ис-
следований. Меня встретила
библиотекарь Карин Дукре, и
было приятно убедиться, что
подшивки журнала НОК СССР
«Олимпийская панорама» на
всех пяти языках занимали свое
место на полках среди десят-
ков аналогичных изданий, со-
бранных со всего мира. Вход в
здание свободный, и фондами
может пользоваться каждый
желающий.

Безусловно, в помещении
очень тесно, но через два года
все учреждения, находящиеся
в нем, переедут в другое зда-
ние на набережной Уши, где
МОК и город Лозанна приобрели на паях за 8 миллионов

швейцарских франков живописный участок лесопарка площадью 12,6 тысячи квадратных метров.

И наконец, загородная поездка в Шато де Види. Прогулка пешком до него по берегу Женевского озера заняла бы не меньше часа. Рядом с традиционным, ничем в общем-то не примечательным замком, который с 1983 года занимает штаб-квартира МОК, выросло новое административное здание, составленное из двух приземистых ультрасовременных кубов. Здесь тоже шла напряженная подготовка к церемонии торжественного открытия 91-й сессии. И тем не менее удалось поговорить с одним из авторов проекта — известным лозаннским архитектором Жаком-Пьером Кахеном.

Он сказал, что основу замысла составляет контраст между основным элементом сооружения — черным зеркальным стеклом, в котором, как в воде, отражаются вековые деревья парка, и белоснежным очень красивым мрамором, доставленным из Греции, которым отделан вход и выстлан пол. Света добавляют два стеклянных фонаря в крыше здания. Очень интересна серия красочных рисунков швейцарского художника Ханса Эрни, развешанных в фойе, и его же фрески, которые украшают зал заседаний Исполкома МОК.

...Лозанна — наверное, единственный город в мире, в котором есть и улица Спорта, и площадь Спорта, и набережная Спорта. Недалеко от Паласа де Болье находится стадион,

названный Олимпийским и выросший посреди современного микрорайона. Но не он интересовал меня больше всего.

Составляя маршрут этого путешествия, я пометил для себя на карте, неподалеку от Шато де Види, улицу Кубертена и стадион с тем же названием. Нашел я их без труда благодаря десяткам спортсменов — бегунов, ходоков, велосипедистов, которые сновали по парковой зоне, как муравьи, возвращаясь со стадиона и направляясь к нему. На улице Кубертена... никто не живет. Собственно, это не улица в обычном понимании, а проезд между спортивными площадками, которые я принял за считаные, но сбился со счета.

Стадион очень чистый и ухоженный, он принадлежит городской коммуне Лозанны и используется для самодеятельного спорта. У него нет трибун, и все его посетители приходят сюда не смотреть на соревнования, а заниматься.

Интересно, что назван он очень лаконично — «Пьер де Кубертен». И больше ничего. В таком виде его название вырастает до масштабов символа. Согласитесь, это и есть самый лучший памятник, причем действующий, отцу современного олимпизма, куда лучший, чем шоколадные медали.

Внешне Кубертен и ныне в чести. Члены МОК возложили венки к его могиле. А в новом здании МОК невольно обратил на себя внимание искусно выполненный из черного мрамора бюст того же Кубертена. Даже четырехтомник его трудов выпустили к сессии.

«Я люблю вас, но живого, а не мумию», — сказал поэт о своем отношении к классикам. В МОК живого Кубертена сегодня, увы, признают с трудом. На международном симпозиуме «Актуальность идей Пьера де Кубертена» нынешней весной попытались даже протащить вывод о том, что, цитирую, «с академической точки зрения Кубертена нельзя рассматривать как выдающегося специалиста ни в одной области и следует проявлять чрезвычайную осторожность, используя его идеи в качестве аргументов или доводов в ходе научных споров относительно будущего спорта и олимпийского движения».

Как видно, философия французского просветителя и спустя полвека кое для кого опасна. Не это ли лучшее свидетельство того, что наследие Кубертена по-прежнему актуально?

Обо всем этом я размышлял уже вечером, когда пришел в гостиницу «Палас де Лозанн», где жили члены МОК. Включили телевизор. Специально в честь сессии американские телекомпании Эй-би-си и Эн-би-си арендовали один канал местной телесети и гнали по нему весьма своеобразную спортивную программу, составленную из записей лучших, на их взгляд в основном коммерческих, спортивных соревнований. В тот момент показывали так называемые международные соревнования мирового класса по борьбе, а на самом деле — по кэччу, дикой смеси цирка и жестокости. Спортот там и не пахло.

Худшей агитации за профессиональный спорт придумать было невозможно.

* * *

91-я сессия МОК заняла свое место в истории, получив весьма разноречивые оценки. В чем, однако, сошлось большинство обозревателей, так это называя ее «ярмарочной». Тут, что называется, не в бровь, а в глаз. Впрочем, разве можно было рассчитывать на иное, приглашая «чертову дюжину» городов побороться за всего два вакантных места олимпийских столиц 1992 года? Не ждать же своей очереди четверть века. Вот почему соблазн кончить дело одним махом оказался для кандидатов очень велик.

...На втором этаже Палас де Болье шла сессия, на первом — бурлили выставки, и, покидая зал заседаний в минуты перерыва, члены МОК тут же попадали в плен к конкурирующим группам. Осложняло ситуацию то, что десятка два олимпийских парламентариев были «едины в двух лицах», так как входили в делегации городов-кандидатов.

Но и за пределами дворца членам МОК не было покоя. Их ждали на бесчисленных приемах (один из них за неимением другого времени пришлось проводить вместо завтрака!). Их тащили на мероприятия культурной программы, каждое из которых кроме высоких целей искусства имело рекламную подоплеку.

Передо мной лозаннское издание газеты «Матен» за 15 октября 1986 года. Самый

молодой член МОК, монакский принц Альберт, держит на руках львенка из берхтесгаденского цирка. Кинозвезду Джину Лоллобриджиду газета называет «крестной матерью» Кортине д'Ампеццо. «Какковы ваши планы, Джина?» — «Я надеюсь, что улыбка поможет мне выиграть олимпийский конкурс». Пресс-конференция Бьорна Борга в пользу Фалуна. «Скажите, Бьорн, разве теннис — зимний вид спорта?» Сбитого с толку Борга выручает кто-то из делегации: «Он — выдающийся спортсмен. И мы гордимся его поддержкой».

Оригинально рекламировал себя Берхтесгаден. В бюллетенях, которые выпускал подготовительный комитет, давалось подробное перечисление всех, кто может или мог бы рекомендовать этот баварский курорт для проведения XVI зимних Игр. Наряду с писателем Томасом Манном, который побывал там в 1904 году, и естествоиспытателем Александром фон Гумбольдтом, изучавшим Альпы, в перечень попали... император Наполеон, охотившийся в окрестностях Берхтесгадена, великий Мистер Икс, выигравший в местном казино 400 тысяч марок, и даже пятилетняя немецкая овчарка, которая трижды одержала победу в чемпионате главной таможни ФРГ.

Все остальное было в том же духе. И так — каждый день.

Амстердам снял часть фешенебельного отеля «Бо Риваж» под так называемый Голландский дом и устраивал там выставки овощей и цветов и

дегустацию пива «Хайнекен». Лиллехаммер арендовал под нечто специфически норвежское ночной клуб. Давала концерты, призывая голосовать за Барселону, обладательница уникального сопрано, испанская певица Монсеррат Кабалье. А в Ледовом дворце «Маллев» олимпийская чемпионка Дениз Бильманн делала последнее па на фоне многометровой надписи «Альбервилль».

Этот спектакль отнесли к числу самых больших рекламных удач французского курорта, выжавшего максимум из близкого соседства с Лозанной. В айс-ревю удалось собрать таких знаменитостей фигурного катания прошлых лет, как Хэмилтон, Зайяк, Крэнстон и Шрамм. И что делалось в зале, когда три тысячи школьников из Савойи — пошли в ход и дети — начинали скандировать: «Альбервилль!»

Пишу обо всем этом, чтобы вы могли представить себе масштабы своеобразной «олимпийской лихорадки», охватившей Лозанну.

В подобные события впервые оказались втянуты не только спортсмены экстракласса, но и государственные деятели первой величины. Узнав о намечающейся поездке в Лозанну Жака Ширака, собрался туда и премьер-министр Испании Филип Гонсалес. Баварскую делегацию усилил Франц-Йозеф Штраус, что вызвало контрвыпад «зеленых», приславших целый эшелон «антиберхтесгаденцев». На прибытие норвежского принца Харальда шведы ответили приездом двух членов

королевской семьи — принца Бертиля и королевы Сильвии.

После окончания сессии выяснилось, что не только общественность, но и руководители МОК встревожены выявившимся размахом предвыборных операций. Однако, как говорит пословица, стоит ли сетовать на обвал в горах, если сам кричал и аукал? Не появился чрезмерное число претендентов, не было бы и ажиотажа вокруг выборов, а собралось их столько потому, что каждому из них не раз и не два намекнули на реальность победы.

Без большой пользы для интересов спорта оказалась потрачена уйма денег. Называют сумму в 129 миллионов долларов, и в нее веришь без труда. Но в таком случае эти расходы во многие десятки раз превышают годовой бюджет программы МОК «Олимпийская солидарность». Есть над чем поразмыслить.

Урок, правда, вроде бы пошел впрок. В будущем решено ограничить кипучую деятельность городов-кандидатов разумными рамками, а членам МОК — запретить принимать подарки, совершать не оправданные интересами дела вояжи в эти города, да и в дни сессии держать себя более независимо.

Министр спорта в теневом кабинете лейбористов, сэр Дэнис Хауэлл, возглавлявший делегацию Бирмингема, пошел еще дальше, заявив, что в дальнейшем стоило бы составить для членов МОК кодекс поведения и обязать их открыто извещать о своих деловых

связях со спонсорами из мира спорта.

В последних словах содержится скрытый намек на удивительную осведомленность одной из транснациональных корпораций, которая точно «угадала» результаты выборов, заранее назвав фаворитами Барселону и Альбервилем.

Законность избрания Барселоны тем не менее никто не оспорил. И не из-за тех миллионов, которые город вложил задолго до сессии в избирательную кампанию. Испания — единственная крупная страна в Европе, еще не проводившая олимпийские игры. Кандидатура столицы Каталонии была выдвинута в четвертый раз за последние шестьдесят лет. На еще одну причину успеха указал мэр Барселоны Паскаль Марагаль, напомнив, что при Франко олимпийские устремления города игнорировались. «Победа Барселоны, — сказал он, — это победа демократии».

С Альбервилем — сложнее. Отдав ему предпочтение, члены МОК поставили под сомнение логику выборов. По неписаному правилу очередности все шансы на избрание имел Фалун, который, проявив завидное постоянство, в третий раз подряд стал кандидатом. Симпатии международных федераций были отданы Софии, которая объективно имела самые весомые аргументы. Не являлось секретом и то, что Игры, кроме Альбервиля, придется проводить не менее чем в десятке альпийских поселков области Савоя. Помимо разбросанности, это

неминуемо создаст и транспортную проблему.

Что же склонило чашу весов в пользу французского курорта? То, что для почти половины членов МОК зимние Игры являются «чужими», так как их страны в них не участвуют? Или такое сильное впечатление на голосовавших произвела дипломатическая активность Франции, включавшая направление в МОК телеграммы президента республики и представление кандидатур Парижа и Альбервиля на сессии МОК лично премьер-министром? А быть может, помогла тактическая хитрость французов, пожертвовавших, как сказали бы шахматисты, одну из двух своих «проходных пешек» за инициативу? Или «олимпийских кардиналов» покорили наметки бюджета, которые предложил Альбервиль, ведь чем больше город планирует заработать, тем солиднее будут отчисления в МОК?

«Настоящие решения МОК готовятся без шума и спешки, их заранее никто не станет афишировать, и родятся они наверняка на перекрестье многих интересов: спортивных, финансовых, политических». Так написал я в репортаже из Лозанны для газеты «Советский спорт» за пять дней до выборов. Это же хочу повторить, зная их результат.

* * *

Как бывает на ярмарках, коль уж протянуть аналогию дальше? Поют, пляшут, а между тем глядишь, и дело сладилось, и по рукам ударили, но

за буйным весельем это не все заметят.

В свое время так, без лишних дебатов, уравнивали в интересах американского телевидения продолжительность зимних и летних олимпийских игр, хотя насыщенность их программы несопоставима. Шестьдесят лет подряд Белые олимпиады не выходили за лимит двенадцати дней, но продавцам телерекламы понадобились три уикэнда вместо двух, и МОК не стал спорить. Благодаря тому же телевидению без особого труда попал в олимпийскую программу популярный на Американском континенте бейсбол.

Что-то похожее произошло и в Лозанне. Самых серьезных вопросов не объявили заранее в повестке дня сессии, о самых важных ее постановлениях не прочтешь в пресс-релизах — они приняты будто бы мимоходом. И сообщено о них на встречах с журналистами так буднично, словно это что-то второстепенное по сравнению с торжественным открытием нового административного здания МОК или вручением олимпийских орденов.

Изменена, скажем, редакция Правила 5 Олимпийской хартии. Мелочь? Но за этим скрывается без преувеличения историческое решение «развести» зимние и летние олимпийские игры, нарушить казавшийся всегда священным четырехлетний цикл, который греки еще в четвертом веке до новой эры положили в основу летосчисления. Теперь, начиная с 1992 года, зимние и летние олимпиады будут чередовать-

ся друг с другом через два года. Что стоит за этим? Желание дать странам возможность лучше подготовиться? Намерение вывести зимние Игры из тени летних? Или, как пишет западногерманская печать, стремление дважды появляться на сцене и дважды получать деньги?

Как сообщил президент ФИС Марк Ходлер, от рождения этой идеи до одобрения проекта прошло всего полтора месяца. Куда спешил МОК?

Не менее филигранно осуществлялся в Лозанне и демонтаж основ любительства. Опоры выбивались одна за одной, но каркас здания пока устоял. Сохранено знаменитое Правило 26, да и принятие «Кодекса атлета», как того желало большинство НОК, отложено. Но профессионалы на ближайших Играх все же, видимо, появятся. В футболе, хоккее с шайбой, конкуре, кое-кто даже в легкой атлетике. Каким образом? «Как исключение», «в порядке эксперимента», «если федерация восстанавливает любительский статус» — вот такая лексика нынче в ходу.

Фронтальную атаку заменил обходной маневр, который по заслугам оценил президент ИТФ Филипп Шатрие, хотя, казалось бы, именно у него нет оснований быть довольным 91-й сессией МОК, отложившей решение о теннисе до очередного заседания «олимпийского парламента» в Стамбуле.

«Мне понятно,— сказал он,— почему президент МОК перенес вопрос о теннисе на

более поздний срок. Еще многие в МОК считают аморальным сделать олимпиаду открытой для всех. По их мнению, в этом случае наступит крах олимпийского движения. Так что Самаранчу было крайне трудно, а то и невозможно, все решить в один момент. В этом я вижу его большой дипломатический опыт».

* * *

Согласиться с переоценкой чего-то ставшего близким всегда тяжело. Не хочется замечать и того, как время меняет черты дорогого образа. Это касается и людей и явлений.

Говоря о нынешнем состоянии олимпизма, тоже нелегко спуститься с небес на землю. Слишком долго мы благоговейно на него взирали и вот теперь не хотим поверить в появление на светиле хоть малейшего пятнышка.

Между тем пятна на солнце есть, более того, они всегда были. Это не у олимпийского руководства начал время от времени сбиваться курс, а мы сами последний десяток лет перестали делать необходимую поправку на его классовое отклонение от декларируемых целей и задач.

А ведь наивность никого не красит, как, впрочем, не украшает и лицемерие. Реализм в оценках, объективный взгляд на вещи — вот самая надежная почва.

Иногда слышишь: «Брэндж бы этого не допустил», «Килланин бы на это не пошел». Но что это доказывает? Только то, что Самаранч больше, чем они, сын своего века

и своего класса, что он прагматик, а не идеалист, что он — правило, а не исключение, какими кое в чем были его предшественники.

Нужно однако сказать, что на этот раз и нынешнего президента МОК, как показало его выступление в день открытия 91-й сессии, заботило не только «приспособление к реалиям современного мира». Эта фраза в последние годы стала синонимом осторожного призыва к постепенной коммерциализации олимпийских игр.

В Лозанне Самаранч обычно много говорил о необходимости оберегать моральные устои спорта, следовать олимпийским принципам и верить в них, оставаться приверженными возвышенному идеалу.

Рассуждения о сохранении символа веры вселили определенную надежду. Это значит начало приходит понимание, что идейный руль нужен спорту не меньше, чем финансовые ветрила.

Может быть, необходимый баланс между традиционной философией и новой практикой олимпизма еще удастся найти.

**Октябрь 1986 года.
Лозанна—Москва**

СТОЛИЦЫ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 1992 ГОДА

XVI зимние Олимпийские игры

Альбервиль (Франция)

Альбервиль представляет собой объединение различных курортных центров департамента Савойя на юго-востоке Франции в Савойских Альпах: Куршевель, Брид-ле-Бэн, Тинь, Валь д'Изер, Сэи, Плать, Мешюир, Мутье. В Альбервиле — центре региона Рон-Альп — проживает 30 тыс. чел. Высота над уровнем моря на различных курортах варьируется от 1500 до 2080 м; Альбервиль находится на высоте 400 м. Среднее снежное покрытие в феврале — 150 см. Долгота дня в феврале — свыше 10 час. Средняя температура на курортах — минус 5 градусов, в Альбервиле — плюс 2.

Экономика региона основана на туризме. Две трети деятельности Олимпийского подготовительного комитета финансировались за счет спонсорства, одна треть — за счет национального налогообложения. Оргкомитет предполагает получить доходы за счет продажи телеправ, продажи товаров с олимпийской символикой, олимпийских монет, медалей и марок, билетов, спонсорства, вторичной продажи оборудования и материалов.

Доступ в Альбервиль и во всю зону будет осуществляться воздушным транспортом, железнодорожным и автодо-

рогами. Олимпийцев и туристов будут принимать международные аэропорты в Женеве (находится в 100 км от Альбервиля), Гренобле (100 км), Лионе (125 км). Савойя связана с Парижем системой скоростного железнодорожного сообщения (от Парижа до Шамбери 3 час. 15 мин.). К 1989 г. эта система также включит в себя Альбервиль, Мутье и Бурж-Сен-Морис. Таким образом, Альбервиль будет на расстоянии четырех часов езды от Парижа. Железнодорожные станции Лиона, Гренобля, Шамбери и Э-ле-Бэн будут оснащены соответствующим образом для обслуживания посетителей зимних Олимпийских игр. Национальное автомобильное шоссе № 90 проходит по всем олимпийским объектам и связывает их между собой.

Между всеми городами региона будут курсировать специальные олимпийские поезда-экспрессы и автобусы. Расписание будет составлено с учетом соревнований. В настоящее время в 50 курортах региона работает 900 кабельных вагонеток и лифтов. Предусматривается расширить систему обслуживания механическими подъемниками. Рядом с местами соревнований будут созданы вертолетные станции.

Ежегодно курорты департамента Савойя посещают более 5 млн. туристов. Во время Белой олимпиады гостям будет предоставлено 250 тыс. мест в отелях, находящихся непосредственно в зонах соревнований, и 500 тыс. мест в стокилометровом радиусе от Альбервиля.

Олимпийская деревня рас-

положена в Брид-ле-Бэн, в 4 км от Мутье. Это курортный город, обычно закрытый зимой, знаменитый специальным курсом лечения. В настоящее время его вместимость 1700 мест, к 1992 г. увеличится до 3300 мест. К Играм будет создана закрытая, прочная в плане безопасности, зона с одним входом. Для отвода автомобильного движения от зоны деревни будет построена обводная дорога. Для поездок на соревнования и тренировки будет организовано челночное автобусное движение. В Эзи будет размещен филиал Олимпийской деревни для участников соревнований по лыжному спорту и биатлону.

Расстояние от Брид-ле-Бэн до мест соревнований и основных объектов:

Альбервиль — 30 км

Эзи — 58 км

Мутье (Главный пресс-центр) — 5 км

Мешоир — 27 км

Мерибель — 12 км

Куршевель — 15 км

Пралоньян — 18 км

Плань — 32 км

Арк — 44 км

Валь д'Изер — 62 км

Тинь — 62 км

Савойя имеет давние традиции и большой опыт в организации соревнований по лыжному спорту.

Места соревнований:

слалом и слалом-гигант — Тинь,

скоростной спуск (мужчины) — Валь д'Изер,

скоростной спуск (женщины) — Мерибель,

гонки на лыжах и биатлон — Эзи (100-километровая трасса),

Игры XXV Олимпиады

лыжное двоеборье — Куршевель,

прыжки на лыжах — Куршевель (будут построены два трамплина 70 и 90 м),

хоккей — Мерибель (будет построен крытый каток 600×30 м, в Куршевеле будет построен тренировочный каток), бобслей и санный спорт —

Плань (здесь естественные спуски существуют на протяжении 50 лет, к Играм будут построены искусственные трассы).

В Альбервиле планируется строительство Олимпийского парка, в который войдут: стадион на 30 тыс. зрителей для скоростного бега на коньках, церемоний открытия и закрытия Игр и награждения; ледовый дворец для соревнований по фигурному катанию на 8 тыс. мест; тренировочный каток на 2 тыс. мест.

В программу XVI зимних Олимпийских игр войдут все виды программы Белой олимпиады 1988 г., кроме того, будут проведены показательные соревнования по фристайлу, скоростным лыжам и керлингу.

На период до и во время Игр организаторы планируют провести обширную культурную программу: концерты, театральные спектакли, выставки (особенно по горной архитектуре). В районе долины Савойи находится много исторических памятников. Средневековая деревня Конфлан, находящаяся рядом с Альбервилем, станет культурным центром, где будут выставлены произведения традиционных местных народных ремесел.

Барселона (Испания)

Барселона — город и порт на северо-востоке Испании на Средиземном море. Главный город Каталонии и административный центр провинции Барселона. Второй после Мадрида по числу жителей и один из важнейших экономических и культурных центров страны. Население — 1,8 млн. человек (1976 г.), с пригородами — около 3 млн. чел.

Основные отрасли промышленности: текстильная (крупнейшая в стране), машиностроение (авто-, судо-, локомотивостроение, производство энергетического оборудования, станкостроение, электротехническая, радиоэлектронная промышленность и др.); химическая, целлюлозно-бумажная, цементная, кожевенная, пищевая и др.

Барселона — постоянное место проведения международных торгово-промышленных ярмарок. Дважды в Барселоне проводились Всемирные выставки — в 1889 и 1929 гг.

Попасть в Барселону можно воздушным транспортом (международный аэропорт Эль Прат расположен в 10 км от центра города, аэропорты Герона-Коста Брава и Реус — соответственно 80 и 90 км), морем и по железной дороге. Широкая сеть железных дорог соединяет Испанию с соседними странами — Швейцарией и Францией. В Испании имеется разветвленная сеть шоссейных дорог. Во время соревнований и тренировок спортсмены, офи-

циальные лица и журналисты будут регулярно доставляться от Олимпийской деревни до всех спортивных сооружений на автобусах. Для членов олимпийской семьи будут выделены специальные транспортные дороги, только автомашинам членов олимпийской семьи будет разрешен проезд в район Монтьюик, где расположены основные места соревнований. Планируется принять меры по снижению интенсивности автомобильного движения на период проведения Игр. Для членов олимпийской семьи и представителей средств массовой информации общественный транспорт будет бесплатным.

В настоящее время Барселона ежегодно обслуживает 5,5 млн. туристов. В городе много гостиниц различных категорий. Одновременно могут быть размещены 23 тыс. чел., 775 тыс. — на курортах на берегу океана на расстоянии полутора часов езды от города. Дополнительное размещение будет обеспечено на теплоходах, стоящих в порту.

Олимпийская деревня будет расположена в Парк де Мар на берегу моря в 6 км от олимпийского стадиона в Монтьюике, в 7 км от района Диагональ, в 6,5 км от Валь д'Эброн. 15 тыс. чел. будут размещены в 6-этажных домах на окраинах деревни и в 2—3-этажных домах в центре деревни.

Места проведения соревнований.

Большинство мест соревнований расположено в 4 олимпийских районах в радиусе 5 км вдоль основных магист-

ралей. Уже имеются в наличии 27 из 37 мест для проведения соревнований, 5 — строятся, оставшиеся 5 — в стадии планирования.

Район Монтьюик находится в 6 км от Олимпийской деревни, в 1,2 км от центра массовой информации.

Олимпийский стадион (на 80 тыс. мест). Здесь будут проведены церемонии открытия и закрытия Игр, соревнования по легкой атлетике. Здесь же, на стадионе, имеются или будут построены залы для баскетбола, гимнастики, волейбола (на 17 тыс. мест), бокса (14 тыс.), фехтования (4,5 тыс.), борьбы (6 тыс.), бассейн для плавания и прыжков в воду (10 тыс.), водного поло (5 тыс.), зал для настольного тенниса (8 тыс.), тяжелой атлетики (4 тыс.), поля для стрельбы из лука.

Район Диагональ. Находится в 8 км от Олимпийской деревни. Здесь пройдут соревнования по конному спорту, которые смогут наблюдать 15 тыс. зрителей, футболу (на стадионе Ну Камп, рассчитанном на 120 тыс. зрителей), дзюдо (6 тыс.), теннису (10 тыс.), волейболу (3,5 тыс.).

Район Валь д'Эброн. Находится в 7 км от Олимпийской деревни. Здесь пройдут соревнования по велоспорту, гандболу (8 тыс. мест), стрельбе из лука (3,6 тыс.).

Район Парк де Мар. В этом районе расположится Олимпийская деревня, здесь же неподалеку будут размещены представители средств массовой информации. В этом же районе будут проведены со-

реванзания по бадминтону (5,5 тыс. мест), парусному спорту.

Вне основных четырех олимпийских районов соревнования будут проведены: по баскетболу (10 тыс. мест) и стрельбе (3 тыс.) в Бадалоне, в 12 км от деревни; гребле на байдарках и каноэ (10 тыс.) — в Лобрегате, в 14 км от деревни; по конному спорту (конкур и троеборье) — в Виладекансе, в 19 км от деревни; по гандболу (4 тыс.) — в Гранолерсе, в 27 км от деревни; хоккею на траве (25 тыс.) — в Террасе, в 34 км от деревни; гребле академической (10 тыс.) — в Баниолле, в 118 км от деревни.

В программу Олимпийских

игр в Барселоне войдут все виды спорта, входящие в программу Игр 1988 года.

В 1989—1990 гг. Барселона будет отмечать 2000-й юбилей. Планируется проведение Олимпийского фестиваля искусств, выставок известных коллекций (Пикассо, Миро и других художников), выставок монет и филателии. В Олимпийской деревне планируется широкая культурно-развлекательная программа. В 1988—1992 гг. будет проведено большое количество разнообразных выставок «Спорт в искусстве».

М. Батуриная

HAWN

BY BARKLEY LAMONT

"Us Tareyton
ld ra
fig"

smoke
light

А. КУЛЕШОВ

ПРЫЖОК

1

Долинский устремил в пространство невидящий взгляд. Еле слышно разносилась по салону музыка. Порой скользили вдоль прохода стюардессы, внимательно следя, не нужно ли кому-нибудь чего-нибудь. Порой громко всхрипывал сосед, деловито побормотав во сне, затихал, чтобы спустя несколько минут снова взорваться раскатистым всхрипом.

Год, всего год, ну, может быть, чуть больше прошло с тех пор, как вот так же летел он в далекую заокеанскую страну. В таком же самолете, и так же скользили по проходу высокие смуглые стюардессы, и кто-то, наверное, похрипывал невдалеке. Только вот настроение было иным. Тогда все было впереди. Теперь все осталось в прошлом. Так уж и все? Долинский внутренне усмехнулся. Да нет! Наоборот — это теперь все впереди. Любимая увлекательная работа, новые (которые станут любимыми) ученицы, общественные дела, суeta привычных будней, споры с коллегами, общение с друзьями, чудесный радостный мир подлинного спорта, а не тот, в котором он жил этот минувший год. Но, главное, конечно, родина. Без которой он так тосковал, без которой можно прожить лишь твердо зная, что скоро вернешься к ней навсегда, на весь срок, отпущенный тебе судьбой.

И все же не было у него того приподнятого возбужденно-радостного настроения, которое охватывало его всегда, когда он возвращался домой из бесчисленных своих зарубежных поездок. Словно какая-то неясная раздражающая тяжесть навалилась на сердце и мешала в полной мере ощущать грядущее счастье. Словно мимо нищего прошел, не бросив пятак.

Сложные чувства владели сейчас Долинским — неудовлетворенность собой, раздражение от собственной, как ему казалось, беспомощности, возмущение тем миром, который он покидал, жалость к Солли, для которой он так и не смог ничего сделать, яростное желание все-таки что-то предпринять, жажда еще побороться, не признать себя побежденным...

Долинский очнулся от своих мыслей. Огляделся. Все так же всхрипывал сосед, все так же напряженно ловили взглядом стюардессы требовательный знак пассажира, все так же успокоительно звучала негромкая музыка. Долинский посмотрел в окно.

И там внизу в десяти километрах под ним тоже ничего не изменилось, вот уже третий час сверкал, чуть шевеля зелеными покатыми боками, океан. По всей его тяжелой, отсюда, с сумасшедшей высоты, казавшейся ровной поверхности вспыхивали серебристые блестящие. И сколько хватало глаз, океан был таким же ровным, величественным, медленно вздыхавшим, сверкавшим.

Гигантские миллионнотон-

ные айсберги, ослепительно белые, но представавшие отсюда крохотными хрупкими льдинками, остались позади, как и тот единственный встреченный ими корабль, тоже, наверное, огромный. Океан, на тысячи километров океан...

Как и год назад, когда летел он над ним, таким же ленивым, бескрайним и сверкающим, летел в обратном направлении.

Тогда тоже было у него тревожное, смутное настроение. Долинский снова усмехнулся — как все повторяется в жизни! Как много схожих ситуаций, событий... Внешне схожих, но наполненных разным смыслом.

И год назад его душа болела из-за юной девушки, из-за этой маленькой Ирочки, его любимой ученицы, которой он принес столько горя. И пусть не успокаивают его друзья, коллеги, начальники, пусть не пишет ему Ирочка тех писем, от которых комок подкатывал к горлу, все равно виноватым он будет считать только себя. Одного себя. А кого же? Кто в погоне за победой (чьей, ее — его лучшей ученицы, или его, прославленного тренера?) все усложнял и усложнял элементы, мучил и ее и себя бесконечными тренировками, повторениями, экспериментами? Кто ночами не спал, обдумывая свои новаторские «трюки», как выразился тот журналист в своей беспощадной статье? Кто упрямо настаивал на своем, не видя ничего вокруг, не считаясь ни с советами коллег, ни с Ириныными робкими возражениями? Он, Долинский, «великий

тренер», «никогда не ошибавшийся», «идущий на годы впереди других» (ох, как только не прославляли его газеты, те самые, что потом набросились на него). А он в своей гордыне ничего не желал слушать. Он же великий! Такого элемента не выполнял никто в мире! Только его воспитанница! Ира! Смотрите и восхищайтесь!

Сколько невидимых миру слез пролил он в те бессонные ночи, что провел в больничном коридоре у дверей ее палаты. Как судил себя! Никакой суд его коллег по тренерскому совету, по федерации не был страшней. Его уговаривали, его успокаивали, авторитетные специалисты втолковывали ему, что его вины нет, что бывают случайности, одна на миллион, на миллиард, и, что ж делать, что вот как раз такая подкатила, что спорт высших достижений не игра в домино, что, наконец, в хоккее, футболе, боксе, а у женщин в гимнастике, акробатике тоже случаются жестокие травмы, так почему не может она быть и в прыжках в воду... — все было напрасным.

Наслушавшись утешений, взяв себя в руки, он на цыпочках входил в палату и, встретив печальный взгляд обведенных черными кругами Ириныных глаз, увидел ее похудевшее бледное лицо, всю маленькую ее неподвижную фигурку, он, немолодой мужчина, фронтовик, человек мужественного, сильного характера, порой сразу выбежал обратно, не в силах сдерживать слез и лишь огромным усилием воли справившись с собой, возвращался обратно.

А потом появилась та статья, где достаточно известный журналист с безупречным именем обвинил его в «безответственном экспериментаторстве», в «принесении на алтарь собственного честолюбия здоровья своих учениц», в высокомерии, упрямстве, отсутствии элементарной самокритичности. Журналист напоминал, что спорт, даже самого высокого ранга, работает прежде всего на здоровье, на физическое развитие, да просто на радость людям и уж во вторую очередь на зрелищность, на утверждение человеческих возможностей.

«Еще вопрос,— писал журналист,— какой тренер сделал больше для спорта, для народа, тот, что воспитал чемпиона мира или тот, что подготовил сотни значкистов ГТО. Да, Долинский — тренер уникальный. Две чемпионки мира и одна — Олимпийских игр, шесть чемпионок Европы и восемнадцать — Советского Союза, не считая заслуженных мастеров, мастеров международного класса, которых он воспитал. Низкий поклон ему за то. А вот сколько у него на счету физкультурниц, сдавших на третий или второй разряд? Да имел ли он с ними когда-нибудь дело? Ведь меньше чем с перво-разрядниками, а то и мастерами он работает никогда не начинал! И не перечеркивает ли все его заслуги та страшная травма, что получила его лучшая ученица в результате его безответственных экспериментов? Прыжки в воду — спорт редкой красоты. Никому не позволено превращать его в трюк-качество».

Статья наделала много шума. Долинскому звонили, выражали сочувствие, возмущались журналистом, писали письма протеста в редакцию. На специальном заседании президиума федерации отвергли содержащиеся в статье обвинения, заместитель председателя Спорткомитета пригласил Долинского к себе и провел с ним, как с горечью выразился сам Долинский, «успокоительную-утешительную» беседу.

Но самым страшным оказалось другое. Однажды, придя на занятие, он обнаружил, что одна из его учениц отсутствует. Как всегда, озабоченный, он позвонил ей домой. Ее мать смущенно и растерянно что-то долго объясняла в трубку. Дочка перешла в восьмой класс... надо много заниматься... а к нему в бассейн далеко и долго ехать... так что теперь она перешла в бассейн по соседству к тренеру... Андрей Андреевич должен понять... Не дослушав, он повесил трубку. В течение месяца еще три девушки покинули его группу. И тогда, сославшись на переутомление, на застарелую рану, еще на что-то, он оставил группу и взял длительный отпуск за свой счет, который ему сразу же и, как показалось, с облегчением предоставили (впрочем, ему многое тогда «казалось»).

Ушел он и со своего поста тренера сборной, оставил лишь занятия в институте. Но там была теория, а не «опасные эксперименты», не «трюки», и студенты свою жизнь риску не подвергали.

Однажды под настроение он написал письмо тому журна-

листу. Он писал с горечью, что есть травмы душевные, во сто крат хуже физических и что журналисту следовало бы подумать об этом. Да и поговорить с ним, Долинским, тоже не мешало. Он слышал, что раньше чем опубликовывать судебный очерк, с осужденным или обвиняемым обычно беседуют. Такова, по слухам, нормальная практика в газете. Но, быть может, это только слухи? Так или иначе, он, Долинский, знает, что из-за этой злополучной статьи журналист тоже нахлебался, были у него неприятности. Так вот, он, Долинский, считает статью правильной (о тоне он не говорит, это мелочь) и разрешает журналисту это свое письмо опубликовать, чтобы были поставлены все точки над «и». Журналист ему не ответил.

И письмо опубликовано не было.

Как много позже узнал Долинский, несмотря на все свои неприятности, связанные с этим делом, журналист о письме никому так и не сказал.

Человек одинокий, бездетный вдовец, Долинский жил жизнью своих учениц, они все были его дочерьми. И когда оставил группу, он вообще оказался в одиночестве. Нет, конечно, были друзья и даже близкие друзья, были коллеги, товарищи, был институтский коллектив. Была Ира, от которой статью долго скрывали. Но в конце концов она узнала о ней от одной из круглосуточно добровольно дежуривших у ее постели учащихся физкультурного техникума. Ира беззвучно плакала, а потом продиктовала

очередной дежурной письмо Долинскому, в котором с детской неумелостью пыталась его утешить и с обостренной детской пронизательностью нашла нужные слова.

И все же, а может быть, именно поэтому Долинский чувствовал себя отчаянно одиноко, безнадежно одиноко, так одиноко, что, эх, лучше и не говорить.

Вот тогда-то и последовал вызов в ГКЭС. Долинский без труда догадался о чем пойдет речь. Нелепая система, в соответствии с которой командированием советских тренеров за рубеж занимается почему-то не Спорткомитет, а Комитет по экономическим связям, была ему известна.

Да и не так же это делается, с бухты-баракты. Ведутся туманные беседы, выдаются намеки, кто-то советует, кто-то, наоборот, «интересуется мнением».

Короче говоря, когда Долинскому предложили годичную командировку в одну из латиноамериканских стран, он, не раздумывая, дал согласие. Во-первых, он справедливо расценил это как знак высокого доверия, как то, что ни несчастный случай с его ученицей, в котором по-прежнему считал себя виновным, ни та статья не изменили к нему отношения и его по-прежнему считают одним из ведущих тренеров страны. Во-вторых, ему нужно было отвлечься, отдалиться, что ли, от сиюминутной своей жизни, и он и сам подумывал куда-нибудь уехать (но куда он, с мировым именем тренер, мог уехать, забиться в глубинку?),

в-третьих (в этом он ни за что не признался бы и под пыткой), ему хотелось продолжить свои «эксперименты», доказать, что его путь правильный, что трагедия с Ирой — чудовищная случайность.

Короче говоря, он дал согласие.

При этом выяснились любопытные подробности. Оказывается, с настоятельной просьбой прислать к нему в качестве тренера Долинского обратился в советские организации господин Лопес, крупный известный спортивный деятель, у себя на родине являвшийся президентом большого клуба водных видов спорта, владельцем комплекса зрелищных предприятий, президентом федерации плавания, богатым бизнесменом — хозяином нескольких магазинов пляжных принадлежностей и спортивных лодок.

При этом Лопес настоятельно подчеркивал, что ему нужен не вообще первоклассный тренер по прыжкам в воду, а именно Долинский и никто другой.

Вероятно, те, от кого зависело решение, тоже учли ситуацию и дали согласие.

Накануне отъезда Долинский пришел попрощаться с Ирой. Он выбрал время, когда ее мать не могла быть в больнице. Ирина мать ни разу никому не высказала ни единого упрека в адрес тренера своей дочери, однако все отношения с ним прекратила, деликатно, но твердо отклонив попытки Долинского встретиться с ней или хотя бы поговорить по телефону.

Ира, как всегда, лежала неподвижно. Ее ставший совсем недетским взгляд был устремлен на вошедшего. Осунувшееся худое лицо особенно контрастировало со щекастой румяной мордашкой очередной девахи из физкультурного техникума, дежурившей в тот день у Ириной постели. Загорелая, крепко сбитая, грудастая девушка, словно заботливая мать опекала свою прикованную к постели подопечную. Она проявила деликатность и, когда вошел Долинский, под каким-то не очень удачным предлогом вышла.

Они остались наедине.

— Я уезжаю, Ира, надолго,— сообщил Долинский и прокашлялся.

— Я знаю, Андрей Андреич,— тихо сказала Ира,— счастливого пути.

— Ира...— голос его звучал хрипло.

— Не надо, пожалуйста, Андрей Андреич, не надо,— в ее тоне была мольба,— прошу вас. Ну, пожалуйста!

Он молчал, не зная, что сказать. Пауза длилась долго.

— Вы ни о чем не беспокойтесь, Андрей Андреич, все будет хорошо. После операции я выздоровлю. Мне профессор обещал. Он, знаете, какой! Он, он замечательный, все говорят. Как вы — тренер.

— Ира, ты прости меня за все,— почти шепотом сказал Долинский. Словно маленький мальчик, словно совсем маленький мальчик.

— Не надо, Андрей Андреич. Вы ни в чем не виноваты. Это я. Или так получилось... Вы ни при чем.

Она успокаивала его, говорила как ребенку взрослая, очень взрослая мудрая женщина. И добавила, жалко улыгнувшись:

— Вы приедете, я вас на аэродроме встречу. Встречу, встречу, увидите!

Энергично топоча, вошла дежурная деваха. Долинский встал.

— До свидания, Ира, ты выкарабкаешься, не сомневаюсь. До свидания. Счастья тебе.

Он был уже у двери, когда она окликнула его тихим (он всегда у нее теперь был тихим) голосом.

— До свидания, Андрей Андреич, возвращайтесь скорей,— и, помолчав, добавила: — Я вас очень люблю, Андрей Андреич... Буду ждать.

Он только махнул рукой и торопливо вышел. Говорить он не мог.

А вскоре самолет уносил его в далекую страну, где он никогда не бывал, но о которой много слышал, уносил над тем самым океаном, над которым теперь он летел домой.

2

Позади остались ирландский аэропорт Шенон с его пестрой суетой, бестолковой толпой транзитных пассажиров, мечущихся между сувенирными киосками, и канадский — Гандер, где аж голова кружится от могучего запаха ближних лесов, стоит только выйти из дверей самолета.

Остались позади приполярные сверкающие льды, бело-зеленый ревущий, но беззвучный отсюда, с умопомрачитель-

ной высоты, прибор у американских берегов, бесконечная зеленая сельва Бразилии. Долгий многочасовой утомительный путь.

На аэродроме, сверкавшем белизной, уставленном самолетами всех видов и компаний, он чуть не задохнулся от горячего воздуха, заполнившего легкие.

Долинский торопливо прошел до багажного зала, лишь на минуту задержавшись у равнодушно проштамповавших его паспорт пограничников. Получив свой чемодан и беспрепятственно миновав таможеню, он оказался в зале ожидания. Он чувствовал себя немного смешным в своем темном костюме с плащом на руке в этой толпе, где все были в белых рубашках, легких платьях, шортах, с голыми руками, плечами. Он растерянно огляделся. В толпе встречающих иные держали дощечки с именами встречаемых, тех, кого не знали в лицо. Высокий, густоусый, смуглый красавец во все стороны поворачивал лист бумаги, на котором большими неровными буквами значилось: «Долинскофф». Рассудив, что надпись относилась к нему, Долинский подошел к красавцу и представился.

«На каком языке я буду с ним говорить?» — еще в Москве задавался он вопросом. Долинский неплохо владел английским и еще тем, не числившимся ни в каких словарях международным языком, на котором говорят с коллегами люди спорта, в какой бы стране они ни встречались.

«Ничего, за год выучу испанский,— утешал себя Долин-

ский,— в том объеме, что мне потребуется. Не боги горшки обжигают».

— Здравствуйте, сеньор Долинский,— услышал он за спиной женский голос,— надеюсь путешествие протекало хорошо?

Женщина говорила по-русски почти без акцента, и лишь книжный оборот фразы свидетельствовал, что это иностранка.

Долинский обернулся. Перед ним стояла девушка ослепительной красоты. Черные густые волосы ниспадали до талии, черные глаза, опущенные длинными ресницами, были устремлены на него, короткие шорты обнажали стройные загорелые ноги. Она приветливо улыбалась, обнажив ряд жемчужных зубов. («Ну и страна,— подумал Долинский,— сплошные красавцы, что мужчины, что женщины».)

— Путешествие протекало «на большой»,— улыбнулся он в ответ.

На мгновение в глазах девушки мелькнула растерянность перед незнакомым выражением.

— Главное, что путешествие закончено и вы пребываете в стране друзей. С благополучным приездом!

И она посмотрела на него с нескрываемым вызовом: «Ну как? Здорово я говорю по-русски?»

— Вы прекрасно говорите по-русски,— тут же угадав ее мысли, сказал Долинский.— А я вот испанским не владею.

— Не горе, то есть, не беда,— исправилась девушка.— Я — Лаура, секретарь сеньора

Лопеса, скорее переводчик, я знаю четыре языка. Русский изучала в Ленинграде. И сопровождаю зарубежных гостей сеньора Лопеса. Мы сейчас сядем в автомобиль и поедem в наш город. Он называется Серка-дель-Мар. По-русски — Приморск,— она снова ослепительно улыбнулась.— Я сама так перевела. Хорошо?

— Замечательно,— похвалил Долинский.

Чемодан оттягивал руку, и он с трудом глотал раскаленный воздух. На нем не было сухой нитки, словно его прямо в костюме поместили на верхнюю полку добротной сауны. Лаура, видимо, заметила это и сказала:

— Вам жарко. Идемте. В машине кондиционер.

Она что-то быстро и властно проговорила усатому мужчине, и тот, выхватив у Долинского чемодан, помчался к выходу.

Долинский задумчиво смотрел на своего гида. Его поразила та мгновенная перемена, которая произошла в ней, когда она говорила, как он понял, с шофером. Взгляд ее выражал холодное высокомерие, чтоб не сказать презрение, речь звучала резко, даже как-то угрожающе.

Но через мгновение перед ним снова была улыбающаяся изящная красавица.

Они вышли из аэропорта, пересекли площадь, обсаженную пальмами, кустами каких-то ярких цветов, и сели в большую черную машину.

Работал кондиционер, и Долинский с облегчением откинулся на сиденье. Но через

минуту, когда он почувствовал, что одежда прилипла к нему холодным компрессом, он встревожился. Еще прохватит! Расчудесное дело — начинать работу с валяния в постели.

Лаура нажала какую-то кнопку, и между ними и шофером бесшумно выросла перегородка из толстого стекла. Присмотревшись, Долинский обратил внимание на необычную толщину оконных стекол автомобиля, на его мягкий, мощный, но тяжелый ход. Автомобилист-любитель, Долинский хорошо разбирался в машинах и сразу определил, что та, на которой они едут, весит не меньше тонны и снабжена очень сильным мотором.

Лаура словно читала его мысли.

— Это личный автомобиль сеньора Лопеса. Он бронированный. И Рамон, шофер, — она кивнула в сторону усатого красавца, невозмутимо застывшего за рулем (бросив взгляд на щиток, Долинский увидел, что едут они со скоростью 120 километров), — специалист по каратэ. Каратэ, да? Такая борьба, — она вопросительно взглянула на Долинского.

— Да-да, — рассеянно проговорил тот. Он думал сейчас о другом.

«Не успел ступить на эту землю и уже столкнулся, с чем сталкиваешься у нас только в переводных романах да детективных зарубежных фильмах. Притом не лучших. Умопомрачительная красотка, усатый телохранитель-каратист, похожий на средневекового пирата, бронированный автомобиль... С ума сойти».

— ...все бывает, — донесся до него голос продолжавшей говорить Лауры, — уже не раз похищали очень богатых людей. А сеньор Лопес очень богатый. Так что приходится думать о своей безопасности. У вас не так, — помолчав, сказала Лаура. — Я в Ленинграде ходила поздно вечером одна, и никто не нападал.

— Только не говорите мне, Лаура, — можно вас так называть? — что подобная красотка ходила поздно вечером одна. Уверен, вас провожал какой-нибудь красавец каратист или боксер, может быть, без усов, но красавец.

— Да, без усов, — задумчиво подтвердила Лаура, и в голосе ее Долинский уловил странную грусть. Но через мгновение она преобразилась, теперь это был добросовестный гид, расписывающий приезжему туристу красоты своего края.

— Серка-дель-Мар, по-вашему Приморск, — мимолетная улыбка, — расположен на берегу океана в живописной бухте того же названия, — бубнила Лаура. — В городе много первоклассных отелей, казино, ночных заведений, варьете, мюзик-холлов, многие принадлежат сеньору Лопесу. Живописные пляжи, бассейны. Климат благоприятный. Средняя температура...

Долинский перестал слушать, заинтересовавшись проплывающим за окном пейзажем.

Дорога шла вдоль океана, вилась над пропастями, взбиралась в горы, ныряла в короткие туннели. Океан переливал-

ся серебром, зеленел у берегов, синел подальше, становился едва ли не фиолетовым у горизонта. То и дело мелькали яхты с разноцветными плоскими или вздутыми парусами, изящные яхты, быстроходные катера... Вдали проплывали белоснежные корабли. Все вместе напоминало рекламные картинки из туристических проспектов. Но как только шоссе удалялось от побережья, возникали иные картины — крестьяне, припавшие к земле, полуразваленные хижины, чумазы ребятишки... «Контрасты капиталистического мира, — усмехнулся про себя Долинский, — наглядный урок политэкономии».

Еще один туннель, и дорога стала спускаться в долину, благоухающую цветами и плодовыми деревьями. В этом гигантском саду тут и там возвышались виллы-дворцы, все разные, одни с башнями, как в средневековых замках, и белоснежные под красной черепицей в стиле колониальных га-сиенд, а другие из стекла и бетона — дань современной архитектуре. С горы были видны лазурные прямоугольники бассейнов и оранжевые — теннисных кортов.

А вдали сверкали на солнце многоэтажные громады отелей.

— Сейчас будет окончание нашего путешествия, — торжественно возвестила Лаура. — Я вам все хорошо рассказала? Вопросы есть? — неожиданно совсем по-канцелярски закончила она.

Долинский улыбнулся. Ему стало совестно, что он пропу-

стил ее рассказ, который она, наверное, старательно готовила к его приезду.

— Вы будете жить рядом с Клубом водных видов спорта. Президент Клуба — сеньор Лопес. У вас будет дача, да? Дача и автомобиль. Вы умеете управлять автомобилем?

— Умею, — успокоил ее Долинский. — Я даже захватил с собой права.

— Это замечательно! — обрадовалась Лаура. — Вы сможете устраивать себе экскурсии. Я буду вашей переводчицей. Здесь русский язык никто не знает. Многие говорят по-английски.

— Я тоже, — рассеянно заметил Долинский.

Но это немудреное сообщение повергло, казалось, Лауру в бездну изумления.

— Вы знаете английский? И хорошо? Вы понимаете? Свободно говорите? Невероятно! И писать и читать тоже можете?

Настало время изумляться Долинскому.

— А что вас так удивило? — спросил он. — Вы что, никогда не встречали русских, знающих иностранные языки? Вы же учились в Ленинграде?

— Конечно, само собой разумеется, — смутилась Лаура. — Но... я... я не знала, что... у... что спортсмены...

— Ну еще бы, — рассмеялся Долинский, — спортсмены, они же думают ногами, руками, а не головой. Да? Нет, Лаура, у нас многие спортсмены, тем более тренеры, специалисты знают языки. Не всегда владеют в совершенстве, но знают. Я, например, окончил

курсы английского языка, а практики, как понимаете, у меня хватает.

— Что вы, сеньор Долинский! Я так не думала. Я приношу свои извинения. Я совсем...— Лаура бурно протестовала и неожиданно совсем тихим голосом попросила:— Сеньор Долинский, не говорите об этом сеньору Лопесу. Пожалуйста, он может сердиться. Ладно?

— Ну, что вы, Лаура,— улыбнулся Долинский,— я уже все забыл.— И вдруг перестал улыбаться. «Какой же он, этот Лопес, если она сама, судя по разговору с шофером, не овечка, так его боится?» Он внимательно посмотрел на потупившуюся Лауру и спросил, стараясь, чтобы она поняла шутку:

— Он, что, очень строгий, сеньор Лопес — может, отшлепать или оставить без десерта?

Лаура улыбнулась, и все же Долинскому показалось, что в глазах ее мелькнула тоскливая тревога.

Теперь они ехали вдоль городской набережной. Она отделяла пляж от ровных рядов домов. Сначала невысоких — лавчонок, пансионатов, магазинчиков, баров, кафе, потом величественных — отелей, банков, дорогих ресторанов, каких-то особняков, казино...

Это справа. А слева все тянулся широкий песчаный пляж, уставленный полосатыми брезентовыми палатками, домиками-раздевалками, летними барами и буфетами.

Кого здесь только не было! Красавцы атлеты, стройные девушки, похожие на кинозвезд, старички в белых панамках и

темных очках, матроны, окруженный роем детишек... Долинский обратил внимание на то, что хотя на пляже яблоку негде было упасть, но в воду входили немногие. Те, что посмелей, удалялись от берега метров на десять, другие и того меньше.

— У нас волны коварные,— пояснила Лаура (у нее была поразительная способность читать чужие мысли).— Затягивают под себя, и конец. Можно утонуть.

— А как члены клуба и сам господин Лопес не боятся здесь купаться? — спросил Долинский.

— Что вы,— на лице Лауры возникла презрительная гримаса,— здесь купаются простые люди.— Почувствовав, что Долинский не понимает, добавила: — Люди, у которых мало денег. Такие, как сеньор Лопес, здесь не бывают. Есть приватные, то есть личные, пляжи, бассейны на виллах и в отелях.

— Вы хотите сказать,— иронически усмехнулся Долинский,— что чем богаче человек, тем он держится от океана подальше? Купается у себя на вилле?

— Там безопасно,— серьезно объяснила Лаура.

— Понятно,— задумчиво пробормотал Долинский.

У него сделалось скучно на душе. Он представил себе своих будущих учениц. Эдакий парад красавиц в экстравагантных купальных костюмах, жеманных и кокетливых, но абсолютно непригодных для серьезных тренировок, для настоящей работы.

Погруженный в свои невеселые мысли, Долинский не заметил, как они проехали город и, миновав очередной массив утопающих в зелени вилл, въехали в ворота густого парка, остановившись перед кокетливым одноэтажным бунгало. Рамон поторопился открыть дверцу.

— Вот ваш дом, то есть дача,— сказала Лаура,— пойдемте, я вам все покажу.

В домике было три комнаты, ванная и небольшая кухня.

— Можете обедать здесь, а лучше в ресторане клуба. Для вас всегда будет столик,— она замаялась и добавила: — Там недорого. Для тренеров недорого. Ваш автомобиль уже здесь, за домом. Бензин оплачивает клуб. В пределах разумного,— разъяснила она простодушно и, потоптавшись в нерешительности, сказала: — Вы осмотритесь, а через полчаса я заеду за вами, и мы отправимся к сеньору Лопесу на прием. Идет?

— Идет,— рассмеялся Долинский.

Лаура удалилась, а он быстро распаковал чемодан, побрился, принял душ и, надев все свежее, вышел на площадку перед домом. Он оказался не один.

Пожилый человек в старых защитного цвета штанах и рубашке, в широкополой соломенной шляпе подстригал кусты, окаймлявшие площадку. Его морщинистое, выдававшее явно индейское происхождение лицо выражало озабоченность, что-то не ладилось с ножницами. Увидев Долинского, он

снял шляпу и поклонился. Долинский улыбнулся в ответ.

Тогда улыбнулся и человек, обнажив неровный ряд испорченных зубов. На этом сцена была прервана, так как к дому на небольшом открытом «джипе» подъехала Лаура. При приближении машины садовник бросил в ее сторону опасливый взгляд и заторопился продолжить свою работу.

— Поехали? — Лаура сделала приглашающий жест.

Долинский вскочил в машину. Он заметил, что Лаура тоже успела переодеться, на ней было теперь легкое цветастое платье, еще больше подчеркивающее ее красоту.

Путь занял не более пяти минут. «Джип» остановился перед длинным двухэтажным зданием, фасад которого украшал бородатый старец из светлого металла с короной на голове и трезубцем в руках — «Нептун», так назывался клуб.

Они вошли в здание, поднялись на второй этаж и, пройдя по коридору, оказались в большой приемной. На застекленных полках покоились многочисленные кубки, медали, различные призы в виде лодок, яхт, пловцов, прыгунов в воду, русалок, нептунов — свидетельства побед, одержанных клубом.

Стены украшали столь же многочисленные вымпелы, в том числе два советских, и фотографии чемпионов.

Секретарь обворожительно улыбнулась и распахнула перед Долинским дверь кабинета.

Сеньор Лопес, весь радужие и приветливость, шел До-

линскому навстречу, протянув руки.

Он был элегантный, молодой мужчина с густыми усами и небольшими бачками, смуглый, черноглазый, без единого седого волоса в густой черной шевелюре. «А ведь ему за пятьдесят»,— вспомнил Долинский.

Только тут он заметил, что в кабинет вошел один, Лаура осталась в приемной. Он растерянно оглянулся.

— Добро пожаловать, сеньор Долинский,— на прекрасном английском языке приветствовал его сеньор Лопес,— мне уже сообщили, что доехали вы без происшествий. Как вы устроились? Как Лаура, хорошо ли владеет русским?

Долинский заверил сеньора Лопеса, что очень доволен своим жилищем, что русский Лаура знает лучше, чем он сам, что город, насколько он успел его рассмотреть, производит прекрасное впечатление.

В свою очередь, сеньор Лопес сказал, что он наслышан о тренерском таланте Долинского, почему и настоял, чтоб именно его командировали сюда, что приятно удивлен его знанием английского и что не сомневается в будущем успехе их совместной работы.

Закончив на этом традиционный обмен любезностями, они приступили к серьезному разговору.

Секретарь внесла кофе.

— Может быть, коньяк, сигару?— спросил сеньор Лопес.

— Благодарю, не пью и не курю,— Долинский развел руками...

— Тогда сразу введу вас в курс дела,— начал он, закуривая огромную сигару.

3

...Клуб водных видов спорта «Нептун» насчитывал многолетнюю историю, а сеньор Лопес уже двенадцать лет был его президентом. «Нептун» объединял любителей плавания, включая синхронное, прыжков в воду, гребли на академических судах, парусного спорта и виндсерфинга. Как и предположил Долинский, членами клуба состояла в основном молодежь из богатых и знатных семей, для которых были не столько занятия спортом, сколько престиж, который давало членство в одном из самых аристократических клубов страны.

Обычно члены «Нептуна» приезжали в клуб к полудню на своих роскошных машинах, завтракали, плескались (иного слова не подберешь) в великолепном бассейне, загорали, некоторые выходили на яхтах. А потом начиналась подлинная жизнь клуба «водных видов спорта»: обеды с шампанским, теннисные турниры, конкурсы красоты, танцев, концерты приезжих знаменитостей и т. д.

А великолепные спортивные сооружения пустовали, ухоженные и оберегаемые армией обслуживающего персонала.

— Клуб лишь небольшая часть моей деятельности в спорте,— просвещал его сеньор Лопес.— Все эти снобы,— он сделал пренебрежительный жест в сторону окна,— меня не очень интересуют, пусть игра-

ют в спортсменов. Но я еще и президент национальной федерации плавания, куда входят и прыжки в воду. Вот тут у меня свои мечты. У нас есть неплохие пловцы, кое-кто мог бы войти в десятку сильнейших на олимпиаде, тем более на чемпионатах мира, уж о Панаме-риканских играх не говорю. Гораздо лучше обстоит дело с прыгунами, вернее прыгуньями в воду. Имеется десяток очень перспективных, на мой взгляд, девочек. До игр три года. Если с лучшими из них серьезно позаниматься, да еще такому тренеру, как вы, сеньор Долинский, можно вырастить и чемпионку. Скрывать не стану — для меня лично это дело чести. Когда меня избирали президентом федерации, я дал слово, что с предстоящих Игр моя страна увезет медаль. Слово я должен сдерживать. И ни перед чем ради этого не остановлюсь.

Долинский внимательно слушал, устремив взгляд на своего собеседника. Да, такой ни перед чем ни остановится. Если Долинский пообещает ему олимпийскую чемпионку при условии, что Лопес утопит всех членов своего клуба, сомнений нет, завтра же «Нептун» осиротеет.

Он начинал понимать нехитрую схему, по которой жил Лопес. Победы членов его федерации, подлинных спортсменов, давали ему необходимую репутацию как спортивному организатору, руководителю, которого престижно иметь во главе клуба. Президентство в клубе, в свою очередь, давало широкие возможности для рек-

ламы и продажи пляжных принадлежностей и спортивных судов, которыми торговали его магазины. Привлекали посетителей и его зрелищные предприятия — цирк на воде, спектакль синхронного плавания, выступления акробатов на водных лыжах. В конечном счете все сводилось к бизнесу, хотя и подавалось под патриотическим соусом национального спортивного престижа. «Ну и что? — рассуждал Долинский. — Какое мне до этого дело? Я приглашен не для того, чтобы рекламировать его купальники или учить миллиардерскую дочку плескаться в лягушатнике. Мое дело — тренировать настоящих спортсменов-любителей. И делать это как можно лучше. Мой престиж — это престиж советского тренера, помогающего развитию спорта в данной стране. Чем лучше я буду этому содействовать, тем больше чести моей Родине. Ведь скольким странам, особенно развивающимся, помогли советские тренеры. Такова моя задача. В конечном счете мы работаем на благо мирового спорта. А вся эта финансовая возня сеньора Лопеса — его дело. Я ведь знал, куда еду и с кем буду иметь дело».

Эх, если бы знал тогда Долинский то, о чем узнал лишь много позже!..

— Спортивные сооружения нашего клуба, — продолжал сеньор Лопес, — как вы понимаете, не единственные в городе, тем более — стране. Федерация тоже имеет свои, хотя, конечно, и не такие роскошные. И тоже не бесплатные...

— А кто ими пользуется? — спросил Долинский.

— Ну, разный народ, — сеньор Лопес сделал неопределенный жест, — служащие, работники отелей, казино, продавцы, пенсионеры, у которых пенсия поприличней...

— Рабочие... — вставил Долинский.

— Рабочих в нашем городе, слава богу, нет, — отрезал сеньор Лопес, — здесь нет промышленных предприятий. Курорт. Строителей, правда, много, но им не до спорта. Как и крестьянам и рыбакам, — добавил он.

Какое-то время царило молчание. Сеньор Лопес пытался курить сигарой, чувствовалось, что он хочет что-то сказать, но не знает, как это сделать. Наконец решил:

— Понимаете, сеньор Долинский, среди этих крестьян-рыбаков и совсем бедняков встречаются, как ни странно, неплохие спортсмены, способные, я бы даже сказал, перспективные. Возможностей заниматься у них, конечно, нет, и выявлять их непросто. Но мои люди болтаются по побережью вблизи города, там мальчишки и девчонки купаются, играют в воде, прыгают со скал, словом, резвятся. Лучших мы замечаем, и кое с кем ведем занятия. И знаете, некоторые затем очень успешно выступают. К сожалению, — сказал сеньор Лопес и вздохнул, — лучшие переходят в профессионалы. Чувство благодарности им незнакомо. Мы вам кое-кого отобрали. Посмотрите, выберите самую перспективную, сосредоточьте на ней все внима-

ние, чтоб не разбрасываться, и готовьте. Рекомендую Соледад, Солли, она, правда, индейского происхождения, метиска, но что же поделаешь, — сеньор Лопес виновато развел руками, — зато очень способная. Впрочем, решение за вами. Сами смотрите, сами выбирайте, сами несите ответственность за результат.

Сеньор Лопес рассмеялся, стараясь смягчить жесткость слов.

— Условия для отобранной вами девушки создадим самые лучшие. Выбирайте любой бассейн. Если нужно, хоть клубный. Пусть прыгает — вышка и трамплин идеальные, строили инженеры из ФРГ. В те часы, конечно, когда нет членов клуба. Но таких часов много, — он опять улыбнулся. — Вот все. Познакомиться с ученицами можете в любой момент, когда захотите, завтра, послезавтра. Только скажите.

— Зачем же ждать? — Долинский пожал плечами. — Давайте сегодня. Соберете?

— Конечно. Лаура заедет за вами. — Сеньор Лопес не скрывал удовлетворения: видимо, этот русский тренер не любит бездельничать.

Для приличия они еще поговорили несколько минут, после чего Долинский откланялся.

Лопес проводил его до дверей и приказал вскочившей при его появлении Лауре:

— Покажите сеньору Долинскому бассейн, раздевалки, словом, клуб, — он поколебался секунду, потом добавил: — Сеньор Долинский сказал, что вы отлично знаете русский, он

вами доволен. А значит, я тоже.

Когда они вышли из приемной, Лаура схватила Долинского за руку и горячо зашептала:

— Спасибо, сеньор Долинский, спасибо! Я прямо не знаю, как вас благодарить,— ему показалось даже, что в уголках ее глаз сверкают слезы.— Вы не представляете, что вы для меня сделали.

Долинский удивился, почему столь незначительная тривиальная похвала ее услуг вызвала такую бурную радость и припадок несоразмерной благодарности. «Сеньор Лопес ею доволен! Ну и что? И слава богу. А был бы недоволен — так пошел он к черту! Тоже мне падишах! Может, она влюблена в него?» — сделал он нелепое предположение.

Через широкую стеклянную дверь они вышли к бассейну. Собственно, то был не бассейн, а целый комплекс бассейнов разного размера, предназначения, даже формы.

Тут имелся огромный водоем в форме запятой, в узкой части которого можно было запускать искусственные волны различной силы, был другой — очень глубокий, в нем на дне были сооружены гроты, пещеры, высажены целые леса всяких водорослей и псевдокораллов. В нем резвились любители подводного плавания. Был, разумеется, и лягушатник для детей, с фонтанчиками и разными забавными сооружениями.

Главный же бассейн был великолепен. Казалось, он создан для рекордов. Однако Долинского больше всего заинтересовала специальная ван-

на для прыжков в воду. Он несколько раз обошел ее кругом, поднялся на вышку, попробовал упругость трамплинов, осмотрел разбрызгиватель. Долинского поразило, что в бассейне для прыжков имелась воздушная подушка, ультра-современная установка, которой могли похвастаться далеко не все даже лучшие бассейны Европы и США. Специальный компрессор создавал у подножия прыжковой вышки эдакий полутораметровой толщины «пузырь» из воды и воздуха, амортизирующий прыжок, подобно поролоновым прокладкам в ямах для прыжков с шестом или в высоту. На этом «пузыре» легко было отрабатывать особенно сложные рискованные элементы, он придавал ощущение безопасности.

Словом, Долинский остался доволен. Тут можно было проводить полноценные тренировки. Но сразу вспомнил, для кого предназначены эта вышка, этот бассейн, и помрачнел. Оставалось надеяться, что у федерации плавания сооружения не хуже. Потом Лаура провела Долинского по территории клуба. Она представляла собой парк, в который были вкраплены многочисленные теннисные корты, футбольные поля и поля для гольфа, терренкуры, аллеи для верховой езды, дорожки для прогулок, концертные эстрады, укромные кафе.

Когда они вернулись к зданию клуба, взмокшие от жары, и уселись под тентом за столиком, на котором сразу же появились прохладительные напитки, Долинский заметил, что бассейн оживился. У воды ле-

жали под тентами и без них загорелые мужчины и женщины, в основном молодежь. Многие курили, возле некоторых стояли стаканы с коктейлями. А вот в воду входили немногие. Изредка со своего надувного матраца или шезлонга поднимался какой-нибудь молодец и, нырнув в воду, несколько раз промерял бассейн безупречным кролем. Вылезал, незаметно оглядывался — оценен его подвиг или нет, и ленивой походкой возвращался к своему коктейлю. Поднимался и начинал плавать другой. Порой в воду залезали двое-трое, даже устраивали между собой небольшое соревнование. Что касается девушек, то они соревновались главным образом в красоте фигур, загаре, фасоне купальников...

С вышки не прыгал почти никто. Раза два-три какие-то юноши бултыхнулись — иного слова не подберешь — с трехметрового трамплина.

Долинский уже собрался уходить — для первого дня впечатлений у него набралось более чем достаточно, — когда внимание его привлекла стройная девушка лет семнадцати-восемнадцати. Выйдя из дверей, ведущих в раздевалки, она быстро проследовала прямо к вышке, пренебрегая лифтом, поднялась на верхнюю площадку и, подойдя к краю, остановилась, застыла неподвижно.

Разговоры вокруг бассейна притихли, многие взоры обратились на прыгунью. А она в белом купальнике, еще сильней оттенявшем ее великолепное загорелое тело, по-преж-

нему неподвижно стояла на десятиметровой высоте, устремив взгляд куда-то вдаль.

— Это Кончита, дочь сеньора Лопеса, — прямо-таки задыхаясь от преданности, прошептала Лаура.

— Она занимается прыжками в воду? — не отрывая взгляда от прыгуньи, спросил Долинский.

— Она чемпионка страны!

«Странно, — подумал Долинский, — почему-то о ней мне Лопес ничего не сказал, другой отец на его месте в первую очередь...» Кончита внезапно оторвалась от края вышки и, совершив в воздухе сложный элемент, безупречно почти без брызг вошла в воду.

Пронесся вздох восхищения.

Кончита не торопясь вышла из воды, встряхнула волосами так, что во все стороны разлетелась, сверкая на солнце, россыпь брызг, и снова полезла на вышку. Она опять постояла минуты две-три на краю и совершила второй еще более сложный прыжок. Потом третий. После чего так же быстро, как появилась, исчезла в раздевалке.

— Не правда ли, она замечательно прыгает? — спросила Лаура.

— Да, неплохо, — рассеянно пробормотал Долинский к великому разочарованию Лауры.

«Странно, очень странно, — размышлял он, — это прыгунья высокого класса. Настоящий мастер. Но в разговоре Лопес не сказал о дочери ни слова! Хотя, казалось бы, лучшей кан-

дидатуры не найти. Непонятно...»

Лаура по-своему объяснила его задумчивость.

— Вы, наверное, устали. Вам необходимо отдохнуть. Я провожу вас. Спите подольше. С вашей страной у нас большая разница во времени.

— Спасибо, Лаура.— Долинский сделал над собой усилие и улыбнулся.— Это вы устали со мной. Идите отдыхать. Я сам дойду — ведь мой домик рядом. Идите, идите, и большое спасибо вам за хлопоты. Постараюсь в будущем доставлять вам их поменьше.

— Нет,— испуганно сказала Лаура.— Я должна вам помогать. Пожалуйста.

— Хорошо, хорошо,— успокоил ее немного удивленный Долинский.— Но сейчас отдохайте.

Они простились. Подходя к дому, он встретил садовника, которого видел утром, толкавшего тачку с обрезанной листвой.

Едва добравшись до постели, Долинский мгновенно заснул.

Когда зазвонил будильник, поставленный на восемь часов утра, он еле разлепил глаза. Огромным усилием воли заставил себя подняться, сделать зарядку, встать под душ. И лишь когда ледяные струи захлестали по телу, наконец проснулся окончательно. Почувствовав голод, а он проспал и обед и ужин, Долинский заглянул в холодильник, с удивлением обнаружив, что он набит продуктами.

Он соорудил яичницу из четырех яиц, сделал бутербро-

ды и сварил кофе. Позавтракав, надел рубашку с короткими рукавами, легкие брюки и вышел на веранду. Первым, кого он увидел, был все тот же садовник-индеец. Казалось, он так и не прекращал работы со вчерашнего вечера. Долинский помахал ему рукой, и садовник широко улыбнулся в ответ и снял шляпу.

Постояв на веранде, Долинский вернулся в комнату и взял дневник. Он неизменно его вел во время своих зарубежных поездок.

4

Лаура заехала за ним лишь в десять часов.

На ней опять был новый туалет, в волосах красовались два ярких цветка.

— Доброе утро,— она радостно улыбалась.— Хорошо выпались? Позавтракали?

— Все в порядке, Лаура,— весело откликнулся Долинский и вскочил в «джип».— Спал прекрасно, позавтракал прекрасно, вы прекрасны! Вообще жизнь прекрасна!

Лаура бросила на Долинского подозрительный взгляд — она не ожидала от него столь мальчишеского поведения.

Они некоторое время мчались по шоссе, затем свернули на боковую земляную дорогу и, подпрыгивая на ухабах и оставляя за собой густой пыльный шлейф, проехали еще несколько километров, удаляясь от побережья. Теперь они были в поселке.

Долинскому показалось, что он прибыл на другую планету.

Ни одного деревца, какие-то чахлые кусты, огромные кактусы, бурая выгоревшая земля. А дома? Что это были за дома! Глиняные, почти без окон приземистые постройки, крытые где поломанной черепицей, где непонятной серой соломой, где кусками шифера. Возле домов стояли под открытым небом примитивные очаги, от которых исходил острый запах и шел беловатый дым.

В центре поселка вокруг площади, по которой бродили тощие собаки, сгрудились полдюжины двухэтажных домов — магазинчик, пивная, мэрия, полицейский пост, еще магазинчик... И величественная, несоизмеримо большая для столь жалкого поселения церковь.

Женщины в длинных одеждах медленно шли, таща на голове какие-то кувшины, всюду роились толпы одетых в тряпье ребятишек, морщинистые старики покуривали, сидя у дверей своих халуп...

Они добрались до окраины, до стадиона.

Долинский, у которого на строение испортилось еще когда они въехали в поселок, медленно вылез из машины и отправился осматривать «стадион». Он прошел мимо футбольного поля, такого вытопанного, словно на нем играло стадо буйволов, мимо такой же баскетбольной площадки. Легкоатлетические дорожки, ямы для прыжков, круги для метания помещались отдельно и в общем, если б не разметка, ничем не отличались от пыльной бурой земли, на которой были сооружены.

Как ни странно, лучше всего выглядел бассейн, непостижимым образом возникший в этом иссохшем краю. И хотя водоем был сооружен из бетона, а не голубых изящных плиток, а вышка для прыжков — из дерева, но все размеры соблюдены. Поблизости имелись даже примитивная раздевалка и душевая.

— Откуда вода? — спросил Долинский.

— Здесь родник, то есть источник, — пояснила Лаура, — отсюда ведут в поселение водопровод и кусок отвели для бассейна.

— А в поселке есть водопровод? — усомнился Долинский.

— Не во всех домах, в главных.

Долинский не стал уточнять, что Лаура имела в виду под «главными домами». Он подошел к бассейну, присел на корточки и попробовал воду. Она была ледяная.

— Тут недолго и простудиться, — он покачал головой.

— Днем солнце обогреет, — успокоила его Лаура. — Потом жители привыкли.

— Счастливики, — иронически усмехнулся Долинский, — а где ваши кандидатки?

— Их сейчас привезут. Они уже видели, что мы приехали.

И действительно, раздался натушный рев мотора, и со стороны поселка появился старый, обшарпанный автобус.

Лязгая и гроыхая, автобус приблизился и остановился у самого бассейна. Казалось, еще мгновение, и он шлепнется в воду.

И тут же из автобуса выпорхнула стайка девушек. Смуглых, загорелых, черноволосых. Они были одеты в зеленые тренировочные костюмы, в большинстве поношенные, но чистые, аккуратно выглаженные.

Девушки с любопытством уставились на гостей. С ними приехал их тренер. Он подошел, буднично пожал руку Долинскому.

— Рамон, — представился тренер.

Он сносно говорил по-английски. Объяснил, что привез группу, отобранную Национальной федерацией плавания по указанию «сеньора президента». Вообще-то здесь собраны сильнейшие. Они из разных концов страны, но сейчас проводят сбор неподалеку, в летнем лагере, а сюда ездят тренироваться, в лагере нет бассейна. Большинство девушек учатся в школе, но сейчас каникулы. Многие говорят по-английски, в рамках школьной программы.

Долинский стал расспрашивать про спортивный лагерь. Оказалось, что лагерь на берегу океана, чтоб добраться до него надо было свернуть с шоссе не направо, как они сделали, а налево. Тренируются сейчас пловцы, прыгуны, гребцы. Прямо в заливчике, там спокойная вода, нет волн. А вот прыгать неоткуда. Кругом скалы. Правда, мальчишки прыгают со скал, но это опасно. Девочкам он не разрешает. Так что приходится ездить сюда.

Тем временем девушки разделись и начали, не ожидая

команды, прыгать в бассейн, плавать. Некоторые поднялись на трехметровый трамплин, пятиметровую вышку и прыгали оттуда.

Долинский внимательно следил за этой хаотической тренировкой, вполуха продолжая слушать тренера. Его внимание привлекла одна из девушек. Она не резвилась в воде, как ее подруги, а, отойдя в сторону, разминалась.

Долинский смотрел, как девушка выгибалась, наклонялась, отжималась. Она делала это старательно, сосредоточенно, не обращая внимания на окружающих.

Проследив за взглядом Долинского, тренер сказал:

— Это Соледад, одна из лучших. Серьезная спортсменка. Сеньор президенте считает ее очень перспективной.

— Да, да,— рассеянно проворкотал Долинский.

Он продолжал следить за девушкой.

Наконец она закончила разминку, оттерла полотенцем заблестевшее от пота тело и поднялась на десятиметровую вышку. Постояв некоторое время, прыгнула. Прыжок был совсем простой, но опытный глаз тренера сразу заметил и поразительную гибкость прыгуньи, и пластичность движений, координацию. Да, это был великолепный материал, эдакий алмаз, который надо превратить в бриллиант. И тогда он засверкает всеми гранями и, чем черт не шутит, золотом олимпийской медали.

Долинский внутренне посмеялся над выспренностью своих мыслей.

Он трезво прикидывал характер предстоящей работы, учитывал незнакомую ему обстановку, незнание местных условий, характера будущей ученицы. И вообще, каким бы большим опытом он ни обладал, все же судить о спортсменке по одному прыжку нельзя. Есть множество давно установленных тестов, есть и его собственные так называемые секреты, а попросту говоря, разработанные им способы оценки, которые помогут составить подлинную картину. Наверняка у девушки есть какие-то пока неизвестные, скрытые резервы, есть и недостатки, есть и привычки, что-то она особенно любит, а что-то не очень, чему-то придется переручивать, что-то закреплять. И это уж не говоря об основной работе — упорной, настойчивой, кропотливой работе тренера с ученицей, обучающего ее, воспитывающего, готовящего к высшим спортивным достижениям.

Долинский поймал себя на том, что уже все решил, выбрав Соледад, и уже обдумывает программу тренировок. Что это? Откуда подобная торопливость? И это он, известный своей въедливостью, тщательностью и придирчивостью в оценках, основательностью и неторопливостью суждений.

— Мне хотелось бы посмотреть ваших девушек, — обратился он к тренеру и любезно добавил: — Хотя уже сейчас вижу, что они неплохо подготовлены.

— Спасибо, — сказал Рамон, — я понял, что вы будете тренировать не всю группу, а

трех-четырёх. Так что отберите кого пожелаете.

Он бросил короткое приказание, и девушки торопливо выстроились в одну шеренгу. Та что стояла на правом фланге и была, видимо, старше других, отдала рапорт. Последовал ряд новых команд, и девушки приступили к разминке. Долинский обратил внимание, что Соледад делает то же, что и другие, хотя только что провела основательную разминку в одиночку.

Потом началась обычная тренировка. Тренер говорил негромко, но все его указания выполнялись мгновенно, точно и очень старательно.

«Да, дисциплина тут прямо военная», — отметил про себя Долинский. Он легко усмотрел недостатки в тренерской работе, в том числе главный: тренер стриг всех под одну гребенку, никакого индивидуального подхода не было — и старшие и младшие, и быстрые и медлительные, и все двенадцать спортсменок тренировались по одной программе. И не такой уж сложной.

«Удивительно, — подумал Долинский, — что при таких примитивных тренировках девушки столького достигли. У них и впрямь выдающиеся способности».

Действительно, большинство спортсменок проявляли незаурядный талант.

Рамон закончил занятия, построил группу и вопросительно посмотрел на Долинского.

— Спасибо, — сказал Долинский, — если вы не возражаете, я хотел бы поближе позна-

комиться со второй, четвертой и девятой. Поблагодарите остальных от моего имени. Они свободны, а этих трех просите задержаться.

— О'кей,— равнодушно согласился тренер.

Он отдал короткое приказание, и девушки, разрушив строй, побежали в раздевалку. Остались лишь три, указанные Долинским.

Они неуверенно приблизились и остановились в ожидании.

— Соледад,— представил тренер,— Роза и Мари.

Услышав свое имя, каждая девушка приседала, что выглядело довольно забавно, учитывая, что они были в купальниках.

— Вы бы могли мне коротко рассказать о них? — спросил он тренера.

— Конечно,— начну с Соледад. Мы зовем ее Солли. Я советую вам запоминать их по именам, не все наши фамилии вам легко будет выговорить.

Он сообщил, что Солли пятнадцать лет. Ее отец работает в клубе (благодаря любезности сеньора президенте), мать и трое младших сестер «сидят дома». Солли учится в муниципальной школе, получает стипендию (благодаря доброте сеньора президенте). Она с малых лет — ее отец выбачил — привыкла к морю, вместе с мальчишками плавала, прыгала со скал в воду. Сейчас для нее вода родная стихия. «Она там чувствует себя уверенней, чем на суше», — пошутил тренер.

Помимо прекрасных физических данных, Солли отлича-

ется прямо-таки недетским умением сосредоточиться на чем-то одном, на том, что считает главным, в данное время — на прыжках в воду. Очень серьезная, послушная, старательная, словом, сеньору Долинскому работать с ней будет сплошное удовольствие. Да и английский Солли неплохо выучила.

Розе — восемнадцать лет, тоже с помощью сеньора президенте учится стенографии, изучила английский, сирота — воспитывается у тетки, билетерши в кинотеатре, мечтает стать кинозвездой. «Вы же видите, какая она красивая, — заметил тренер, — великолепно поет, танцует. Но несерьезная, спорт ей дается легко, а чтобы по-настоящему работать, это не очень... Нет в ней упорства. Но она очень красивая».

Глядя на стоящую перед ним высокую изящную девушку с ниспадавшими ниже плеч густыми черными волосами, Долинский подумал, что красивая внешность все же не самое главное и вряд ли только благодаря ей Розе удастся добиться славы Лоллобриджиды, на которую она немного была похожа.

— Мари — тоже дочь рыбака, — продолжал тренер, — и тоже к морю привыкла с детства. С Солли они подруги. Живет в семье, где кроме нее еще девять детей. Очень нуждающаяся семья. Мари с малых лет привыкла к тяжелой работе. Сейчас, благодаря великодушию сеньора президенте, учится и получает стипендию. Отец потерял ногу, сейчас его пристроил уборщиком

в клубном гараже сеньор президенте. Мари серьезно тренируется, из нее может получиться толк. Но трусовата немало. Нерешительная какая-то.

Получив таким образом характеристики на своих будущих учениц, Долинский решил сам поговорить с каждой из них.

— Скажи, Солли,— спросил он «чемпионку», как он шутиливо назвал ее про себя,— тебе нравятся прыжки в воду?

Они отошли в сторону и прогуливались вдоль бассейна вдвоем.

— Так нравятся? — повторил свой вопрос Долинский.

— Очень,— девушка напряженно смотрела ему в глаза, ее, видимо, предупредили, кто такой советский тренер и как много зависит от него в ее судьбе,— она боялась сказать что-то не так.

— Ну а что именно тебе в них нравится?

— Полет. Лететь как птица.

Сначала Долинский заподозрил Солли в стремлении «красиво говорить». Но тут же понял, что она просто говорит как думает.

— А что не нравится?

— Полет короткий,— не задумываясь, ответила Солли,— за десять метров ничего не успеваю.

— А как бы ты хотела?

— Чтоб лететь долго и всякие фигуры делать. Много фигур.

— Ты когда-нибудь слышала такое слово «дельтаплан»?

— Да,— глаза Солли заблестели,— я видела. В клубе некоторые сеньоры летают. Красиво! Я бы тоже хотела.

— Какие элементы тебе особенно нравятся?

— Сложные и быстрые. Чтобы побольше сделать, пока лечу.

— Ты знаешь, Солли, кто я и зачем приехал?

— Да, сеньор, нам сказали.

— Ты хочешь работать со мной?

— Очень хочу, сеньор, нам сказали, что вы лучший тренер в мире,— она смотрела на него с восхищением.

— Ну, лучший вряд ли,— улыбнулся Долинский,— но требовательный, пожалуй.— Он помолчал.— Вот что, Солли, ты должна знать: настоящий спортсмен обязан не просто любить, а обожать свой спорт, он обязан отдавать ему все силы, все мысли. Но большим чемпионом нельзя стать без большой культуры. Ты должна хорошо учиться, много читать, уметь отдыхать, интересоваться многими вещами, любить и другие виды спорта, и балет и музыку, общаться с подругами, ходить в кино... Это все тоже входит в тренировочный процесс. Ты понимаешь меня?

— Да, сеньор.

— Большой чемпион должен жить полнокровной, активной, интересной жизнью. Кроме того, у нас будет очень напряженные тренировки. Мы будем с тобой работать над очень сложной программой. И когда-нибудь ты станешь олимпийской чемпионкой (Долинский считал, что учениц надо сразу нацеливать на сверхзадачу, с первого же шага), взлетишь очень высоко. Ты же сама говоришь, что хочешь летать,— он улыбнулся.

— Да,— Солли тоже широко улынулась,— хочу, я иногда во сне летаю... вижу, как будто летаю. Я обещаю вам стать олимпийской чемпионкой.

В словах ее было столько простодушия, что Долинский упрекнул себя: «Она все понимает слишком буквально, надо быть осторожней. А главное, ее ни в чем нельзя обманывать, придется вывести в олимпийские чемпионки, хоть ты лопни!» — и он снова улыбнулся, на этот раз про себя.

— Ладно, договорились — с завтрашнего дня начнем занятия. А сейчас позови мне Розу.

Девушка убежала, а к нему походкой манекенщицы приблизилась Роза. Она действительно была красива.

— Ты любишь прыжки в воду? — задал он традиционный вопрос.

— Обожаю! — горячо воскликнула Роза. («Уж слишком горячо», — подумал Долинский.)

— За что?

— Ну... — девушка не знала, что ответить, — ну... они красивые, это как балет в воздухе. Очень люблю танцевать. — И тут же, спохватившись, добавила: — Но прыжки больше! Я когда прыгаю, я будто танцую.

— Скажи, Роза, кем бы ты хотела стать?

— Я хочу сниматься в кино, — она обеспокоенно взглянула на Долинского, — то ли сказала?

— Почему? Ты чувствуешь в себе актерский талант?

— Талант? — казалось, она

не понимает. — Нет, я просто хочу стать актрисой кино.

— Но ведь для этого надо иметь талант. Вот талант спортсменки у тебя есть. Но спорт не профессия. А для какой у тебя есть талант, как ты считаешь?

Но она упорно не понимала.

— Я хочу сниматься в кино. Я не уродливей многих кинозвезд.

Долинский вздохнул. Все ясно — она запрограммирована. Неожиданно Роза сказала:

— Могу зарабатывать деньги спортом.

— Это как же?

— Поступить в ревью к сеньору Лопесу — у него разные аттракционы, ревью на воде. Буду прыгать с двадцатиметровой вышки.

— У него есть такой аттракцион? — удивился Долинский.

— Есть, но там прыгают мужчины.

— Вот видишь...

— Есть другие — синхронный балет на воде, водные лыжи...

— Роза, — перебил Долинский, — а кроме спорта или кино, ты ничем другим не сможешь зарабатывать на жизнь?

— А чем? — Она искренне недоумевала.

— Не знаю, — Долинский слегка растерялся, — ну, секретарем, стенографисткой, ты же учишься...

— Нет, сеньор, там всюду безработные. Сеньор президенте очень добр, но, если он не поможет, стенографисткой тоже не устроишься. И потом везде мало платят. Не получится с кино, пойду в спорт или... выйду замуж.

— А есть за кого? — Долинский весело подмигнул.

— Есть. — Роза широко улыбнулась и покраснела.

— Ну ладно, пока не вышла, будем тренироваться. Но учти, по-настоящему. Очень серьезно.

— Я готова, сеньор.

— Беги, позови мне Мари.

Мари оказалась очень застенчивой, к тому же она намного хуже подруг говорила по-английски.

На его традиционный вопрос, любит ли она прыжки в воду, Мари ответила несколько неожиданно:

— Люблю, но не очень.

— А почему же тогда ты ими занимаешься?

— Я, как Солли. И потом сеньор президенте взял тогда отца работать.

— То есть сеньор Лопес принял твоего отца на работу при условии, что ты будешь заниматься прыжками в воду?

— Да, как и Солли.

— Как и Солли?

— Да, один человек увидел, как мы прыгали с мальчишками со скалы, сказал сеньору президенте...

— Ну-ну, — Долинский начинал понимать.

— Сеньор президенте позвал моего отца и отца Солли и взял их на работу, а мы учимся, и нам платят. Мы очень благодарны сеньору президенте, — торопливо добавила Мари, в глазах ее промелькнула тревога.

— Что, сеньор Лопес всем спортсменам так помогает?

— Нет, только очень хорошим, как мы с Солли, — простодушно ответила Мари.

— Ты очень дружна с Солли? Она хорошая девушка?

— О, она замечательная! — с жаром воскликнула Мари. — Она лучше нас всех. И она меня тоже любит! Она будет знаменитой.

— Почему?

Мари пожала плечами. Она твердо знала, что подруга ее будет знаменитой, а вот в чем и как, она не ведала. Наконец неуверенно сказала:

— Она хочет, чтобы ее отец, мать и сестренки хорошо жили. Она их очень любит. Все для них сделает. Она упорная.

— А ты?

— Я, — Мари опять пожала плечами, — не знаю...

— Но мы будем много работать. — Долинский сделал суровое лицо. — Я очень строгий тренер, ты готова?

— Готова, — неуверенно прошептала Мари. — Я буду стараться. Вы будете... нас пороть?

— Пороть? — Долинский уставился на Мари. — Как пороть? Почему?

— Нам говорили: есть тренеры, которые порют, кто плохо тренируется. Вы... говорите, вы строгий.

Долинский рассмеялся.

— Нет, Мари, я строгий, но я никогда не порю. Я только ворчу.

Мари тоже засмеялась.

— Я буду стараться, — повторила она.

— Ну, ладно, пошли к машине, я отвезу вас в лагерь, а завтра приступим к тренировкам.

Машина вновь проехала городок, пересекла шоссе и по-

катила по другой, такой же ухабистой дороге, ведущей к океану.

Соленый ветерок пахнул в лицо, закружились над головой в медлительном полете белые чайки, стал громче глухой рокот прибоя.

Лагерь располагался возле небольшой живописной бухты. Спортсмены жили в легких деревянных домиках. Над одним плескался на ветру краснокрестный флаг — здесь, видимо, был медпункт. Столы и скамейки под открытым небом — столовая; несколько нехитрых врытых в землю снарядов — перекладин, брусьев, шестов — спортивный городок; сколоченная из досок и немало приподнятая площадка — эстрада (или танцплощадка).

Тренер пригласил Долинского и Лауру пообедать, но Долинский отклонил приглашение. Он прошелся по лагерю, посмотрел на мальчишек, смело прыгавших с десятиметровых скал в лазурную воду, наблюдал за гребцами, тренировавшимися вдаль, и, поблагодарив за прием, отправился в обратный путь.

— Вам понравились девушки? — спросила Лаура, все это время молча сопровождавшая Долинского и явно тяготившая своей ненужностью.

— Понравилась, — задумчиво отвечал он. — А скажите, Лаура, сеньор Лопес большой филантроп?

— Да, очень большой, очень! — с жаром воскликнула она. — Он много жертвует для церкви, для спорта, для полиции...

— Для полиции?

— Да, да. Сеньор Лопес очень любит порядок. Он не любит преступников, он помогает полиции, дает деньги. Может быть, его выберут сенатором.

— И у него в клубе работают многие отцы или матери спортсменов?

— Только отцы. Да, многие. Он им дает работу.

— А если спортсмен или спортсменка перестают выступать?..

— Почему?

— Ну, не знаю, выходят замуж, поступают на работу, которую трудно совместить со спортом...

— Но без сеньора Лопеса они куда не поступят...

— Хорошо. Допустим, перестают показывать высокие достижения. Их отцов увольняют?

— Да, конечно, надо нанять тех, у кого дети спортсмены, — простодушно пояснила Лаура.

— Понятно... Скажите, а кто тренирует Кончиту, дочь сеньора Лопеса?

— Она была в Соединенных Штатах, там тренировалась и сейчас часто ездит туда, а здесь у нее тренер из Мексики. Очень хороший.

— А почему ж он не тренирует, скажем, Солли? Почему меня пригласили?

— Вы лучше, вы знаменитый, — убежденно сказала Лаура, — и еще сеньор Лопес говорил, что вы выдающийся экспериментатор, у вас фантастичные идеи для разных фигур.

— Экспериментатор, — усмехнулся Долинский. — Как вы думаете, Лаура, почему же

тогда он не предлагает мне тренировать его дочь?

Лаура молчала. Видимо, такая мысль не приходила ей в голову, и она просто не знала, что ответить. Наконец честно призналась:

— Не знаю. Спросить у сеньора Лопеса?

— Ни в коем случае! Захочет — сам скажет. Он просил меня вырастить олимпийскую чемпионку из Солли, а не из Кончиты. Этим я и займусь. И еще одно: я бы хотел познакомиться с семьей Солли.

— Хорошо, сеньор Долинский, я скажу сеньору Лопесу.

— А что, требуется его санкция? Сами мы не можем решить этот вопрос?

— Наверное, — смутилась Лаура, — как вы захотите. Но вы ведь завтра все равно встретитесь с сеньором Лопесом. Он просил меня передать, что приглашает вас на завтрак, то есть по-вашему на обед. В час дня к себе домой. Утром вы, наверное, поедете на тренировку. Я уже сказала, чтобы все три девочки ждали вас к девяти. Когда приехать за вами?

— Ну раз вы им сказали к девяти, то заезжайте в половине девятого, за полчаса поедем? Это где?

— Мы там были сегодня, в том бассейне.

— Ну что ж, значит, жду вас к половине девятого. И вот что, Лаура, это только завтра, чтоб получше запомнить дорогу. А так у меня же есть машина, так что могу ездить сам. Чего вам беспокоиться?

— Нет! Пожалуйста! Я не буду вам мешать, буду просто

сидеть. Я буду у вас в половине девятого, и мы поедем на вашей машине. Идет?

— Идет-то идет, — рассмеялся Долинский, — но к чему вам так рано вставать, ехать за мной...

— Нет, пожалуйста! — в голосе Лауры звучало отчаяние. — Прошу вас! — И, видя, что Долинский не понимает, добавила тихо, опустив голову: — Сеньор Лопес подумает, что я вам не нужна, что я лишняя...

Он с грустью посмотрел на Лауру и обнял за плечи.

— Все ясно, Лаура, будем работать вместе. Завтра же скажу сеньору Лопесу, что вы мне необходимы. Договорились? Ни о чем не беспокойтесь.

Она взглянула на него благодарно и вдруг, быстро наклонившись, поцеловала ему руку. Долинский отдернул руку, словно обжегся.

— Лаура, никогда, слышите, никогда не смейте повторить это! Это... это недостойно человека. Ясно?

— Простите, пожалуйста, простите, — бормотала Лаура.

— Может быть, у вас так принято, — еще не успокоившись, продолжал Долинский, — но я живу по законам моего общества. А у нас никто не имеет права унижать другого. И никто ни перед кем не унижается. Запомните это. — И, видя, что Лаура на грани слез, уже мягко добавил: — А вам я буду союзником. Говорите, что надо сказать или сделать, чтобы вам было лучше, — я все сделаю. Идет? — И он улыбнулся.

— Идет,— прошептала Лаура и постаралась незаметно смахнуть слезинку,— спасибо вам, сеньор Долинский. Спокойной ночи. До завтра.

— До завтра, Лаура. Желаю вам хороших снов. А утром я поеду на тренировку со своей переводчицей, без которой не могу обойтись!

— К сожалению, можете,— печально сказала Лаура, забываясь в свой «джип», и, прощально махнув рукой, укатила.

Долинский не без удивления обнаружил знакомого садовника, сидящего на корточках возле клумбы спиной к нему. «Он, что, работает двадцать четыре часа в сутки?»— подумал Долинский, входя в свой домик.

5

Первая его тренировка прошла как обычно. То есть так же, как дома. Долинский быстро установил, над чем каждой из его трех учениц следует работать в первую очередь. Розе не хватало физической подготовки, Мари — решительности. Что касается Солли, то она, наоборот, порой излишне рисковала. Казалось, она все время стремится вырваться за границы установленных канонов, «кразукрасить», по выражению Долинского, принятые фигуры, к чему судьи далеко не всегда испытывают симпатию. Ему трудно было назвать спортсменку, которая бы больше подходила под его «эксперименты» и сама по складу характера, по влечению так стремилась к сложнейшим элементам,

к упражнениям «ультра-си», как говорят гимнасты.

Так или иначе своими ученицами Долинский остался доволен. Вот что ему не нравилось, так это бассейн. Нет, это был неплохой бассейн, но уж коль хотят, чтобы он вырастил олимпийскую чемпионку, то важны любые мелочи, так что придется уважаемому сеньору президенте раскошелиться на великолепный клубный бассейн. Открытый или закрытый (был в клубе и такой). Но именно там Долинский будет вести свои тренировки!

Он все больше находил аргументов за то, чтобы перенести занятия, и даже злорадно представлял, как эти девушки утрут нос всем аристократам-снобам, без толку валяющимся возле бассейна. «Лежали бы себе на пляже,— возмущался про себя Долинский,— там, кстати, и зрительская аудитория побольше. Так нет, им важно выставляться в «своем кругу», а что такой бассейн зря простаивает, кого из них это интересует?»

Но после тщательных размышлений педагогический здравый смысл взял все же верх. Долинский отлично понимал, что по-настоящему тренироваться в обычной клубной обстановке его девушки не смогли бы. Они бы «зажались», все бы их стесняло, пугало. А для клубной публики эти тренировки превратились бы в некий аттракцион, наподобие других сходных предприятий Лопеса.

Закончив утреннюю тренировку, он вернулся домой, переоделся. А в половине пер-

вого к дому подкатил автомобиль сеньора Лопеса. Рамон почтительно открыл перед ним дверцу. Долинский поймал себя на том, что оглядывается теперь кругом в поисках садовника каждый раз, как выходит из дому. И каждый раз обнаруживает его поблизости, занятого своими делами. Когда он спит, ест, отдыхает, когда, вообще, бывает не на работе, оставалось тайной. Долинский неизменно приветствовал старика поднятием руки, а тот неизменно улыбался ему в ответ и снимал свою широкополую шляпу.

Вилла сеньора Лопеса стояла на скале, нависшей над морем. Это было современное из стекла и бетона сооружение, где имелся закрытый бассейн, оранжерея, кинозал. По густому большому саду бродили охранники с собаками. Прислуга состояла сплошь из индейцев, и только величественный дворецкий был французом.

Обедали на террасе, откуда открывался сказочный вид на океан, побережье и курортный город. Подавали какие-то изысканные яства, которые Долинский не очень-то оценил.

— Ну что ж, вы правы,— сказал сеньор Лопес, когда они остались одни и заговорили о делах.— Раньше двенадцати ни один член нашего клуба не приходит да, между нами говоря, и вообще-то не встает с постели. Так что считайте, что с девяти до полудня бассейн ваш. А как вы считаете — девушки перспективны?

— Безусловно, — сказал Долинский,— во всяком случае, Соледад имеет все осно-

вания рассчитывать на успех на олимпийских играх. Человек я осторожный, но в данном случае настроен оптимистически.

— Скажите,— после паузы спросил сеньор Лопес,— в чем секрет вашей методик? Я не слишком нескромен?

— Секретов нет,— улыбнулся Долинский,— есть строго научная, тщательно разработанная методика, есть, не скрою, многолетний опыт. Думаю, что залогом успеха тренера в любом виде спорта является индивидуальный подход, умение проникнуть в психологию ученика, подобрать к каждому свой ключ.

— Как к сейфу,— рассмеялся сеньор Лопес,— и тогда, как и сейф, ученик раскроется и озолотит тренера!

— У профессионалов — да,— серьезно заметил Долинский,— у истинных спортсменов, наоборот, станет для тренера источником постоянных расходов...

— Расходов?..

— Конечно, расходов нервов, сил, времени. Поверьте, сеньор Лопес, работа тренера — каторжная работа. Впрочем, вы-то прекрасно это знаете,— добавил любезно Долинский.

— Да, пожалуй,— задумчиво сказал сеньор Лопес, разглядывая свою сигару.— Ученик получает золотую медаль. А в чем награда тренеру?

— Вот эта золотая медаль ученика и есть его награда.

— А если не будет медали?

— Видите ли, сеньор Лопес, у тренера много наград и без заветной медали. Доверие и любовь учеников, то, что они

стали сильными и здоровыми, честными и трудолюбивыми... Короче говоря, если тренер воспитал гражданина — это и есть награда.

— Да, да, вы правы,— про- бормотал сеньор Лопес,— а как вы считаете, за что Солли любит прыжки в воду?

— За возможность летать,— рассмеялся Долин- ский,— так, во всяком случае, ответила она мне на тот же во- прос. Это было первое, о чем я ее спросил.

— Ну, какой полет — де- сять метров! — махнул рукой сеньор Лопес,— вот с двадца- ти — другое дело. Вы знаете, наши ребята прыгают со скал с двадцати метров. А в Акапулько... Вы не были в Акапулько?

— Нет, только слышал от коллег. Говорят, зрелище впе- чатляющее. Но ведь это ат- тракцион, и притом опасный. Человек рискует жизнью.

— А зато сколько получа- ет?

— Кто получает? — в голо- се Долинского была ирония.— Прыгун или хозяин ресторана, который этим аттракционом владеет?

— Ох, ох,— и сеньор Лопес погрозил ему пальцем,— так вы и меня осуждать начнете, я ведь тоже владелец аттракцио- нов.

— Но не таких, насколько я знаю,— пожал плечами Долин- ский.

— Не таких, не таких, но все же владелец. Психологию биз- несмена вам не понять,— на- ставительно произнес сеньор Лопес.— Вот мы говорили о на- градах. Бизнесмену тоже нуж- на награда. Вы думаете, я

меньше вас трачу нервов, сил, энергии, как теперь модно го- ворить, «серого вещества»? И денег, между прочим, тоже. Должна же быть награда. Вот деньги, доход, капиталы, что мне приносит мой бизнес, и есть моя награда. Разве не так?

— Так-то так,— усмехнулся Долинский,— но ведь вопрос в том, на чем зарабатывать. Можно ли это делать на лю- дях, на их здоровье, их сча- стье?

— Ну, это уж деталь,— се- ньор Лопес пренебрежительно отмахнулся,— бизнес есть биз- нес. Таков закон общества.

— Вашего общества,— по- правил Долинский.

Лопес хотел возразить, но в это время вошла Кончита.

— Извините, сеньор, изви- ни, папа, я задержалась, но к кофе, надеюсь, успела.

— Садись, садись, вечно ты опаздываешь,— проворчал се- ньор Лопес и бросил на Кончи- ту взгляд, в котором было столько любви, столько гордо- сти, что Долинский почувство- вал умиление. «Лопес не про- сто любит дочь,— подумал он,— он обожает ее». И, слов- но прочитав его мысли, сеньор Лопес сказал:

— Вот моя высшая награда в жизни, да и смысл тоже.— И он прижал ладонью к своей щеке щеку наклонившейся к нему дочери.

Долинский посчитал бес- тактным высказывать свое не- доумение: почему Кончите не потренироваться у него? Хотя с ее приходом разговор кос- нулся тренировок, соревнова- ний, разных технических вопро- сов. В какой-то момент загово-

рили о предстоящей олимпиаде, и Долинский был немало удивлен, услышав от Кончиты о ее планах. Оказалось, что она твердо рассчитывала на призовое место. Высказывая свои соображения, она несколько раз оборачивалась в сторону отца, и тот энергично поддакивал.

«Она, что, не в курсе дела,— размышлял Долинский,— не знает, зачем я приехал? Не ведает, что ее отец прочит в чемпионки Соледад? И отец морочит ей голову? Или это они все морочат голову мне? Но зачем? В чем смысл? Вызывать из Советского Союза тренера, что, к слову говоря, не так уж дешево, устраивать мне спектакль, содержать здесь, требуя, чтобы я подготовил чемпионку, заведомо рассчитывая, что чемпионкой станет другая... А может, Лопесу просто неловко сказать дочери, что есть поспособнее ее? Не хочет огорчать?..» Все эти вопросы оставались без ответа, и в конце концов Долинский решил не ломать себе голову. Какое ему в конце концов дело? Он обязался сделать все возможное, чтобы их лучшая прыгунья в воду, в данном случае Соледад, стала чемпионкой или хотя бы призером будущей олимпиады. И он выполнит, черт возьми, свое обязательство! А до остального ему нет дела!

И все же из мальчишества, что ли, когда затянувшийся обед — после кофе еще подали фрукты — подходил к концу, Долинский вдруг сказал:

— Сеньорита Кончита, вы бы пригласили меня как-нибудь на тренировку, а то я раз только видел вас в бассейне. Инте-

ресно было бы сравнить с моей ученицей...

Он не успел закончить фразу, как сеньор Лопес перебил его:

— Да, да, как-нибудь мы это организуем. А сейчас, сеньор Долинский, я хочу вам показать мою виллу. Кончита, где мама, позови ее.

Когда Кончита вышла, он повернулся к Долинскому:

— Знаете, не надо упоминать при дочери о Соледад, вообще о наших делах. Она очень ранимая. Все это на нее подействует. Могут руки опуститься. Понимаете?

— Конечно, конечно,— успокоил его Долинский. А сам подумал: «Наши дела!» Ничего себе дела! Отец за спиной дочери натаскивает ее конкурентку. Все это довольно странно...»

Тут появилась сеньора Лопес, и они отправились осматривать виллу. После осмотра виллы они еще долго бродили по роскошному благоухающему саду, любовались удивительной красоты цветами, высокими пальмами, рокотавшим у подножия скалы океаном и белоснежным городом, что раскинулся над золотыми пляжами.

— Скажите,— после паузы, как бы между прочим, спросил сеньор Лопес,— мне говорили, что вы хотели познакомиться с родителями Солли?

— Желательно,— подтвердил Долинский.— Вообще-то хотелось повидать родителей всех трех девочек, но для начала хотя бы ее.

— Это так необходимо? Знаете, спортивные занятия до-

чери проходят настолько далеко от семьи, что родители в них ничего не понимают...

— Странно,— удивился Долинский.— Но я не представляю себе тренера, не знакомого с родителями своих учеников, более того, не поддерживающего с ними постоянный контакт. А что, у вас есть возражения?

— Нет, нет, пожалуйста,— замахал руками сеньор Лопес,— я немедленно распоряжусь.

«О чем он собирается распорядиться?»— недоумевал Долинский.

Наконец, поблагодарив хозяев, Долинский откланялся, и Рамон отвез его домой. На веранде его поджидала Лаура.

— Вы давно здесь?— спросил удивленный Долинский.

— Не очень.— Она бросила взгляд на часы, и Долинский понял, что давно.— А как прошел ваш пир? (Лаура демонстрировала свое знание русского языка.)

— Пир прошел в деловой и дружественной атмосфере,— улыбнулся Долинский.— Была даже Кончита. У меня создалось впечатление, что она представления не имеет, кто я и зачем приехал.

— Ну что вы,— как-то смущенно и без особой убежденности пробормотала Лаура,— вы такой знаменитый!

— Да бросьте,— отмахнулся Долинский.— Так что будем делать?

— Если хотите, мы можем съездить к родителям Солли...

— Прекрасная мысль!— воскликнул Долинский.— Я только переоденусь, сниму ко-

стюм, галстук. На вилле у сеньора Лопеса кондиционер, а вот на вилле у Соледад вряд ли. А?— и он весело подмигнул Лауре.

Но та казалась смущенной.

— Сеньор Долинский... Может быть... вы... наденете галстук?

— Зачем?— удивился Долинский.

— Ну... родители Солли... они простые люди... а вы...

— Тем более,— по-прежнему не понимал он,— им-то, небось, все эти парадные туалеты не нужны.

— Да... но... у нас...— Лаура никак не могла подобрать подходящие слова, наконец решилась.— Вы ведь для них очень важная персона, вы, вообще, важная персона,— торопливо поправилась она.— Извините. Они привыкли, что важные персоны в галстуках. И вдруг внезапно вы... Не поймут. Вы их извините, они простые люди... у нас так...

— Ну, ладно, Лаура, надену галстук. Раз у вас так принято. Со своим уставом, как говорится, в чужой монастырь не суйся.

— О нет! Сеньор Долинский, ее родители не в монастыре. Они живут недалеко, на окраине, не в монастыре. Но в бога верят. Они очень религиозны. И Солли тоже.

— Ясно, ясно,— Долинский рассмеялся.— Это я так, поговорка такая.

Он быстро переоделся, надел легкие брюки, рубашку с короткими рукавами, повязал галстук, что выглядело довольно нелепо. Он вздохнул.

— Поехали? На какой машине? — спросил он, выходя на веранду.

— Лучше на «джипе». Там дороги плохие.

— На «джипе», так на «джипе!» — весело воскликнул Долинский, вскакивая в машину, и, не удержавшись, «уколот» свою спутницу: — К «джипу» очень подходит галстук.

Лаура промолчала, лишь бросила на него грустный укоризненный взгляд.

Машина пересекла город. Они проехали по центральной улице, миновали площадь с фонтаном и оказались за городом. В отличие от пригородов, занятых роскошными виллами, растянувшихся вдоль побережья, этот находился на задворках распахнутого к океану города, в стиснутой горами лощине. Сюда не долетали свежие соленые ветры, не доносился шум прибоя. Здесь стояла душливая влажная жара, на улицах блестели зеленоватые лужи, валялась банановая кожура, гнилые фрукты, покрытые мухами. Чахлые деревца серели под слоем пыли. Приземистые глиняные домики были окружены какими-то сараями, сложенными из картонных ящиков, кучами мусора, веревками с развешанным старым бельем, повсюду валялись ржавые железки, доски, тряпки. Носились ребятишки, игравшие в футбол тряпичным мячом.

Проехав пару улиц (тут Долинский в полной мере оценил предусмотрительность Лауры — столько было на этих улицах ям, кочек, всякого хлама), они подкатили к одно-

этажному домику, сравнительно чистому и аккуратному.

У дверей их ждала вся семья: Соледад, ее три малюла меньше сестренки, мать, полная еще не старая женщина в цветастом платье, и отец... тот самый садовник, который работал у дома Долинского! Старик смотрел на него улыбаясь, и было в этой улыбке что-то извечно грустное и покорное.

А кругом молча стояли ребяташки, устремив на приехавших блестящие черные глазенки. Поодаль, сохраняя достоинство, внешне незаинтересованно, а в действительности, тоже сгорая от любопытства, пребывали соседи.

— Милости прошу в дом, — сказал отец Солли.

Так, во всяком случае, понял его Долинский. Старик не знал никакого языка, кроме испанского. Переводила Лаура.

Дом состоял из двух комнат, одна из которых служила, видимо, спальней для всей семьи, а вторая — и столовой и гостиной. Здесь уже был накрыт стол — рыбные деликатесы, оранжевое от покрывавшего его перца мясо, горы овощей и фруктов, какие-то закуски, бутылки вина и виски, сладости, шоколад, дорогие сигареты. Три младшие сестры Солли чинно уселись за маленький столик и молча просидели весь обед.

После обеда у сеньора Лопеса Долинский не представлял себе, как он сможет что-нибудь съесть. Но обидеть хозяев, отказавшись, было невозможно.

Все заняли места за столом.

В это время вошел молодой, лет восемнадцати, парень. Он вежливо поклонился, поцеловал Солли в щеку. Отец Солли представил юношу.

— Это друг Соледад, Мунис,— перевела Лаура.— Когда-нибудь они поженятся,— прошептала она Долинскому от себя.

Долинский поинтересовался, как и когда Солли стала увлекаться прыжками в воду.

— Мы тогда жили на побережье, я рыбачил,— рассказывал отец,— и дочка вместе с мальчишками все время проводила на берегу, купалась, плавала, ныряла со скал. Потом нас всех, рыбаков, наняла рыболовная компания. У нее были моторные шхуны, разные сети, куда с ней тягаться. Потом компания разорилась, и мы все остались без работы. Пошли кто куда. Нам с женой повезло — вот в этом домике приютил ее старший брат. Он умер два года назад. А мы так и живем,— старик (которому, как выяснил позже Долинский и чему не сразу поверил, было сорок семь лет) помолчал, потом продолжил свой рассказ: — Не знали, как жить дальше: денег нет, работы нет. Но тут оказалось, что шпионы сеньора президенте...

— Шпионы? — переспросил Долинский.

— Да,— пояснила Лаура,— так называют у нас специальных представителей спортивных клубов, которые разъезжают по стране и выискивают среди детей и подростков одаренных спортсменов.

— Так вот,— закончил отец Солли,— они увидели дочку и

сразу сообщили сеньору президенте, дай ему бог здоровья. Он взял меня на работу, помог Солли, чтоб училась, стипендию ей платит. Вот теперь вы ей, благослови вас бог, помогаете...

Долинский задавал вопросы, незаметно выясняя обстановку в семье, отношения между родителями и дочерью, между Солли и ее сестрами, хотел знать, что за парень ее «жених», как он окрестил его про себя, как тот относится к занятиям спортом своей подруги. Делал он все это достаточно искусно.

И обратил внимание на два обстоятельства. Во-первых, Лаура вносила в перевод свои коррективы. Да, да! Долинский не знал испанского, но, зная английский, немного французский, он понимал, что какие-то ответы она переводит ему неточно, порой что-то опускает или, наоборот, добавляет. Больше того, переводя его вопросы, она нередко очень коротко и незаметно вставляла кое что от себя, словно подсказывала родителям Солли и ее жениху ответы. Мунис явно знал английский. Однажды он, как показалось Долинскому, хотел уточнить фразу в ее переводе, но Лаура что-то быстро и властно сказала ему, и он умолк. Да и на шутки и некоторые реплики советского тренера он реагировал сразу, не ожидая перевода.

Второе, что привлекло внимание Долинского,— это явное неодобрение, которое он читал в глазах Муниса, как только речь заходила о спортивном будущем Солли. Парень вел

себя сдержанно, он больше молчал, лишь на прямые вопросы нехотя отвечал односложными фразами. И все же Долинский понимал: блестящие перспективы, открывающиеся перед Солли, пугают его. Долинский объяснил это страхом парня потерять девушку. Ведь став знаменитостью, Солли может бросить его. Вряд ли обоснованное, но понятное беспокойство.

За беседой время пролетело быстро.

Прощаясь, Долинский сказал старику, как он по-прежнему мысленно называл отца Соледад:

— Ну, что ж, раз вы все время в клубе, приходите посмотреть, как тренируется ваша дочка. Утром с девяти. Да и ко мне заходите запросто, с удовольствием отплачу вам за гостеприимство. Вы ведь все равно работаете рядом с домиком, где я живу. Так что, милости прошу.

Он вручил сестренкам Солли предусмотрительно захваченные матрешки, родителям — бабу на чайник и набор хохломских ложек.

Вся семья вышла провожать к машине, тесно окружив гостей.

Вот тогда это и произошло.

В какой-то момент, когда Лаура обходила машину, чтоб занять свое место за рулем, Мунис, оказавшийся возле Долинского, быстро наклонившись, прошептал по-английски:

— Не доверяйте переводчице и не губите Солли, умоляю вас...

Он тут же отошел, и Лаура ничего не заметила.

На обратном пути она попыталась выяснить, какое впечатление осталось у Долинского от этой встречи. Но он молчал или рассеянно и невпопад отвечал. Слова Муниса, отчаяние, звучавшее в них, не давали Долинскому покоя. Он и раньше ощущал какую-то неясную тревогу, вернее «недоказанность в атмосфере», так бы он определил это ощущение. И вот впервые он получил реальное подтверждение своему беспокойству. «Что за этим кроется? — размышлял он. — Или я все преувеличиваю? Ну, что особенного? Выписывают советского тренера, с его помощью стараются подготовить чемпионку, ее парень понимает, что чем выше поднимется его подруга, тем больше для него шансов ее потерять. Вполне естественно для любой буржуазной страны. И то, что Лопес не предлагает мне тренировать его дочь, тоже понятно. Во-первых, он наверняка связан какими-нибудь контрактами с американскими тренерами Кончиты, во-вторых, не исключены и политические мотивы, не хочет Лопес, чтоб успехом его дочь была обязана «красному» тренеру. Одно дело — спортсменка его страны, тем более индианка, другое дело — собственная дочь, девушка из высшего света! А может, есть другие причины? Словом, забиваю себе голову всякой чепухой! Какое мне в конце концов дело!»

И все же на душе у Долинского было спокойно.

А почему он не должен до-

верить Лауре? Но ведь действительно с переводом она что-то мудрила, это-то он сам заметил. Не приснилось ведь.

— Скажите, Лаура,— спросил он, когда «джип» остановился возле его дома,— что же все-таки представляет собой этот славный паренек — друг Солли и, если я правильно понял, ее будущий жених?

— Так, обычный юноша, кажется, по-русски говорят шалопай, да? У него в голове ветер. Шофером работает в такси. Его выгонят скоро.

— Почему?

— Он хочет вступить в профсоюз. Какой хозяин компании этого захочет? Зачем ему члены профсоюза? Большие компании — иначе нельзя. Там закон. А хозяин маленькой компании — у кого три-четыре такси — может нанимать кого хочет и членов профсоюза не возьмет.

Они продолжали сидеть в машине.

— Давайте пойдем ко мне,— предложил Долинский,— в доме прохладно, выпьем «кока-колы».

На мгновение в глазах Лауры мелькнула тревога. Но она покорно вылезла из машины и последовала за Долинским. Они вошли в гостиную. Он достал из холодильника запотевшие бутылки, поставил вазу с фруктами. Лаура застыла в напряжении, но Долинский делал вид, что не замечает этого.

— Вам не кажется, Лаура, что Мунис не в восторге от спортивных успехов своей будущей невесты? А?

— Да? Нет! Мне не кажется,

— немного растерялась Лаура,— по-моему, он ее любит.

— Любит-то любит, и именно поэтому что-то ему не нравится. Надо бы с ним поговорить. Успокоить. А то это может отразиться на настроении Солли.

Он задумчиво чистил апельсин.

— Нет, нет,— энергично запротестовала Лаура,— вам это показалось! Уверю вас. Он ее любит. Значит, хочет, чтобы ей было хорошо. Он за нее.

— Да? Вы так думаете? — Долинский закончил наконец чистить апельсин и теперь внимательно смотрел Лауре в глаза.— И все же меня это беспокоит. Может быть, мне следует поговорить с ним наедине?

— Нет, нет. Зачем? Потом он не знает английского. Вы очень важная персона, а он шофер...

— Во-первых, для меня все равно, что шофер, что президент клуба, запомните это, Лаура.— Он говорил теперь резко, прохаживаясь по комнате.— Во-вторых, Мунис меня интересует не как шофер, а как близкий человек моей ученицы, чье душевное состояние, а значит, спортивная форма зависят и от него. Вот что, Лаура,— он остановился возле ее кресла, она встала и выжидательно смотрела на него,— поговорите с ним сами, выясните, что к чему, основательны ли мои беспокойства, и скажите мне. Идет? — Он улыбнулся.

— Идет! — Лаура облегченно вздохнула.

Тем временем тренировки продолжались.

Каждое утро его ученицы приходили в клубный бассейн. Сначала они немного робели, но, убедившись, что никого, кроме них и тренера, в это время здесь не бывает, успокоились и втянулись в занятия.

Тренировки длились два-три часа, потому что проводить их дважды в день удавалось далеко не всегда. Девушки разминались, занимались на батуте, который по просьбе Долинского установил сеньор Лопес. Вначале они думали, что чем выше прыгнут, тем лучше. Но тренер требовал другого, например «прыжок на улыбку». Надо было добиться того, чтобы зрителю казалось, будто даже самый сложный прыжок для них пустяк, чтобы они улыбались, были раскованны, чтобы не замечалось напряжение. Он всегда заботился о мелочах — чтоб шапочка, сумка, даже полотенце гармонировали с купальником, на вышку спортсменка поднималась легкой грациозной походкой, улыбалась. Прыжок, считал он, не должен быть лишь сухим упражнением, пусть и мастерски выполненным, а подлинным моноспектаклем, радующим глаз зрелищем.

«Как вышла из раздевалки,— говорил он своим ученицам,— считай, что ты на сцене, что за тобой следят сотни глаз; все, все должно в тебе восхищать, радовать взор, подготавливать к восприятию, что ли, твоего прыжка...»

Для Долинского не существо-

вало каких-то предпочтений — один за атлетизм, другой за сложность, третий еще за что-то. Все должно сочетаться в спортсменке — мягкость, изящество, сила, чувство полета, владение телом, атлетизм, смелость. Вот почему так восхищался он Соледад, сочетавшей в себе все эти качества.

В своей методике Долинский не придерживался канон.

Он, например, долго и въедливо изучал методы тренировки лучших советских прыгунь в высоту. И уделял развитию прыгучести у своих учениц огромное внимание. Ведь чем выше выпрыгивает спортсменка, тем больше возможностей получает она для выполнения сложных элементов. И если в начале тренировок Соледад выпрыгивала на пятнадцать сантиметров, то вскоре эта цифра возросла до сорока семи. Маленькое чудо!

Лаура тоже неизменно приезжала к девяти и, молча, присев в тени, следила за тренировками. Иногда она раздевалась и, оставшись в купальнике, загорала.

Верный себе, Долинский сумел за это время познакомиться с семьями и двух других своих учениц.

Роза жила в многоквартирном пятиэтажном доме вдвоем с теткой, у них было две комнаты, и обе буквально сплошь от пола до потолка были оклеены фотографиями кинозвезд, победительниц конкурсов красоты, каких-то эстрадных знаменитостей и самой Розы.

Тетка не знала, как принять важного гостя, хлопотала у

стола, без конца поддакивала любому слову Долинского, всю расхваливая племянницу, и явно ничего не понимала ни в спорте, ни в том, чем занималась Роза в бассейне и кто такой Долинский. Ему показалось, что она приняла его за режиссера, присматривающегося к ее племяннице на предмет съемок в главной роли.

Незаметно осматривая квартиру, Долинский заметил в спешке спрятанную в комнате Розы пачку сигарет. Несколько раз Роза подходила к телефону и с кем-то жеманно и кокетливо болтала. Словом, Долинский разочаровался в своей ученице. Занятия спортом, видимо, нужны были ей для самоутверждения. Да и помощь сеньора президенте была не лишней. «Тратить больше времени на нее не буду», — твердо решил Долинский.

Посещение Мари оставило у него тягостное впечатление. Все здесь говорило о вопиющей бедности. Жалкий домишко, с картонками вместо оконных стекол, с залатанной крышей, скудная еда на столе; вагата одетых в тряпье братишек и сестреночек Мари, такими глазами смотревших на принесенный гостями шоколад, будто видят его впервые (да так оно, наверное, и было); мать — измученная нуждой, болезненная женщина, отец — инвалид — все это было ужасно. А стремление этих бедных людей сохранить достоинство — их отчаянные попытки скрыть нужду, навести в своем убогом жилище хоть какой-то порядок, вызывали глубокую горечь. Мари сидела молча, а Долин-

ский старался побольше говорить о ее спортивных успехах, о том, что впереди ее ждут большие победы.

Когда они возвращались с Лаурой, Долинский не удержался:

— Слава богу, что есть у этой семьи Мари, одаренная спортсменка, и что есть сеньор президенте, который в связи с этим кое-что для них сделал. А иначе? Как такие живут? Правительство-то что-нибудь делает?

— Конечно, — неуверенно ответила Лаура, — безработные получают пособие, не все, некоторые категории, есть бесплатные столовые при ночлежках, у кого нет жилища, может там ночевать...

— У них десять детей, как же их кормить? — возмутился Долинский.

— Да, да, это много, не надо было столько детей.

— Не надо? Может быть, беднякам вообще не надо жениться, заводить семью? — сыронизировал он.

Но Лаура поняла его буквально:

— Да, да, не надо, сначала надо иметь работу, потом детей.

— А что делать с детьми, если потерял работу?

Лаура не ответила. Да и что ей было сказать?

Вернувшись домой, Долинский привычно огляделся, но отца Солли не обнаружил. Последнее время он куда-то исчез, видимо работал в другой части парка.

— Вы еще не говорили с Мунисом? — вспомнил он по ассоциации свою просьбу.

— Нет, не успела.— Лаура виновато посмотрела на него.— Завтра поговорю.

Однажды на тренировку явился сам сеньор президенте. Как всегда элегантный, в кремовом костюме, с приветливой улыбкой, он подошел к Долинскому и крепко пожал ему руку.

— Здравствуйте, кудесник спорта. Хотелось посмотреть на вашу работу. Ради бога, продолжайте, не буду вам мешать. А после тренировки приглашаю вас на завтрак здесь же, в клубе.

За завтраком в клубном ресторане они беседовали на самые разные темы.

— Вам не кажется, сеньор Долинский, что Мари все-таки какая-то неуверенная. Это ведь существенный недостаток для прыгуньи.

— В общем, да.— Долинский не мог скрывать очевидность.— Но я надеюсь расшевелить ее, ведь она очень способная.

— Что ж, попробуйте. Главное, чтобы вы не тратили времени зря, не отвлекались на бесперспективных спортсменок. Впрочем, вам виднее, сами решайте.

— А как ваша дочь? Я что-то давно ее не видел в бассейне,— заметил Долинский.

— Ничего, спасибо, она сейчас в Штатах, гостит у подруги. Довольны ли вы Лаурой, не нуждается ли в чем? — сеньор Лопес явно не хотел разговаривать о дочери.

— Да без Лауры я бы здесь пропал (Долинский, помня данное обещание, неизменно хвалил свою переводчицу при

каждом удобном случае), поздравляю вас с таким хорошим сотрудником. А когда я уеду, она будет работать с каким-нибудь другим тренером? — спросил Долинский и тут же пожалел о своем дурацком вопросе.

— Нет, я ведь ее взял, потому что она знает русский,— рассеянно ответил сеньор Лопес,— а так она мне не нужна. Уволю.

— И куда ж она пойдет? — оторопело спросил Долинский.

— Не знаю, это ее дело. Впрочем,— сеньор Лопес оживился и лукаво подмигнул,— с такими внешними данными, как у нее, она всегда найдет, где пристроиться.

— В вашей стране внешние данные не велик козырь,— заметил Долинский,— у вас что мужчины, что женщины прямо участники конкурса красоты.

— Вы правы,— улыбнулся сеньор Лопес,— знаете, это результат векового смешения рас — белых, индейцев, мулатов, метисов, квартеронов... У нас есть люди, в жилах которых течет кровь десятка разных рас. Это свойственно многим странам нашего континента.

— Так что расовой дискриминации у вас нет? — с простодушным видом задал новый вопрос Долинский.

— В общем, нет,— ответил сеньор Лопес.

— А индейцы?..

— Ну, индейцы,— отмахнулся сеньор Лопес,— это же так... Они обычно на всяких грязных работах. Испокон веку. Наверное, потому что их когда-то завоевали,— он рас-

смеялся.— Они же здесь коренные жители. Что поделаешь, такова судьба любой завоеванной нации.

— И все же,— упорствовал Долинский,— я заметил, что иные белые ведут себя у вас как хозяева.

— Нет, не все белые. Американцы. Но они всюду ведут себя как хозяева,— сеньор Лопес улыбнулся и развел руками.— Тут уж ничего не поделаешь. Сами знаете.

— Не знаю,— суше, чем хотел, сказал Долинский,— у нас как-то этого не замечал.

— Это потому, что у вас их мало.

— Вы правы, русских или, например, украинцев и узбеков у нас больше.

Сеньор Лопес рассмеялся, оценив шутку.

— У нас, как вы заметили, многовато.

Они расстались — сеньора Лопеса призывали дела, а Долинскому пришла в голову неожиданная мысль — поехать одному, без Лауры, в город, посмотреть, побродить, так сказать, инкогнито. В конце концов в его распоряжении машина.

И он покатил в город. Добравшись до уже знакомой площади с фонтаном и избрав ее ориентиром, он оставил там машину и отправился пешком по главной улице. Он шел не торопясь, стараясь держаться теневой стороны. Центральная улица тянулась параллельно набережной, а от нее в сторону океана отходили улицы поменьше, но тоже обсаженные деревьями, окаймленные красивыми домами. Здесь сплошь

были маленькие и большие кафе, туристические бюро, рекламные агентства, сувенирные лавочки и магазины пляжных принадлежностей (в том числе сеньора Лопеса). На витринах красовались искусно выполненные манекены в купальных костюмах, водные лыжи, пляжные сумки, зонты, ласты, маски и другое снаряжение для подводного плавания, шезлонги, полотенца, халаты, шапочки. Все это сопровождалось табличками, на которых значились баснословные цены.

Долинский прошел мимо дремавших после бурной ночи казино. Их сияющие по вечерам, танцующие, мигающие огни были сейчас потушены, за широкими окнами первых этажей, уходя в глубину помещений, застыли шеренги игровых автоматов.

По улицам, неторопливо шурша, проезжали шикарные машины. Мускулистые парни, оседлав юркие мопеды и мотоциклы, мчались сломя голову, нещадно дымили и грохотали огромные желтые автобусы, сверх меры набитые пассажирами.

Улицы упирались в широкую набережную, отделяющую город от необъятного, уходившего в обе стороны в бесконечность пляжа.

А вот если дойти до конца улицы в обратном направлении, попадешь в пригороды, в иной мир — мир лачуг, нищеты, грязи. Долинский вспомнил прочитанный им когда-то научно-фантастический роман. Перенеся нескольких землян на свою планету, инопланетяне построили для них привычный

земной городок, все улицы которого, дойдя до окраины, упирались в небытие. Так и здесь — дошел до границ этого роскошного курортного города, предназначенного для богачей, и упираешься во мрак.

Долинский в общем-то немало поездил на своем веку, бывал во многих странах. И все же такого яркого контраста, какой наблюдал сейчас, еще не встречал.

Посидев на веранде кафе и выпив два бокала какого-то сложного прохладительного напитка, составленного из полдюжины соков и огромного количества льда, Долинский отправился в обратный путь к площади, где оставил машину.

По дороге он подвергся нападению стайки чистильщиков обуви. Шумные и чумазые, сверкая глазами и зубами, мальчишки наперебой что-то галдели, расхваливая, видимо, свое искусство. Спаситься от них не было никакой возможности, пришлось капитулировать. Замелькали щетки, бархотки, и через несколько минут ботинки Долинского напоминали зеркала. С благодарностью подхватив несколько мелких монет, мальчишки помчались дальше за новой добычей, не столь уж частой в этом городе, где большинство людей ходило в сандалиях, пляжных туфлях или просто босиком.

У машины Долинского терпеливо дожидались другие мальчишки. Они чуть не насквозь протерли стекла автомобиля и теперь выжидательно смотрели на хозяина машины. Отвалив им очередную порцию монеток, Долинский поехал до-

мой, но у первого же светофора подвергся очередной атаке. Буквально бросаясь под колеса, здесь метались маленькие продавцы газет. Купив у них полдюжины ненужных ему изданий на испанском языке, он наконец вырвался на шоссе, и тут ему пришла в голову еще одна мысль: почему бы не нанести внезапный визит семье Солли? А что? Он, между прочим, не министр, чтобы согласовывать свои визиты по дипломатическим каналам...

Не без труда разыскал он невысокий глиняный домик. Крики ребятни и шум мотора известили хозяев о его приезде раньше, чем он подошел к дверям.

Его встретила на пороге растерянная Солли. В глазах ее был испуг, так же испуганно смотрели на него три сестренки, прижавшись к старшей.

— Сеньор, вы приехали. Что случилось?

— Почему ты не в школе? — спросил он строго.

— Занятия кончились, я давно дома, — она смотрела на него удивленно, пытаясь разгадать причину визита.

— Так приглашай в дом. Или ты не рада?

— Да, да, сеньор тренер, заходите, прошу вас. — Солли наконец пришла в себя, захлопотала.

Появилась мать, еще более встревоженная и озадаченная. На стол поставили лепешки, фрукты...

— Извините, сеньор тренер, — виновато развела руками Солли, — больше ничего нет. Сеньор президенте ничего не прислал...

«Ах, вот в чем секрет того роскошного угощения, которое было подано в прошлый наш визит».

— А где отец? Что-то я его давно не вижу.

— Папа теперь работает на вилле сеньора президенте.

«Ясно,— подумал Долинский,— подалее от меня».

— А где Мунис?

— Работает.— Солли покраснела.— Он только вечером приходит.

— И что вы делаете?

— Гуляем... Иногда ходим танцевать... в кино...

— А что ты будешь делать, когда станешь олимпийской чемпионкой, знаменитостью?

— Тогда накоплю денег,— глаза Солли заблестели,— положу в банк для мамы и папы, чтобы смогли жить, если папа потеряет работу,— как-то не по-детски рассуждала она, нахмутив брови,— и для сестер, чтобы могли учиться. Мунису куплю два, нет, три такси. Хватит денег?— она неуверенно посмотрела на Долинского.— Ну два— у него будет своя компания, он хозяин...

— А ты?

— Я буду ждать его дома, готовить еду, смотреть за детьми.

— Ты бы не хотела попутешествовать, повидать разные страны?

— Зачем?

— Ну, сниматься в кино, выступать в ревю?

— Нет, пусть Роза снимается, она красивая. В ревю? У сеньора президенте? Он обещал, он говорил, что придумает для меня замечательный номер, он сказал... сенсацион-

ный... Буду получать много денег. Потом, когда стану чемпионкой.

«Обычное дело — станет олимпийской чемпионкой и сразу в профессионалы, будет выделять всякие номера в бассейне или цирке, рекламировать купальные костюмы. Вот о чем мечтает Лопес. Что ж, удивляться здесь нечему, а жаль, она еще долго могла бы выступать».

Постепенно Солли и ее мать успокоились, пошел доверительный разговор. Долинский узнал, что жалование отца и ее стипендия позволяют кормить семью, содержать домик, одевать младших девочек. Что будет, когда те подрастут,— об этом они пока не думают. Но Долинский понял: вся надежда семьи — Солли. Не будь ее и связанных с ней надежд, впору было бы повеситься. Но Солли-то есть! Есть ее будущее! И какое — вот и сам сеньор тренер говорит!

Он еще немного посидел. Так и не дождавшись отца Солли, поехал домой.

Около дома нервно расхаживала Лаура. Увидев Долинского, она бросилась к нему.

— О, сеньор Долинский, где вы были? Я так волновалась, я вас всюду искала. Куда вы исчезли?

Все эти вопросы почему-то вызвали у Долинского раздражение.

— Я, что, Лаура, должен давать вам отчет о своих передвижениях? Я думал, следить за мной — это функция полиции, а не ваша. Или у вас чин полковника жандармерии? — он хотел произнести это шутивным

тоном, но раздражение про-
рвалось против его воли.

Взглянув на Лауру, он тут же пожалел о своей вспышке. Бледная, она неожиданно горько разрыдалась.

Смущенный Долинский обнял ее за плечи, повел к дому.

— Ну, что вы, Лаура, я же пошутил, неужели вы не понимаете шуток? Ясно, вы беспокоились — незнакомый город, не знаю языка, вдруг что-то случилось со мной, но не надо бояться. Я взрослый, дорогу к дому найду, и телефон сеньора Лопеса у меня есть...

При упоминании Лопеса Лаура заплакала еще пуще.

— Пожалуйста,.. не сердитесь... я не хотела... мне так трудно... сеньор Долинский... вы не так поняли... я хотела... — она что-то бормотала сквозь слезы.

Настроение Долинского, и без того не блестящее после визита к Солли, окончательно испортилось. Ему было жалко эту цветущую молодую женщину, которая постоянно боится за свое в конечном счете такое шаткое, такое эфемерное благополучие, которая вынуждена угождать и Лопесу и ему, Долинскому, все время рискуя что-то не то сделать, не то сказать, а в результате потерять и без того нелегкий кусок хлеба.

Он усадил Лауру на диван, принес ей стакан лимонада и сказал:

— Успокойтесь, Лаура, в свою очередь извините меня. И поймите: у нас иные человеческие отношения, иная система ценностей. У нас люди не живут в постоянном страхе и

не должны ничем жертвовать ради куска хлеба, он у них всегда есть. Вы хотели знать, где я был? Я был у Солли. Без вас, без красивого декорума, который в прошлый раз там пытался любезно создать сеньор Лопес. Для меня немного приоткрылась жизнь этой девушки. Она создана для спортивных достижений, для радости замечательных побед, а ей предложен выбор: или спорт и нищета семьи, или нормальный достаток этой семьи, но какое-нибудь дурацкое, возможно, даже унижающее достоинство ревю.

Лаура тихо всхлипывала, успокаиваясь, вытирая покрасневший нос маленьким платком.

— Да и у вас положение не-
намного лучше,— продолжал Долинский.— Конечно, у вас нет бедной большой семьи, есть образование, знание языков, красота, наконец. Но ведь и вы все время живете в страхе потерять работу. Я прав?

— Вы, конечно, правы, сеньор Долинский. А что мне делать?

«Действительно, что ей делать? Ей надо как-то жить, а ты кормишь ее дурацкими нравов-
учениями. Чем хвастаешь? Благополучием своей страны? Ей-то что до этого? Она живет здесь».

Лаура совсем успокоилась, не стесняясь, посмотрела в зеркальце, подмазала губы. Виногато улыбнулась.

— Лаура,— Долинский присел на диван,— ну, что вас мучает? Доверьтесь мне, я вас не подведу. Ведь любую ношу легко нести вдвоем.

Она долго молчала, потом тяжело вздохнула.

— Я вам верю, сеньор Долинский,— она сделала неопределенный жест.— Не знаю, почему, но верю,— она опять долго молчала, он не торопил ее.— У меня небогатые родители. Но хорошее образование они мне дали. Училась я в Ленинграде. Там все было по-другому. Люди другие, отношения другие и... любовь другая,— добавила она еле слышно.— Я там многому научилась, не только русскому языку. Мне даже начало казаться, что так повсюду живут. А потом... потом... потом я вернулась, и теперь мне кажется, что все это я видела во сне: в Ленинград, и институт, и... его. У нас трудно жить. Я полгода искала работу. У нас небогатая страна, но девушек красивых, знающих языки, стенографию, умеющих печатать на машинке, много. Трудно найти работу, а сеньор Лопес взял меня только на год — не знаю, что потом. Он был очень недоволен, когда узнал, что вы говорите по-английски, и велел мне не отходить от вас. Он не хочет, чтоб вы здесь дружили с кем-нибудь, чтоб виделись с семьей Солли. В общем, были в... изоляции.

— Спасибо за доверие, Лаура.— Долинского расстроил этот разговор.— Но сеньор Лопес напрасно волнуется — я ни с кем здесь дружить не собираюсь. Солли я тренирую к олимпиаде, об этом сказано в контракте, с семьей ее я уже познакомился и, если посчитаю нужным, продолжу это знакомство. Сеньор Лопес мне не

сможет помешать... Да и вы не беспокойтесь, я дам вам самую лучшую рекомендацию, попрошу, чтобы сеньор Лопес позаботился о вас, когда уеду. Не переживайте. Конфликтов не будет. Постараюсь без вас никуда не ходить, чтоб не заблудиться,— он улыбнулся.— А вы все аккуратно докладывайте сеньору Лопесу.

— Зачем вы так? — она смотрела на него с упреком.— Вы же знаете, мне некуда деваться. Я вам все сказала, почти все,— исправилась она.— Я теперь в ваших руках.

— Перестаньте, Лаура! Как вам не стыдно! Вы что же, мне не доверяете? Что почти все сказали, это хорошо, вам легче. А что не сказали — доскажете. Подожду. Я не любопытный.

Лаура успокоилась, под конец он даже развеселил ее, рассказав разные смешные истории, которых множество знает каждый, кто близок к спорту.

Она уехала в хорошем настроении. Долинский был рад, но, мысленно возвращаясь ко всему этому тягостному разговору, он потом не раз задумывался: а что все-таки она не досказала, что лежало за гранью этого «почти»?

Удивительно устроен человек! Оказывается, как те жучки или бабочки, у которых эдакие радары на макушке — все чувствуют, чего не видят. Неужели сердце или душа (которой нет) имеют тоже антенны? И вот на сердце тревожно, а душе (которой нет) спокойно. Почему его не покидает странное ощущение неясности? Что ему не

ясно? Вроде есть все элементы задачи, а ответа нет.

Долинский сел в качалку и стал перечитывать последнее письмо от Иры.

Писем он получал не так уж мало. Писали друзья, товарищи по работе, некоторые из учеников. Делились новостями, радовались удачам, сетовали на неудачи, спрашивали, как, мол, он там, интересно ли. Но особенно важны были для него письма Иры. Каждое письмо становилось праздником. Не частым. Вот это письмо за все минувшие месяцы было четвертым. Зато каким радостным!

«Я давно не писала, Андрей Андреевич, не была уверена, что смогу сообщить Вам приятные известия. Теперь могу. Я уже хожу! Профессор меня предупреждал, что результат операции скажется не сразу. Помните, я Вам писала, что пока заметного улучшения нет, но будет. Это я Вам писала, а сама не верила. Я даже ночью плакала. Но мне все помогали. Те девушки из физкультурного техникума, они такие веселые, заботливые. Они, как и раньше, дежурили у меня все сутки, даже спали по очереди в палате, а когда я переехала домой, мама поблагодарила их, сказала, что больше не надо. Но они настояли, я так ссорилась с мамой, мне даже стыдно. И теперь они ночуют дома в моей комнате, а мама говорит, что раньше у нее была одна дочь, а теперь много. Они такие веселые, мне с ними хорошо, я все забываю, смеюсь, мы даже поем иногда. И из школы приходят, я ведь учусь, только до-

ма. Пришли учителя, я сдала экзамены. Думала, они меня пожалеют, скидку сделают. Очень готовилась. И сдала хорошо. Они похвалили меня и сказали, что скидок не делали. Да я и сама это чувствовала. У меня, Андрей Андреевич, столько теперь друзей! Многих я раньше не знала — просто приходят ребята и девчата. Много получаю писем. Пишут из разных городов, даже одна девочка с Чукотки написала! Пишет, если нужно, я могу у нее жить и за дорогу, чтоб приехала, она заплатит, у нее есть деньги, летом заработала. Смешная! Наверное, это все мне прибавляет сил. Но главное, Андрей Андреевич, я все время о Вас думаю. Это ведь Вы меня научили ничего не бояться, никогда не унывать. Я очень скучаю без Вас. Но теперь я поставила себе твердую задачу: встретить Вас на аэродроме, когда Вы вернетесь. И профессор обещал. Я ему верю! Он замечательный! Вот я делюсь с Вами моей главной радостью: я хожу! Пока по комнате, но скоро выйду на улицу, я уверена...»

7

Договорный срок пребывания Долинского в стране уже давно перевалил за половину. Впрочем, по погоде он этого не ощущал. Погода здесь почти круглый год была одинаковой. По утрам через раскрытые окна в комнату врвался дурманящий запах экзотических растений, окружавших дом, оглушительное пение птиц. Океан был все так же прекрасен,

солнце все таким же ослепительным. Благодатный край, где людям надлежало быть счастливыми.

Теперь у Долинского осталась одна ученица — Соледад. От Розы он отказался сам — однажды он застал ее с сигаретой, да и прогресса в занятиях не намечалось.

А Мари, понаблюдав несколько раз за ее тренировками, «убрал», как он выразился, сам Лопес.

— Вы знаете, сеньор Долинский,— сказал он однажды,— не стоит вам зря тратить время. Все же у нее не хватает смелости, да и реакция, мне кажется, замедленна. В национальных соревнованиях, думаю, у нее есть шансы на медаль, а в олимпийской команде ей вряд ли найдется место. Так что сосредоточьтесь на Солли, тем более что и тут я выражаю восхищение вашей работой, она очень выросла, просто восхитительна! Требуйте награды!

— Сеньор Лопес,— сказал Долинский,— вы должны мне обещать одну вещь: пожалуйста, не лишайте Мари вашей заботы, ну, там стипендии, работы для отца... Вот это будет мне наградой.

— Сеньор Долинский,— торжественно произнес Лопес,— все, что Мари имела при вас, останется при ней. А вот за Солли большое вам спасибо.

— Я делаю свое дело,— нахмурился Долинский, комплименты его смущали.— Но, скажу вам откровенно, работать с Солли — сплошное удовольствие. Она поразительно способная и, мне кажется, ее ждет

большое олимпийское будущее. Тем более что, учитывая ее возраст, она может поспеть на две олимпиады.

— Да, да, вы правы...

— Если, конечно, сеньор Лопес — владелец аттракционов не уведет ее в профессионалы от сеньора Лопеса — президента федерации плавания.

— А вы, оказывается, ядовитый,— расхохотался Лопес,— не беспокойтесь, после олимпиады она в профессионалы не уйдет...— Он загадочно усмехнулся, и на том разговор закончился.

Вновь в бассейне появилась Кончита. Долинский заметил, что она стала хуже прыгать. Появилась какая-то медлительность, стерлась четкость движений. Впрочем, такое мог заметить лишь опытный глаз. Каждый ее прыжок по-прежнему вызывал восхищение аудитории бездельников, нежившихся у бассейна.

А вот Солли, действительно, как выражаются спортсмены, прогрессировала. В умелых руках мастера-ювелира Долинского бриллиант начинал сверкать все новыми гранями. Вот так красиво (видимо, заранее подготовившись) оценила его работу Лаура.

Действительно, Соледад выпрыгивала теперь на шесть-десять пять сантиметров! Она отлично выполняла труднейший прыжок: три оборота вперед с думя винтами, уж не говоря о прыжке Ауэрбаха.

Прыгала она поразительно уверенно и смело.

Но, как ни странно, чем совершенней становились прыжки Солли, чем очевидней, что

Долинский достиг с ней вершин, тем Лаура делалась печальней. В ней появилась какая-то нервозность, неудовлетворенность. Чем?

Сеньор Лопес, наоборот, был в восторге. Он не уставал делать Долинскому комплименты, сожалел, что время контракта истекает. Делал даже туманные намеки на возможность его продления. И лишь поняв, что Долинский не согласится, замолчал.

За все это время у Долинского произошла лишь одна размолвка с Лопесом. По поводу чемпионата страны. Долинский не сомневался, что победит его ученица. Каково же было его удивление, когда сеньор Лопес категорически отказался ввести ее в список участников.

— Нет, сеньор Долинский, прошу вас, не настаивайте,— упрямо мотал он головой,— нет, нет. Для Соледад первенство страны пустяковое соревнование по сравнению с тем, к чему вы так ее замечательно готовите. Это только отвлечет ее. Она будет нервничать. К тому же там будут тренеры из других стран, зачем им заранее показывать, с какой конкуренткой они встретятся на Играх? Нет, нет. Пусть готовится.

Сколько ни убеждал его Долинский в необходимости приобретения соревновательного опыта, «обкатки», наконец, проверки на деле всего достигнутого, ничего не помогло. Сеньор Лопес стоял на своем. «Почему такое упрямство, ведь он же разбирается в деле и понимает, что я прав?» В конце концов, когда чемпионкой

страны стала Кончита (второе место заняла Мари), Долинский решил, что разгадал секрет: просто сеньор Лопес хотел обеспечить золотую медаль своей дочери. Не очень благородное, но вполне понятное желание.

Однажды поздно вечером, вернувшись из кино (единственное развлечение, которое изредка позволял себе Долинский), он вдруг увидел отца Солли, нерешительно выглядевшего из-за кустов возле дома. Долинский подошел к нему, пожал руку, похлопал по плечу, улыбнулся. Он был искренне рад встрече. И все же у него защемило сердце. Он понял, что «старик» здесь не случайно, но как ни старался Долинский затащить его в дом, стец Солли лишь испуганно мотал головой, что-то говорил, показывал на часы Долинского.

Он горестно цокал языком, без конца повторял имя дочери, пытался что-то изобразить руками — прыжок, наверное?

В конце концов он печально посмотрел на Долинского. В его глазах застыла отчаянная просьба. О чем?

Отец Солли ушел, а Долинский в ту ночь долго не мог заснуть. Что все это значило, что произошло, о чем хотел поведать ему «старик»? Он твердо решил ничего не говорить Лауре, а в ближайшие дни поехать к Солли домой и дожидаться ее отца, приди тот хоть за полночь.

Наутро тренировка прошла, как намечалось. Он пылливо вглядывался в свою ученицу. Да нет, все нормально.

Быть может, была в то утро Солли чуть бледней обычного, чуть печальней, чуть молчаливей. А быть может, все это ему лишь показалось после вчерашней встречи с ее отцом...

Через два дня, когда они ехали с Лаурой в город, Долинский заметил в зеркале заднего вида машину, неотступно следовавшую за ними. Долинский достаточно начитался детективных романов и насмотрелся фильмов, чтобы найти способ проверить свои наблюдения. Он сворачивал на боковые дороги, ускорял или замедлял движение — таинственный автомобиль не отставал ни на шаг. Лаура, увлеченная беседой, ничего не замечала.

Таинственного сыщика Долинский разгадал довольно быстро. Как ни неопытен был он в роли ускользающего отследки, преследователь оказался еще неопытней. Уж если Мунис хотел оставаться незамеченным, ему не мешало бы убирать с антенны своего такси беличий хвост, развевавшийся на ветру. Такие меховые хвосты, вымпелы, какие-то тряпочки красовались в этой стране на антеннах многих машин.

Долинский не понимал странные действия Муниса. Почему он просто не подходит к нему — они ведь знакомы? Но он тут же догадался, что Мунис хочет видеть его одного. Утром Долинский выехал в одиночку. Не успел он отъехать и километра от ворот клуба, как такси с беличьим хвостом на антенне обогнало его и, проехав метров двести, остановилось на обочине. Долинский притормозил. Мунис выскочил

из машины, сильно замахал руками.

Он был очень возбужден, глаза блестели.

— Сеньор тренер, мне надо с вами поговорить! Это очень важно! Очень!

— Успокойтесь, Мунис. Не здесь же нам разговаривать. Давайте доедем до города и там где-нибудь посидим, поговорим.

— Нет, сеньор, давайте поедем в другую сторону, туда, — он указал рукой, — на берег. Там есть место, которое я хочу вам показать. Пожалуйста, поедем! Это важно для Солли. От этого зависит все! Ее жизнь!

— Ну хорошо, хорошо, — волнение парня начало передаваться Долинскому. — Поезжайте вперед, я — за вами.

Мунис быстро вскочил в свое такси, развернулся и помчался в направлении, противоположном городу. Долинский с трудом поспевал за ним.

Они ехали недолго. Вдоль столбы пыли, такси свернуло на боковую дорогу к океану. Долинский ехал, закрыв все окна, лишь туманно различая путь в обволакивающей его машину пыли.

Наконец Мунис остановился на песчаной площадке, окруженной невысокими коренастыми пальмами. Площадка обрывалась у края скалы. Внизу, на дне головокругительной пропасти, ревел океан. Зеленые буруны налетали на подножие скалы, разлетались многометровыми фонтанами пенистых брызг и, просверкав в лучах солнца ослепительными красками, таяли в воздухе. Вол-

на откатывалась на несколько секунд, обнажая скалистое неровное дно, и вновь с ревом набегала на берег.

Вдали блестел, перекатывая свои сине-зеленые волны, океан, величественный, сонный, равнодушный.

Долинский невольно залюбовался пейзажем, но тут же повернулся к Мунису — не на туристскую же прогулку привез он его сюда.

Однако Мунис не обращал на него никакого внимания. Словно загипнотизированный смотрел он в пропасть широко раскрытыми глазами. Лицо его выражало отчаяние. Долинский испугался: «Что произошло, черт возьми, уж не случилось ли что-нибудь с Солли? И не собирается ли Мунис покончить с собой?» Он схватил юношу за плечо и оттащил от края скалы.

— В чем дело, Мунис? За чем вы привели меня сюда? Что вы хотели мне сказать? Ну! Возьмите себя в руки.

Мунис вытер потный лоб рукавом. Он словно очнулся и смотрел на Долинского тоскливым взглядом.

— Выслушайте меня, сеньор тренер. И верьте мне. Пока было возможно, я молчал. Я не знал. Они мне не все говорили. Но теперь я знаю! Я все знаю! Через месяц вы уезжаете. Вам все равно. Но сейчас вы можете еще что-то сделать! Вы должны!..

— Послушай, Мунис,— Долинский нарочно говорил очень тихо и спокойно,— если ты будешь так волноваться, ты забудешь о главном. Возьми себя в руки и медленно, без

истерики расскажи мне, в чем дело. Я пойму. И тогда, если в моих силах, помогу. Вы, что, поссорились с Солли?

— О нет! С Солли мы не можем поссориться. Дело не в этом. Скажите, сеньор тренер, зачем вы тренируете Солли? — задал он неожиданный вопрос.

— То есть как зачем! — Долинский растерялся.— Чтобы подготовить ее к олимпийским играм, чтобы она боролась там за золотую медаль. И завоевала ее! Ты же все это знаешь.

— Это так у вас записано в контракте? У вас ведь есть контракт?

— Ну, может, и не совсем так записано,— продолжая недоумевать, ответил Долинский,— может быть, насчет медали там ничего не сказано. Но смысл тот, который я тебе объяснил. Да в чем дело, черт возьми?

— Я так и знал, что он вас обманул,— устало проговорил Мунис.— Он не мог сказать вам правды, вы бы не согласились. Он не собирается сделать из Солли олимпийскую чемпионку, надеясь, что ею станет его дочь. А Солли он и не подумает включать в команду...

— Не понимаю...— только и мог вымолвить Долинский.

— Вы готовили ее не для выступления на олимпиаде,— с горечью сказал Мунис,— а для нового сенсационного аттракциона, который задумал сеньор Лопес, будь он проклят! Вот для чего!

— Возможно,— слабо возразил Долинский,— Лаура что-то говорила. Да и я как-то намекнул Лопесу, но, как понял, это после олимпиады, а не до.

— Нет, именно до, сейчас, скоро, через месяц-два, вы тогда уже уедете!

— Не может быть! — Долинский задыхался от возмущения.— Но зачем? Ведь даже если рассуждать как Лопес, цена олимпийской чемпионки в любом аттракционе выше. Он же хороший бизнесмен!

— Но вы плохой бизнесмен, сеньор тренер! До олимпиады ждать и ждать. И вдруг не выиграет? А аттракцион за эти годы принесет тысячи и тысячи. Нет, он не будет ждать.

«Невероятно,— с горечью размышлял Долинский,— даже этот мальчик разбирается в товарной цене на людей больше меня. Но что он так переживает? Или Солли заставят выступать в каком-нибудь бесстыдном виде?»

— Вы не спрашиваете, какой аттракцион, сеньор тренер? Вас это не интересует? Это ужасный аттракцион! Подойдите сюда!

Долинский машинально последовал за Мунисом на край скалы.

— Она будет прыгать отсюда...

Мунис произнес эти слова ровным тихим голосом, и, наверное, поэтому их страшный смысл не сразу дошел до Долинского.

— Отсюда, сеньор тренер, отсюда. С шестидесяти метров! — также спокойно, тоном экскурсовода, продолжал Мунис.— Это еще выше, чем в Акапулько. Но там прыгают мужчины. А здесь впервые — девушка. Это тоже будет сенсацией. Люди будут платить много больше, очень много.

Взгляните, сеньор тренер, вон туда, левой, да, да, вы видите эту площадку? Вон, где строят ряды. Там будет трибуна, рестораны, бар. Оттуда будут смотреть. А она, она будет прыгать отсюда...— голос Муниса задрожал.

Долинский стоял потрясенный.

«Значит, вот в чем дело, вот смысл всей этой гнусной игры. Что ж, все правильно. Сеньор Лопес, действительно, хороший бизнесмен. Только при чем тут спорт? Хотя для таких, как Лопес, спорт лишь источник наживы, товар. И разве Лопес один? Уж если для устроитель Лос-Анджелесской олимпиады главным были коммерческие доходы, а вовсе не спортивные соревнования, то что же требовать от Лопеса, коммерсанта и деляги! Ну а он, Долинский, втянутый, как слепой котенок, в эту бесчестную махинацию? Он, что, ничего не видел, не понимал? Не понимал! А почему он должен был понимать? Он привык смотреть на спорт как на источник радости, счастья, здоровья, как на светлый праздник. Откуда ему, хоть и убеленному сединами, познавшему трагедию войны, видевшему немало жестокого и страшного, догадаться, что с его помощью готовят убийство? Потому что это не аттракцион задумал сеньор президенте, меценат и покровитель спорта, а хладнокровное убийство. С подобной высоты в эти буруны даже такая великолепно тренированная, такая замечательная спортсменка, как Солли, может быть, и прыгнет, совершив чудо, один раз, два,

три, но десять — никогда! В какой-то момент возникнет маленькая, крохотная, непредвиденная случайность. И тогда произойдет катастрофа. Что же делать? Как предотвратить?..»

Мысли стремительно пронеслись в голове Долинского...

Наконец он взял себя в руки.

«Значит, так: во-первых, выяснить все подробно. У Лауры — она знает! Во-вторых, поговорить с Лопесом, это вряд ли что-нибудь даст, но кто знает? Пригрозить разоблачением, скандалом, а может, в нем все-таки осталось хоть что-то человеческое. Пусть аттракцион, черт с ним, пусть какие-нибудь особенные прыжки, но в бассейне, с вышки, не со скалы же высотой с двадцатизэтажный дом! В-третьих, немедленно побывать у родителей Солли, пусть ни за что не подписывают контракта! Что еще? Надо посоветоваться с Мунисом, может, он что-нибудь придумает...»

— Поехали, Мунис, — теперь Долинский действовал решительно и энергично.

— Куда, сеньор тренер? — Он приободрился.

— Ты поедешь к Солли и будешь там ждать меня, пока я не приеду, хоть всю ночь. Я должен поговорить с ее отцом.

Мунис вскочил в свое такси и, как всегда, на бешеной скорости помчался по дороге. Только беличий хвост воинственно развевался на рассекавшей столбы пыли антенне.

А Долинский поехал домой. Как всегда, перед обедом Лаура заедет за ним, чтобы вместе

отправиться в клубный ресторан.

Действительно, не успел он зайти в дом, как послышался шум мотора и призывный звук клаксона.

Долинский вышел, приветливо помахал Лауре и залез в «джип». Они доехали, как обычно, до клуба, пообедали, и, как обычно, Лаура отвезла его домой.

— Зайдемте ко мне, Лаура, — предложил Долинский, — мне нужно с вами посоветоваться.

Он тщательно продумал предстоящий разговор.

Лаура была в прекрасном настроении. За обедом Долинский сообщил ей, что ожидается приезд советского тренера по борьбе и он попросил сеньора Лопеса устроить переводчицей к нему Лауру, на что тот обещал поговорить со своим другом, президентом национальной федерации.

— Так о чем же вы хотели посоветоваться со мной? — спросила Лаура.

— Видите ли, — подчеркнул Долинский, — будничным тоном заговорил Долинский, — мне только что стало известно то, что давно известно вам, а именно: сеньор Лопес намерен заключить с Соледад или ее родителями, уж не знаю, как здесь принято, контракт. Контракт на выступление в своем новом аттракционе — прыжке с шестидесятиметровой скалы. Вы прекрасно понимаете, что это убийство, только обставленное с расчетом, чтобы убийца не понес никакой ответственности. К сожалению, из окружавших меня здесь людей нашелся лишь

один честный — сообщивший мне об этом. Всех остальных я считаю вольными или невольными сообщниками Лопеса.

По мере того как Долинский говорил — спокойно, негромко, внимательно глядя на Лауру, она сначала краснела, потом бледнела, нервно теревала в руках шейную косынку.

Когда Долинский замолчал, Лаура попыталась что-то сказать, но не смогла произнести ни слова.

— Так вот, — как ни в чем не бывало продолжал Долинский, — я соучастником убийства становиться не намерен. Наоборот, я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы его предотвратить. Хочу услышать совет: что я, по-вашему, должен и могу сделать?

Он встал, не спеша прошел к раскрытому окну, долго стоял, повернувшись к ней спиной и глядя на роскошные цветы и пальмы за окном, на песчаную дорожку, уходившую в глубины парка...

Наконец он повернулся. Лаура сидела, закрыв лицо руками, плечи ее вздрагивали.

— Вы очень часто плачете, Лаура, от этого портится цвет лица, — все так же спокойно заговорил Долинский. — Боюсь, что у вас еще будет время поплакать.

— Мне нечего сказать, сеньор Долинский, — глухо произнесла Лаура, не поднимая головы.

— Вы ведь обо всем знали с самого начала?

— Нет! Клянусь вам, нет! Я узнала позже, когда сеньор Лопес приказал мне обере-

гать... ну, охранять... вас от всех, кто бы мог сказать. Мне это казалось неважным... Ведь Соледад — прыгунья в воду. Я думала, если она такая хорошая спортсменка, ей все равно, какая высота.

— Лаура, вы неплохо водите машину и быстро, — сказал Долинский, в голосе его звучала ирония. — А если вам предложат участвовать в гонках, где скорость под триста километров, это вас не смутит?

— Да, да, я понимаю... теперь, но тогда я не думала. Сеньор Лопес объяснил, что от вас надо скрывать, вы — советский тренер, а советский тренер не будет работать с профессионалом. Он предупредил — если вы узнаете, он прогонит меня. Теперь мне все равно... — закончила она тихо.

— Но мне не все равно, — резко произнес Долинский, — вы рискуете работой, а Солли — жизнью. Есть разница, хорошо бы вам это понять, черт возьми!

— Я все сделаю... — бормотала Лаура, — только сеньор Лопес...

— Ничего вы не сделаете, — раздраженно сказал Долинский. — И не можете, и не хотите. Буду делать я! В отношении вас договоренность остается в силе. Жаль мне вас, Лаура. До свидания, из меня дела.

Он вышел из дому и поехал в город, к Солли.

Девушка сидела за столом вдвоем с Мунисом. У них, наверное, был бурный разговор. Оба раскраснелись, на глазах Солли блестели слезы. Когда Долинский вошел, оба вскочили.

— Сеньор тренер, уговори-те ее,— вскричал Мунис,— она не слушает меня, она ничего не понимает!

— Это он не понимает! — глаза Солли сверкали.— Он глупый, я никогда не выйду за него замуж!

— Скажи, Солли,— Долинский усадил девушку на скамью, сел рядом, заглянул ей в глаза,— это правда, ты согласи-на прыгать с такой высокой скалы? Не боишься?

— Вы же сами, сеньор тренер, приучили меня ничего не бояться,— Солли не опускала глаз.— Я думала... наверное, смогу. Там долго лететь. Я смогу сделать все элементы, кото-рым вы меня научили.— Она помолчала и, потупившись, прошептала: — Нет, я сказала неправду, я боюсь...

— Солли,— Долинский стар-ался говорить спокойно и до-верительно.— Тебе нельзя под-писывать этот контракт. Такой прыжок опасен. Очень опасен. И потом, если подпишешь, ты не сможешь участвовать в Иг-рах, а там ты наверняка ста-нешь чемпионкой. Ты понима-ешь меня?

— Но сеньор президенте сказал, чтобы я подписала...

— Ты еще мала, ты не име-ешь права подписывать...

— Имеет,— угрюмо произ-нес Мунис,— ей ведь позавче-ра исполнилось шестнадцать, у нас такие контракты можно за-ключать с шестнадцати лет. По-тому сеньор Лопес, будь он проклят, и заторопился сейчас. Не хочет терять ни минуты. А до этого молчал. Он все рас-считал...

— Погоди, Мунис,— Долин-ский остановил его жестом ру-ки.— Она сама поймет. Сол-ли,— повернулся он к ней,— сеньор Лопес не может заста-вить тебя подписать...

— Отец тоже не хотел, но сеньор президенте сказал, что он прогонит его с работы. А на что мы будем жить?

— Я же говорю, что помогу тебе! — загорячился Мунис.— Найду денег. Мои товарищи по-могут! Я вступлю в профсо-юз — там все друг другу помо-гают.

— Не говори глупостей,— неожиданно нравоучительно заговорила Солли,— если всту-пишь в профсоюз, тебя выго-нит хозяин и останешься без копейки. Сеньор тренер,— об-ратилась она к Долинскому,— сеньор президенте...

— Я его убью! — закричал Мунис.

Но Солли только небрежно отмахнулась от него рукой и продолжала:

— Сеньор президенте ска-зал, что я буду получать очень много денег, папа сможет от-дыхать дома, сестры — учить-ся. Мы купим новый дом. И ему,— она посмотрела на Муниса влюбленным взгля-дом — куплю такси, тогда он станет сам хозяином...

— Не нужно мне твоего такси! Я хочу, чтоб ты жила! — опять закричал Мунис.

— Погоди, Мунис,— сказал Долинский,— оставь нас, пожа-луйста, вдвоем.— И дождав-шись, пока юноша нехотя вы-шел, снова обратился к Сол-ли: — Все это хорошо, но ведь риск прыжка смертельный, пойми. Ты мне веришь, Солли?

Не только как твоему другу, но и как специалисту?

— Зачем бы спрашиваете, сеньор тренер?

— Так вот, я говорю тебе, Солли, что это смертельный риск. Да, я учил тебя быть смелой. Но разве я учил тебя быть сумасшедшей? Пойми, если даже один или два раза тебе удастся такой прыжок, любой следующий может быть последним.

— Так что ж мне делать? — растерянно спросила Солли.— Сеньор президенте сказал, что, если я не подпишу контракта, он прогонит отца, а меня всего лишит, дисквалифицирует, делает так, что никто из нашей семьи не найдет работы.

— Солли, если б даже это было правдой, это все же лучше, чем смерть. И потом он пугает тебя. Есть же ваш Национальный олимпийский комитет, который не захочет потерять такую замечательную спортсменку, есть другие клубы, есть же, наконец, прогрессивные силы в вашей стране, те же профсоюзы, общественность, газеты! Солли, подумай.

— Я не знаю, что делать,— девушка готова была расплакаться.— А вы не смогли бы поговорить с сеньором президенте? Он так уважает вас.

— Хорошо, — Долинский встал,— сегодня же поговорю, но до этого ничего не подписывай! Поняла?

Солли не успела ответить — в комнату вошел ее отец, сопровождаемый Мунисом. Он благодарно смотрел на Долинского.

— Солли, оставь нас,— ска-

зал Долинский,— ты, Мунис, переводи.

Когда они остались вдвоем, Долинский набросился на «старика».

— Как вы могли допустить самую мысль об этом контракте! Вам, что, не дорога жизнь вашей дочери!..

Терпеливо выслушав Долинского, он ответил:

— У меня четыре дочери, сеньор тренер, мне надо всех их вырастить. Если сеньор президенте осуществит свою угрозу, мы все умрем с голоду. А он это сделает. Как быть? В нашем городе ведь можно умереть от голода на центральной площади. Вы не верите, сеньор тренер? Спросите Муниса.

— Да, да,— подтвердил юноша,— такое уже бывало...

— Сеньор тренер,— и Долинского поразила безысходная тоска, какая-то трагическая покорность судьбе, прозвучавшая в голосе «старика»,— вы издалека, я в этом не разбираюсь, но слышал, что в вашей стране этого нет. Может быть... Но здесь все решают богатые господа. Сеньор президенте может сделать все, что захочет. Нам, беднякам, с ним не тягаться. Он раздавит нас, если захочет, и никто ему не помешает.

— Но надо действовать, нельзя, поймите, нельзя подписывать этот контракт!

— А что делать? Я тоже, когда сеньор президенте сказал мне, спорил, не соглашался, побежал к вам, помните, а потом понял — ничего сделать нельзя.

— Но спорт не для этого

существует! — в ярости вскричал Долинский.

Отец Солли горько усмехнулся.

— Спорт не для нас, сеньор тренер, он — для таких, как сеньора Кончита, а не для таких, как Солли. Она — товар. Ее можно продать, купить, на ней можно заработать...

— Но даже товар нельзя уничтожать! — воскликнул Долинский.

— Можно,— тихо сказал «старик»,— можно, тем более если товар — люди.

Погворив еще немного со «стариком», Долинский понял, что с этой стороны помощи ему ждать не приходится. Отец Соледад был абсолютно раздавлен. Оставалось одно — ехать к Лопесу.

Когда на следующее утро он появился в приемной президента клуба, секретарша широко раскрыла глаза — такое произошло впервые. Она тут же доложила о приходе советского тренера, и сеньор Лопес немедленно принял его.

Взглянув на Лопеса, Долинский сразу понял, что тот знает, зачем он пришел, и подготовился к разговору. Поэтому он не стал терять времени на предисловия.

— Я думаю, сеньор Лопес, что вы догадываетесь о цели моего прихода?

— Догадываюсь,— ответил тот.

Долинский не узнавал сидевшего перед ним человека. Он привык видеть президента клуба приветливым, веселым, остроумным собеседником. Сейчас он разговаривал с врагом. Сеньор Лопес смотрел на

него холодным настороженным взглядом, лицо его выражало высокомерие, словно он хотел сказать: «Уж не собираетесь ли вы оспаривать мои решения? Если так, я вам не завидую!..» Долинский с трудом сдерживал нараставший гнев.

— Вы обманули меня, сеньор Лопес. По контракту я обязан был готовить высококлассную спортсменку, а не самоубийцу.

— По контракту, сеньор Долинский, вы обязаны были готовить высококлассную спортсменку. Вы ее и готовили. У меня к вам нет претензий.

— Зато у меня к вам есть. Вы все время говорили, что Соледад должна стать олимпийской чемпионкой. А теперь хотите, чтобы она выступала в смертельном аттракционе. Уж вы-то понимаете, что этот аттракцион смертельный?

— Сеньор Долинский, я не вмешиваюсь в вашу работу тренера. Зачем вы вмешиваетесь в мою работу бизнесмена? Вы ее все равно не поймете. Так что, давайте каждый заниматься своим делом: вы продолжайте тренировать Соледад, а я уж сам решу, как лучше использовать ее способности, которые вы так блестяще сумели развить. Ничего с ней не случится, и как раз благодаря тому, что вы сделали из нее такую великолепную прыгунью. Обещаю дать вам отличную характеристику как тренеру!

— К сожалению, сеньор Лопес,— по-прежнему стараясь сдержаться, сказал Долинский,— не могу вам дать такую же как человеку. Я, конечно, и

дальше буду заниматься с Солли, таков мой контракт, но, как тренер, я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедить ее не подписывать ваш контракт, а лучше — уйти от вас. Потому что это входит в мои обязанности как руководителя учебного процесса. Я считаю своим долгом воспитывать моих учеников честными, разумными, истинными спортсменами. И по возможности открывать им глаза на подлость.

Сеньор Лопес поморщился.

— К чему эти громкие слова! Вы-то не девочка, а опытный человек. «Уйти от вас»! Да куда она уйдет? Сеньор Долинский, вы предлагаете Солли благородный, чистый, подлинный спорт (здесь, наедине, могу это признать) вместе с голодом, нищетой, по существу с гибелью ее семьи. А я — смертельный риск, согласен, но зато какие деньги, какие возможности. Кто из людей ее сословия имеет это в нашей стране! Да и, вообще, в мире...

— Капиталистическом мире! — перебил Долинский.

— Да бросьте! Ну пусть в капиталистическом, но мы-то — и я и Соледад в нем живем. В этом мире сотни выдающихся спортсменов стали профессионалами и ради денег... Да и выбора у Солли нет. Я привык настаивать на своих решениях, — теперь он снова говорил холодно и сухо. — Если нужно, я передам Солли другому тренеру. Вы свое дело сделали. Спасибо.

— Я могу выступить в газете и рассказать о ваших чудовищных намерениях!

— Я сумею договориться с редакторами, они, между прочим, немало получают от меня за рекламные объявления.

— Не со всеми. У вас, к счастью, есть в стране честные газеты.

— Кто их читает...

— Как раз честные люди. Есть и другие формы обращения к народу — общественные организации, молодежные...

Этот диалог походил на нарастающую перестрелку.

Под конец сеньор Лопес сменил тактику.

— Послушайте, сеньор Долинский, ну какое вам до всего этого дело? Вы скоро уедете. Я пошлю вам вслед самые хвалебные отзывы в ваш спортивный комитет, расхвалю вас во всех газетах, и не только моей страны. Между прочим, я могу вам устроить великолепные контракты в Соединенных Штатах, в Канаде. Хотите? Да, кстати, наша национальная федерация, вынесла решение о выплате вам дополнительно большой премии...

— Вынесла?

— Ну, вынесет, какая разница! У вас, что, дома мало работы, оставьте вы Соледад в покое. Поверьте, она не первая и не последняя. Да она до смерти рада моему предложению. И отце ее...

— Именно до смерти. У нее есть друг...

— Сеньор Долинский, — Лопес укоризненно покачал головой, — это же мальчишка. Я куплю его за подержанный мотоцикл или в две минуты скручу в бараний рог. Что для него Соледад, кругом столько девочек...

— Сеньор Лопес,— Долинский встал,— мы с вами не договоримся. Мы живем в разных измерениях. Я, конечно, хуже знаю вашу страну, чем вы, и, как вы понимаете, не собираюсь нарушать ее законов и пунктов нашего контракта. Но даю вам слово, что сделаю все, зависящее от меня, чтобы предотвратить преступление. Так велит мне долг учителя, спортсмена, да просто порядочного человека. Советского человека,— добавил он, направляясь к двери.

— Одумайтесь... — было последнее, что он услышал, выходя.

8

Последние дни пребывания в стране были наполнены для Долинского лихорадочной деятельностью. Он был человеком, по характеру бесконечно далеким от интриг. Но он был советским человеком, прошел войну, сто раз рисковал жизнью, знал, что значит бороться за справедливость, против подлости. Наконец, он просто не мог бы оставить человека в беде, любого, тем более шестнадцатилетнюю дезочку, почти ребенка. И уж что совсем выводило его из себя, так это гнусные методы шантажа, угроз, которые использовал могучий сеньор Лопес против беззащитной Солли.

Свою борьбу Долинский начал с довольно наивного поступка: дал интервью популярной спортивной газете. К нему обращались уже не раз заинтересованные опубликовать на своих страницах столь автори-

тетного в мире спорта автора. И он выступил с парой статей по методике и технике тренировок. Теперь же он сам пригласил корреспондента и дал большое интервью. Советский тренер говорил о том, как много в этой стране талантливых юных прыгуний в воду, всюю расхваливал Соледад, предсказывал ей большие успехи на олимпийских играх. Под конец он высказывал опасение, не попытается ли какой-нибудь бессовестный делец сманить ее в профессионалы, и (хитрость, которую он придумал) выражал надежду, что столь авторитетный спортивный деятель, каким является сеньор Лопес, не позволит этому случиться.

Внешне ничего не изменилось. Каждое утро он по-прежнему проводил тренировку с Солли, вел с ней беседы, уговаривая ее не подписывать контракта. И каждый раз огорчался, наталкиваясь на нежелание Солли говорить на эту тему. Она лишь, упрямо потупившись, молчала. Долинский понимал, что Лопес оказывает на нее сильное давление. Он еще два раза побывал у нее дома, но эти посещения расстроили его еще больше: отец Солли окончательно сдался, он на все махнул рукой, покорился судьбе, считая всякую борьбу безнадёжной.

Лишь Мунис активно помогал Долинскому. Он привлекал своих товарищей, которые рассказывали о чудовищных планах сеньора президенте, даже ходили по домам, собирая подписи под протестом. Но кто согласится протестовать против того, чего нет? Ведь официаль-

но о новом аттракционе нигде не говорилось.

Долинскому удалось дать еще одно интервью в рабочей газете. Корреспондент спросил, какого он мнения о широко известном аттракционе в мексиканском городе Акапулько.

Долинский очень резко осудил подобное безумство. И подчеркнул, что этого нельзя допускать даже тогда, когда прыгуны готовятся долгие годы, когда это сильные, великолепно подготовленные атлеты. И заявил, что если кому-нибудь пришла бы в голову мысль вовлечь в подобное предприятие, скажем, женщин, то это равнялось бы убийству.

Что он мог сделать еще?

Сеньор Лопес, разумеется, не сидел сложа руки. В крупнейших газетах появились статьи, очерки, заметки, интервью, общее содержание которых можно было бы свести к следующему: аттракцион в Акапулько отнюдь не страшен: доказательство — никто еще не погиб, прыгать с большой высоты женщины могут не хуже мужчин; доказательство — их участие во многих видах спорта, традиционно считавшихся мужскими. Талантливых прыгуний в воду в стране много, те же Кончита, Мари, Роза (последние две подготовлены советским тренером), а вот уникальных мастеров, как Соледад, могущих выступать в цирке или аттракционе, единицы. Все это, разумеется, подавалось искусно, рассеивалось во времени и пространстве, сдобривалось сообщениями о баснословных суммах, славе и

роскошной жизни звезд эстрады, цирка и шоу, в том числе водных.

То была неравная борьба.

За спиной сеньора Лопеса стояли деньги, связи, пресса, спортивная федерация и многое другое. У Долинского лишь одно — правота дела, за которое он боролся.

Они регулярно встречались с Мунисом.

— Сеньор тренер,— сообщил ему тот во время очередной встречи,— это «ящичный контракт»! Вы понимаете! — он был в отчаянии.

Долинский знал, что означает этот термин. Такой контракт заключали с юными спортсменами или их родителями импрессарио, президенты клубов, организаторы различных шоу. Будущая звезда ставила свою подпись, а импрессарио — нет, но забирал контракт и клал в ящик стола. Если звезда себя не оправдывала, контракт оставался без второй подписи, силы не имея и никаких прав этой звезде не давая. Если же надежды оправдывались, импрессарио ставил свою подпись и закабалял спортсмена или артиста, хотя к тому времени тот «стоил» значительно больше, чем было проставлено в контракте. Сделать он ничего не мог — ведь его-то подпись уже там стояла.

— Сеньор тренер,— горевал Мунис,— Солли больше не может сопротивляться. Сеньор президенте, будь он проклят, дал ей последний срок. Он пугает ее, на них давят со всех сторон — молочник и булочник отказали в кредите, управляющий виллы сказал ее отцу,

что после первого числа он прикинет, нужен ли ему садовник или нет. Если б не вы, она дажно бы подписала. И еще я — я каждый день с ней говорю. Она меня любит. Я ее тоже,— добавил он после паузы.

Долинский находился в чужой стране, у него были связанны руки. Не мог же он открыто выступить с обвинениями в адрес Лопеса, тем более что официальных доказательств у него не было!

Он встречался с друзьями Муниса, давал им советы, ребята действовали как могли. Но много ли они могли?

Долинский сделал еще одну попытку поговорить с Солли. После очередной тренировки он посадил ее в свою машину и повез на тот страшный обрыв.

— Ты была здесь? — спросил он у девушки.

— Да,— ответила она тихо, взгляд ее был устремлен в пропасть,— меня привозил сюда сеньор президенте.— Она подошла к самому краю обрыва.— Я не боюсь, сеньор тренер,— и добавила почти шепотом: — Мне все равно.

— Что «все равно»! — кричал Долинский,— что «все равно»! Ты, что, не понимаешь? Это же самоубийство! Это безумие! Солли, прошу тебя, подумай. Не может быть, чтобы тебе не помогли, брось ты этого Лопеса, ну, уезжай куда-нибудь. Если он закроет тебе дорогу в спорт, черт с ним, в конце концов. Жизнь дороже. Ты еще молода. Пройдет время, и ты снова будешь прыгать. Не вечен же твой сеньор

президенте, наконец! Придумаем что-нибудь...

— Нет, сеньор тренер, мы ничего не придумаем,— в ее голосе была недетская тоска,— вы уедете, и у меня никого не останется...

— У тебя есть отец, мать, Мунис...

— Вы же знаете, сеньор тренер, отец, мать — что они могут сделать. Вот только Мунис. Я его люблю.

— Знаю, знаю,— раздраженно вырвалось у Долинского,— он тебя любит, ты его любишь, а дальше что?

— Ничего,— пожалала плечами Солли.

— Солли,— решился на последний аргумент Долинский,— я скоро уезжаю. Не соглашайся до моего отъезда. Здесь я не могу этого сделать, но, вернувшись домой, я подниму кампанию в прессе, не только советской. И других стран. Напишу в Международный олимпийский комитет, в Международную федерацию плавания, если нужно, обращусь с открытым письмом к вашему правительству, меня поддержат! Ну?

— Я постараюсь, сеньор тренер. Спасибо.

Она не отрывала глаз от грохочущего внизу океана. Пенные валуны все налетали и налетали. В какой-то момент Долинскому показалось, что там, на страшной глубине, танцуют, гримасничают, хохочут, скалят пасти сонмы чудовищ, злых демонов, предвкушающих жертву...

Он отвез Солли домой и поехал к себе.

Его ждала Лаура. За последние дни она очень измени-

лась, побледнела, осунулась, глаза потускнели. Они реже виделись. Долинский ездил больше без нее. Она порой рассказывала ему о замыслах Лопеса, хоть как-то старалась помочь. Но сама знала мало. Теперь Лопес через нее пытался выведать планы Долинского.

...Солли прибежала к Долинскому, когда до отъезда ему оставалась неделя.

Было уже поздно, он собирался ложиться и вдруг услышал тихий стук в дверь. Удивленный Долинский открыл.

На пороге стояла Солли.

Как добралась она сюда из города в столь поздний час? Как проникла на тщательно охраняемую территорию клуба? А главное — зачем пришла?

Долинский провел Солли в комнату, усадил в кресло, выключил кондиционер — Солли дрожала, словно на улице стояла не тропическая жара, а бушевала метель.

Девушка сжалась в кресле, словно намокший встрепанный воробей, волосы ее перепутались, она была в потертых джинсах, босая. В глазах стояли слезы.

Долинский машинально притащил на стол фрукты, шоколад, какое-то печенье, поставил чайник. Он хотел дать ей успокоиться. Потом присел рядом.

— Что случилось, Солли? — ласково спросил он. — Что-нибудь дома?

Она молчала, лишь смотрела на него широко открытыми глазами, в глубине которых притаилась боль.

— Давай, Солли, выклады-

вай. Ум хорошо, а два лучше, есть у нас такая поговорка. Сейчас все обдумаем. Рассказывай.

Она еще некоторое время молчала, потом хрипло прошептала:

— Они избили его...

— Кого? — не сразу понял Долинский.

— Муниса, — простонала Солли и разрыдалась.

Долинский обнял ее, гладил по голове, бормотал какие-то слова утешения.

Наконец из прерываемого рыданиями, бессвязного рассказа Солли он уяснил, что произошло.

К ней прибежал один из друзей Муниса и сообщил, что неизвестные люди сели к Мунису в такси, приказали везти за город, а там, на пустыре, вытащили его из машины, страшно избили и бросили. Потом позвонили в полицию. Патруль отправился в указанное место, подобрал Муниса и отвез в ближайшую больницу. Он и сейчас там. Солли вместе с другом помчалась в больницу, где ей сказали, что Мунис пришел в сознание, жизни его опасность не угрожает, но пролежит он там долго — у него сломаны рука, два ребра.

Когда она вернулась домой, сестренка сказала, что приходил какой-то человек и велел передать ей «это».

Солли, продолжая всхлипывать, разжала руку и протянула Долинскому скомканную порванную бумажку. На бумажке довольно неумело были изображены череп и скрещенные кости. Под ними печатными буквами следовали две

строки. Не было необходимости в совершенстве знать испанский, чтобы понять написанное: «Если не дашь согласие, подпишешь своему дружку смертный приговор».

— Я больше не могу, сеньор тренер,— закончила Солли свой сбивчивый рассказ.— Извините меня. Я люблю Муниса. Если они убьют его, я умру.

— Да, да, конечно,— успокаивал ее Долинский,— раз дело приняло такой оборот... А полицию нельзя предупредить?

— Полиция ничего не делает, сеньор тренер. Они ведь скрылись. И если убьют, тоже скроются. Они все могут.

— Хорошо, Солли, раз нет другого выхода... Может, удастся что-то сделать, когда Лопес начнет рекламу этого аттракциона? Тогда все станет официальным и можно будет поднять кампанию, чтобы его запретили.

Солли молчала, и Долинский понял, что она мало верит в успех какой-либо кампании.

Он отвез ее домой. Было далеко за полночь. Во всех домах поселка погасли окна, и только в их домике горел свет — ее ждали.

Они расстались у машины.

— Прощайте, сеньор тренер. Спасибо вам. Я вас никогда не забуду. Вы учили меня быть смелой. Сейчас не получилось. Но, может быть, когда-нибудь я смогу быть смелой...— Солли неловко поцеловала его в щеку, на мгновение он почувствовал на своем затылке ее горячие крепкие ручки. Он сел в машину. Она махала ему вслед.

Такой он и запомнил ее. Босую, в потертых джинсах, с поднятой в прощальном жесте рукой, со спутавшимися волосами, падавшими на лицо...

Утром тренировка не состоялась. Солли не пришла. И он напрасно прождал ее полчаса у бассейна. Вместо нее явилась Лаура.

Лаура молча постояла рядом с Долинским, потом сказала:

— Она не придет, сеньор Долинский. Сегодня утром она подписала контракт на три года. Сеньор президенте сам был у нее. Он дал отцу Солли аванс — много денег, и увез ее в тренировочный лагерь, в другой, не в тот, где мы были. На побережье. Не знаю адреса. Там ее, наверное, будут готовить к прыжкам со скалы,— Лаура помолчала.— Вы уезжаете, я остаюсь. Не знаю, что со мной будет.

«Ее заботят собственные дела,— подумал Долинский,— что же, она права. Здесь каждый думает о себе. А если хочет помочь другому, пусть вспомнит о судьбе Муниса. Какой страшный мир! Какие страшные люди! И какие люди несчастные! Вот Солли, ее отец, ее жених, Лаура, тысячи других... И Лопес, для которого, кроме собственных интересов, ничего и никого не существует. Солли сказала, что когда-нибудь она станет смелой. Что ж, дай бог — она и другие, такие, как она. Может быть, тогда здесь все станет по-другому...»

Лаура пришла, чтобы передать извинение сеньора президента: срочные дела заставили

его внезапно уехать и он не сможет проститься с Долинским. Он просил поблагодарить советского тренера за его отличную работу.

— И еще,— Лаура помолчала,— сеньор президенте просил передать вам,— она замялась,— что не надо зря тратить силы на то, на что их тратить бесполезно. Он сказал испанскую поговорку, я посмотрела в словаре, по-русски это будет так,— Лаура нахмурила лоб, сосредоточившись, — плетью обуха не перешибашь. Да?

— Передайте сеньору Лопесу,— сказал Долинский,— что я благодарю его за гостеприимство, и поговорку,— он усмехнулся,— по-русски она звучит так: «Сколько веревочке не виться, конец будет». Покопайтесь в словаре, Лаура, найдите подходящую на испанском.

Он подошел к ней, улыбнулся, протянул руку:

— А вам искреннее спасибо. Вы хорошая девушка, Лаура, желаю вам счастья. Прощайте.

Лаура пожала ему руку, топталась, видимо, желая что-то сказать, но так и не решилась.

Через два дня он уезжал. Провожал его Рамон, усатый и молчаливый шофер сеньора президенте. Не на бронированной машине, на другой, поскромней.

Они вновь проехали вдоль широкой набережной, мимо величественных отелей, казино, ресторанов, мимо утопавших в зелени вилл, мимо сверкавшего на солнце, взметавшего к небу пенные кружева океана.

И вот теперь он летел домой. А за окном сверкал, перекатывая свои тяжелые волны, бескрайний, как жизнь, океан. Тот же самый, что омывал и золотые пляжи роскошного города-курорта, и побережье у жалкого рыбацкого поселка, и подножие диких зловещих скал...

Впереди его ждали друзья, Ира, любимая работа, любимый город, дом... Ждала Родина.

9

О гибели Соледад он узнал полгода спустя из заметки в газете, когда направлялся на первую тренировку с Ириной.

ЧИСТАЯ ИГРА

Я. ЛИС,
Т. ОЛЬШАНСКИЙ

ЧИСТАЯ ИГРА

КАК ПОБЕЖДАТЬ

«Спорт — это сама природа, нынешний же стадион природу отрицает, он превратился в отрасль промышленности, где создаются машины для бега, прыжков и пинания мяча!» Резкие слова. Их сказал в 1957 году французский социолог Жорж Дюран. Эта точка зрения во многом справедлива. Ибо в спорте, как и в жизни, постоянно сталкиваются противоположные тенденции. С одной стороны, возрастает уверенность в том, что цель — то есть победа, медаль — оправдывает средства, стало быть, можно и даже нужно подцепить противника за ногу, лишь бы добиться успеха. В некоторых видах спорта нарушение правил под видом тактического фола, по сути дела, узаконено. Возьмите футбол — защитник не только может, но и должен схватить за футболку рвущегося к воротам нападающего, если перед тем останется только вратарь! Ведь выход один на один — это огромная опасность для команды, почти верный гол, а за этот «невинный» в конце концов фол — только обязательно до штрафной площадки — команда поплатится лишь свободным ударом, да еще получит минуту отдыха и сможет организовать оборону. Так и умышленный фальшстарт, особенно в за-

бегах спринтеров, нервирует соперников, ослабляет их реакцию и уменьшает шансы на победу.

В поединке на рапирах один из участников владеет инициативой, постоянно атакует, наносит удар за ударом; и в этот самый момент у противника, который подавлен и, кажется, уже повержен, вдруг выходит из строя рапира, рвется электрический провод, что-то происходит с наконечником клинка. Таких и прочих хитростей в каждом виде спорта хватает.

С другой стороны, постоянно подчеркивается, что победа — не главное, что спорт служит делу воспитания молодежи, следовательно, должен быть чистым, благородным. Но тогда, как же побеждать? Оставаясь в рамках правил или не считаясь с ними?

В спорте существует множество всяких предписаний и ограничений, но все равно спорт — это борьба. С противником, со временем, с пространством, очень часто с самим собой. В борьбе спортсмен всегда стремится победить соперника и стоящие на пути трудности. Это естественно. Отказаться от победы, добровольно отдать пальму первенства — это противоречит человеческим инстинктам, к стати не только в спорте. В спорте же, именно благодаря его условности, благодаря строгой заданности «можно» и «нельзя», четко определялись границы действий положительных и отрицательных, было совершенно ясно, что «хорошо», а что «плохо». Но ценность победы, успеха особенно в последне-

десятилетие возросла до такой степени, что давно установленные границы стали как-то стираться. Зато все громче слышны вопросы нравственного порядка. Можно ли в азарте борьбы забыть о правилах игры, об уважении к противнику? Нужно ли, для того чтобы добиться победы, будить в себе спортивную злость, ненависть к противнику? Короче говоря, оправдывает ли цель средства, если речь идет о спорте?

Честолюбие, чувство ответственности перед коллективом, будь то в клубе или в сборной, материальный стимул, широкая известность и связанные с ней привилегии — все это оказывает на спортсмена колоссальное давление и склоняет его и даже вынуждает порой искать все новые, утонченные средства, ведущие к победе. Но есть еще и самоуважение, соблюдение установленных порядков, рыцарское отношение к противнику и болельщикам — благодаря этим своеобразным тормозам спортивная схватка становится одновременно нравственной схваткой с самим собой. При этом не важно, на каком уровне ведется спортивная борьба. Правда, чем выше ставка, тем труднее сделать выбор. Победа в спорте ценится все дороже, и тем не менее нередко альтруистические, благородные, жесты, когда спортсмен по своей воле отказывается от медали, титулов, почестей. Во имя чистоты игры.

На Олимпийских играх в Мельбурне, то есть за год до того, как Жорж Дюран сформулировал свою точку зрения, на

финише забега на 3000 метров с препятствиями англичанин Кристофер Брэшер подтолкнул локтем норвежца Эрнеста Ларсена, а на самом финише обошел еще и венгра Шандора Рожнёи. Ларсен был третьим. Толчок не прошел незамеченным, и судейская коллегия дисквалифицировала англичанина. Узнав об этом, Ларсен подошел к судьям и сказал, что Брэшер действительно подтолкнул его, но неумышленно и по сути дела не сбил его с ритма и бежать не помешал.

«Я был так измотан на финише,— написал Ларсен в объяснении кассационной комиссии,— что не мог выдержать рывок ни Брэшера, ни венгра. Они обошли меня. Брэшер не нарушил ритма моего бега, не задержал меня, он просто вышел вперед, потому что у него оказалось больше сил, а случайный толчок локтем не имел никакого значения. Брэшер, безусловно, был лучшим в этом забеге, боролся честно и должен получить золотую медаль!»

Ларсен написал это объяснение совершенно бескорыстно. Дисквалификация Брэшера позволила бы ему подняться на одно место выше, вместо бронзовой медали получить серебряную. Представим себе ситуацию: усталые участники забега узнают о том, что победитель дисквалифицирован. Награждение должно состояться через несколько минут, после чего дисквалификация станет правомочной, а решение судей — необратимым. И тогда один из бегунов, как раз пострадавший, обращается в су-

дейскую комиссию, рассказывает, как именно все произошло, пишет официальное объяснение! А ведь он едва стоит на ногах после изнурительного бега и куда охотней повалился бы на траву, отдохнул. В нем настолько сильно чувство справедливости, неприятие неправды, ему настолько противна мысль о выгоде за чужой счет, что он начинает бегать от одного судьи к другому, рассказывать, объяснять, доказывать. И в результате на высшую ступень пьедестала встает Брзшер, справа от него — Рожнёй, а слева — Ларсен.

На тех же Играх в Мельбурне произошел еще один случай. В финале соревнований по метанию копья лидировал польский спортсмен Януш Сидло. А у норвежца Эгила Даниэльсена броски не шли. В этом соревновании использовались копья двух типов — старые и новые, обладающие улучшенными аэродинамическими свойствами. Сидло бросал новое копье ярко-красного цвета. Когда оставалось два броска, он протянул копье расстроенному низкими результатами Даниэльсену.

— Попробуй мое копье, может, бросишь лучше! — сказал Сидло.

В тот миг, когда Даниэльсен бросил копье, сильно подул ветер и обтекаемый снаряд полетел как на крыльях, приземлившись у фантастической по тем временам отметки — 85,71! Это был единственный и неповторимый бросок норвежца. И единственное, неповторимое создание. Смогло бы традиционное деревянное копье так

«воспользоваться» порывом ветра, как снаряд Сидло? На этот вопрос никто и никогда уже не ответит. Но факт остается фактом: Сидло дал сопернику свое копье, а Даниэльсен не только завоевал золотую медаль, но и установил новый мировой рекорд. А прежний принадлежал Янушу Сидло. Можно, разумеется, сказать, что Сидло был уже уверен в победе и помог противнику, тот занимал далекое место, непосредственно ему не угрожал, и кто же мог предвидеть, что этот жест обернется против него самого. Если бы он знал...

Давайте обойдемся без «если бы да кабы»! Где-где, а уж в спорте такой подход совсем не имеет смысла. Спортсмены, особенно выдающиеся, прекрасно знают — в ходе борьбы возможно все и до последней минуты нужно оставаться сосредоточенным и внимательным, особенно в таких «лотерейных» ситуациях, как метание копья, когда может «получиться» прекрасный бросок. Даже вопреки всем ожиданиям...

Серию таких прекрасных бросков копья мы наблюдали на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году. За победу боролись Янис Лусис из СССР и Клаус Вольферман из ФРГ. Лусис захватил лидерство с первого броска, послав копье на 88,88 метра. В третьей попытке улучшил результат до 89,54. В четвертой попытке Вольферман показал 88,40 и приблизился к лидеру. Но гораздо интереснее бросков было поведение спортсменов. Они все время разговаривали

друг с другом, советовались, какое копьё в данную минуту лучше метать, что-то подсказывали друг другу. И в пятой попытке Вольферману совершенно неожиданно «удался» великолепный бросок — 90,48! Лусис первый поздравил соперника. Но борьбу не прекратил. В последней попытке он сделал не менее прекрасный бросок — 90,46! Проиграл всего два сантиметра! Нет сомнения, что оба эти выдающихся результата следствие не только упорного соперничества, но и товарищеской помощи, борьбы, которая велась честно, в подлинно спортивной атмосфере.

Приведем еще один пример, исключающий какие-либо преднамеренные расчеты. В 1960 году на Олимпийских играх в Риме в финале соревнований по прыжкам в длину у женщин лидерство безоговорочно захватила польская спортсменка Эльжбета Кшесиньская, обладательница золотой олимпийской медали в Мельбурне. Именно она обратила внимание одной из главных своих конкуренток, Веры Крепкиной, на то, что предмет, отмечающий начало ее разбега, передвинут. Видимо, одна из прыгуний случайно зацепила его. Те, кто разбирается в технике прыжка в длину, прекрасно понимают, что это значит. Спортсмен скрупулезно, шаг за шагом, вымеряет длину своего разбега, помечает место, от которого бежит уже изо всех сил, не смотрит под ноги, чтобы на полной скорости попасть точно на черту, оттолкнуться и прыгнуть как можно дальше. И если пред-

мет, отмечающий начало разбега, хоть чуть-чуть сдвинуть, прыжок почти наверняка будет испорчен. Отталкиваться придется либо перед чертой — и будут потеряны драгоценные сантиметры, либо, что еще хуже, за чертой — и попытка вообще не будет засчитана. Именно это и происходило с Крепкиной в Риме — прыжки «не шли». И тогда Кшесиньская посоветовала ей скорректировать разбег, что и было сделано. Крепкина добилась блестящего результата — 6,37 и завоевала золотую медаль. Кшесиньской же досталась серебряная.

Когда несколько лет спустя мы спросили Эльжбету Кшесиньскую, не жалеет ли она, что вот так лишила себя возможности завоевать второе олимпийское золото, в ответ услышали:

— Победа, добытая в неравной борьбе или каким-то хитрым способом, теряет свою ценность, мало того, после нее остается какой-то неприятный осадок, она не приносит радости!

Польская спортсменка обратила внимание соперницы на ошибку, прекрасно понимая, какими могут оказаться последствия. Так поступали многие спортсмены, начиная от грека Панагиотиса Параскевопулоса, который на Играх I Олимпиады в Афинах показал американцу Роберту Гэррету, как лучше держать диск. Метать диск в те времена умели только греки, все остальные брали его в руки впервые. Гэррет был атлетического сложения, выиграл толкание ядра, с

диском, однако, никак не мог управиться. Впрочем, греки ввели метание диска в программу олимпийских игр, не только отдавая дань античным традициям, но и потому, что сами имели большие шансы на успех в этом виде. Уже тогда победа имела большое значение. Вспомним, как чувствовали триумф Спиррса Луиса в марафонском беге. Наследники трона на плечах внесли скромного греческого пастуха в королевскую ложу. Но все надежды хозяев на победу в метании диска перечеркнула лекция, прочитанная греческим дискоболом во время соревнований. Олимпийским чемпионом стал Роберт Гэррет!

Независимо от острой спортивной борьбы за медали, от яростной конкуренции, от бушующих вокруг страстей в спорте царит своя неповторимая атмосфера. По сути дела, здесь нет слабых. Ибо тот, кто сегодня на два порядка ниже, завтра может стать лучшим. В пятидесятые годы польские штангисты только учились у советских коллег, а вскоре на чемпионатах мира и олимпийских играх в некоторых категориях они своих учителей победили. Например, на Олимпийских играх в Риме, Токио и Мексике золотые медали завоевали Польский и Вальдемар Башановский. Поляки, в свою очередь, передали свой опыт штангистам из Болгарии, и те быстро стали занимать места в когорте лучших. Владислав Комар учился технике толкания ядра у американских метателей, а после победы на Олим-

пийских играх в Мюнхене оплатил долг — поделился с американцами своим методом тренировок. Не одно десятилетие пальма первенства в фехтовании принадлежала венграм, но они безо всяких колебаний послали в начале пятидесятых годов в Польшу знаменитого фехтовальщика Яноша Кевея. А тот подготовил чудо-команду, самым главным успехом которой была победа на чемпионате мира в 1959 году в Будапеште над командой Аладара Геревича, Пала Ковача и Рудольфа Карпати.

В спорте существуют свои тайны, свои хитрости. Тайной окутаны методы тренировок, тактические планы. Есть целая система задержек при объявлении состава команды. Эти проволочки призваны подольше держать противника в неведении, но в то же время все спортсмены, жаждущие победы, медалей, рекордов, — это одна большая семья, члены которой прекрасно понимают друг друга. У них общие проблемы, трудности, общий — вопреки разному гражданству — язык, и неудивительно, что, встречаясь на соревнованиях, они говорят именно об этих своих делах, советуются и помогают друг другу. Приведенные выше случаи разглашения «служебной тайны» происходят, как правило, на высоком спортивном уровне. К примеру, у каждой команды велосипедистов есть свой, тщательно охраняемый рецепт питательного напитка, которым гонщики подкрепляются на трассе. Врачи старательно подбирают его компоненты, с апте-

карской тщательностью взвешивают и добавляют в смесь глюкозу, витамины и минералы. А потом на трассе велосипедисты дают сопернику свою бутылочку. Но кто откажет коллеге, которому хочется пить, а в его фляге пусто?

Мы не хотим сказать, что на всех гонках и на всех спортивных аренах царит такая идеальная атмосфера. Скорее наоборот. Как уже отмечалось в начале, не все проявляют большую разборчивость в средствах. В футболе существует понятие «играть в кость», в баскетболе на площадку специально выпускают игрока-тарана, задача которого — вступить в столкновения с лучшим игроком противника. Какой смысл? И тот и другой получают персональные замечания, а когда их наберется пять, обоим баскетболистам предложат покинуть площадку. Но одна команда теряет немного, а другая остается без лидера.

В спорте, как в жизни, рядом с благородными жестами и поступками гнездятся зависть, обман, подлость. Спорт грубеет. Ведь победитель получает все, а для проигравших нет даже жалости. Спорт становится гигантской машиной. В нем все меньше места для индивидуальных жестов, все больший акцент делается на подчинение интересам команды, клуба, сборной!

Во время велогонки Мира в 1975 году у поляка Рышарда Шурковского что-то случилось с машиной и товарищ по команде Мечислав Новицкий отдал ему свой велосипед. Возник спор: это благородный

поступок, красивый жест, заслуживающий приза «За чистую игру», или соответствующая распределению ролей обязанность — помочь лидеру команды, у которого есть шансы на победу в индивидуальном зачете?

Спорить тут, как утверждают многие, было не о чем. Велоспорт уже давно — спорт командный: либо сразу же, прямо со старта, вся команда работает на одного велосипедиста, помогает своему заранее выбранному лидеру, либо после начальных этапов гонки все поддерживают одного, того, кто оказался лучшим в команде и завоевал в предварительных заездах право называться лидером. Таким образом, возвращаясь к истории о передаче велосипеда — никаких сомнений быть не может. Шурковский ехал в желтой майке лидера, Новицкий занимал место подальше, к тому же у него был велосипед, специально подобранный с учетом возможностей Шурковского. Одним словом, у Новицкого было именно такое задание, он не мог поступить иначе. Задание, разумеется, трудное, обязанность тяжелая, потому что собственные интересы и честолюбивые планы нужно принести в жертву товарищу по команде, у которого больше шансов выиграть гонку. Можно ставить вопрос иначе и говорить о том, что Новицкий поступил бы нечестно, не отдай он велосипед Шурковскому! Тогда на финише этапа его наверняка ждал бы разгон от тренера и укоризненные взгляды товарищей.

Мы пишем об этом потому, что одни и те же поступки могут выглядеть по-разному. Широкою огласку получил поступок Шурковского во время индивидуальной гонки на звание чемпиона Польши, когда он велел механику отдать свой запасной велосипед главному конкуренту Зигфриду Ханусику. У того что-то произошло в машине, и он выбывал из борьбы. А Шурковскому такая победа была не нужна! Он хотел бороться до конца, никакие другие интересы в расчет не шли. Впрочем, шли! Интересы клуба. Механик был против решения Шурковского. Но Рышард настоял на своем. И два велосипедиста разыграли свой поединок до конца. Победил Ханусик. За этот поступок Шурковский получил награду ЮНЕСКО!

Еще одна велосипедная история. Во время велогонки «Тур де Франс» у знаменитого Раймона Пулидору машина попала в «завал», кто-то быстро подал ему новый велосипед, известный гонщик крикнул «спасибо!», бросился догонять группу... и тут оказалось, что эта машина совершенно ему не годится! Другая рама, иначе поставлен руль, в общем, будто кто-то специально изобрел велосипед, никак не подходящий Пулидору. После аварии велосипедист был в шоке, мог думать только об одном: достать головную группу! Пока сориентировался, истратил столько сил, что догнать группу было уже невозможно, даже когда с машины ему передали его собственный резервный велосипед. Лишь потом

выяснилось: «плохой» велосипед Пулидору подсунили нарочно, чтобы вывести его из борьбы за первое место.

Мы пишем об этих трех случаях, чтобы доказать: поступки спортсменов все чаще определяются тактикой. Победа все реже становится результатом спонтанного штурма, импровизации, стихийных действий, все чаще к ней ведет тщательно разработанный сценарий. В нем все предусмотрено, роли написаны, и в жизнь он воплощается с железной последовательностью. Извечная борьба добра со злом в современном спорте очень усложнилась. Применение стимуляторов, двусмысленные, а порой и однозначно низкие поступки — все сгодится для достижения высшей цели! Неужели это значит, что романтические времена борьбы с открытым забралом безвозвратно уходят?

Ни в коем случае! И именно об этом — как победить! — мы и хотим рассказать.

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Мы не собирались отнимать у Тамаша Вихмана много времени, максимум пятнадцать минут, но разговор наш затянулся. Между тем Вихман — человек очень занятый. Он работает поваром в будапештской гостинице «Сабадшаг», которая славится своей кухней, активно занимается спортом, делает первые шаги на тренерском поприще: тренирует молодых каноистов. У него масса друзей, как раз сейчас у него гостят две молодые гол-

ландские каноистки, в Венгрию они приехали после чемпионата мира в основном за тем, чтобы Вихман отладил им технику гребли, посоветовал, как строить тренировочные планы. Стоит жаркий сентябрьский день 1982 года, Вихман собирается свозить голландок в Сегед, показать им столицу паприки и салями, хозяйка дома Жужа Вихман — тоже в прошлом каноистка — кормит гостей: «Видите, муж — повар, а готовить приходится мне!» — а мы как ни в чем не бывало сидим и разговариваем о том, что такое чистая игра. Мы у Вихманов впервые, и может показаться, что уж слишком неловко вторглись в этот вихрь домашних дел, но гостеприимство хозяйки дома и передающееся всем спокойствие Томаша Вихмана создают уютную домашнюю атмосферу. Наш вроде бы серьезный разговор идет легко и непринужденно.

— До Сегеда недалеко, — говорит Вихман, заметив, что я глянул на часы; мои пятнадцать минут уже прошли, а поговорить о чистой игре теперь доводится так редко...

Вихман встает, подходит к огромной горке с золотыми, серебряными и бронзовыми медалями — награды за победы в спортивных соревнованиях, прежде всего на олимпиадах. Много там красивых кубков, хрустальных ваз, изящных статуэток. Вихман достает овальную, увесистую бронзовую медаль, расположенную на самом видном, почетном месте. Это награда ЮНЕСКО «За чистую игру», полученная им в 1978 году.

— В моей спортивной карьере это самая важная, самая ценная награда. Знаете почему?

— ?

— Потому что за всеми победами и медалями кроются какие-то конкретные материальные блага. И только эта награда — просто почетная, поэтому ей нет цены! Такая медаль есть самое большее у тридцати человек. А олимпийских медалей уже больше двенадцати тысяч!

Разговор с Тамашем Вихманом мы начали вот с какого вопроса: из спорта уходит гуманное начало — в чем здесь причина? В какой степени зачатки этого процесса живут в самих спортсменах, которые с маниакальной страстью рвутся вперед, стремятся к более высоким результатам, бьют рекорды, и какова степень давления извне, которому спортсмены вынуждены поддаваться?

Вихман — человек зрелый, познавший настоящей успех, да и жизненного опыта ему не занимать. Его спортивная карьера подходит к концу. Он четырежды стартовал на олимпийских играх — от Мексики до Москвы, три раза завоевывал медали, много раз становился чемпионом мира, часто побеждал в международных регатах.

Вихман считает, что в последние годы большой спорт переживает огромные перемены. Раньше люди занимались спортом со страстью, увлечением, теперь он превратился в производство. В фабрику, которая производит результаты, рекорды! Причем конвейерная лента движется все быстрее —

ведь интенсивность производства растет! Сегодняшний спорт — это тяжелый труд и жестокая конкуренция. Кто не выдерживает — отпадает, и на ведущую роль претендовать не может, хотя и наделен подлинным талантом. Спорт становится фабрикой, на которой штампуют чемпионов. С бегом считаются, лишь когда он вырывается вперед, становится лидером, бежит первым. А если его догнали и оставили позади, он уже никого не интересуется. Вот до какой степени сузилась иерархия ценностей!

Вихман говорит об этом с неподдельным волнением и тревогой. Ведь спорт никогда не был для него ступенями лестницы, по которой он взбирался вверх. В спорте — была и есть — вся его жизнь! В семь лет он попал в автомобильную катастрофу. Три года лежал без движения в гипсе, одна процедура сменяла другую. До конца дней своих он мог остаться калекой. Впрочем, последствия той катастрофы дают о себе знать и сегодня. У этого спортивного, подтянутого мужчины, многократного чемпиона мира одна нога короче другой, он слегка прихрамывает. По этой причине он и выбрал для себя каноэ, решил, что именно здесь он сможет добиться по-настоящему высоких результатов. В этих лодках, сделанных по образцу индейских, надо грести стоя на одном колене.

— Что можно сказать о принципе «цель оправдывает средства»? — спрашиваем мы в какой-то момент разговора. — Считают ли спортсмены, что от

него никуда не денешься, если хочешь добиться выдающихся результатов?

— К сожалению, это так, — отвечает Тамаш Вихман. — Правда, средства эти бывают легальные, не идущие вразрез с принятыми правилами, и нелегальные, то есть связанные с нарушением этих правил. Борьба с применением противозаконных средств — это дело соответствующих органов, антидопингового контроля и так далее. На эту тему я распространяться не буду. Но давайте поговорим о средствах, которые ведут к цели легальным путем. Из спорта уходит личность, индивидуальность, вся жизнь спортсмена подчинена тренировкам и соревнованиям. А как теперь отбирают детей для занятий спортом — исходя только и исключительно из физических данных ребенка, а его пристрастия и симпатии во внимание не принимаются. Ныне спортсменам приходится отказываться от своей специальности, бросать институт, даже личную жизнь строить с учетом предъявляемых спортом требований. Да-да, все это происходит, происходит повсеместно. Я вовсе не против тяжелой работы в спорте. Если я чего и добился в гребле, так только благодаря тяжелой работе и самопожертвованию. Но в этот тяжкий труд я вкладывал свое сердце, тренировался со страстью, никогда не шел себе наперекор. Моя карьера спортсмена, по сути, закончена, впереди карьера тренера — на общественных началах. Работаю с детьми, присматриваюсь к ним, разумеется ищу самых

одаренных, но беру только тех, кто, действительно, любит воду и греблю, у кого от занятий спортом загораются глаза.

— Вы сказали, что из всех ваших спортивных наград, вам дороже всего почетная медаль «За чистую игру» ЮНЕСКО. Не кажется ли вам, что вся пропаганда чистой игры будет смыта волной явлений, о которых мы здесь говорили, и награда за благородство в спорте будет вдохновлять иллюзии и не более того?

— Этические нормы не меняются, и не важно, какие явления возникают в спорте, — надо энергично, энергичнее, чем раньше, следить за соблюдением правил. А благородные поступки отмечать стоит — пусть примеры, достойные подражания, будут известны всем. И награда за благородство в спорте — это вовсе не иллюзии. Такие поступки не имеют ничего общего с расчетом, они заложены в человеке, и в данный конкретный момент он просто не может поступить иначе, и не важно, принял он решение мгновенно, автоматически или какое-то время в нем шла внутренняя борьба. Перед чемпионатом мира 1977 года я пригласил в Будапешт для совместных тренировок моего главного соперника, многократного чемпиона мира в гребле на каноэ югослава Матию Любека — пригласил не в надежде на награду ЮНЕСКО, причина гораздо проще — мы с ним дружим, наше соперничество помогает нам обоим, потому что учится не только он у меня, но и я у него. Пригласил я его еще и потому, что в

это время года условия для тренировок в Белграде хуже, чем у нас. Зачем мне победа над соперником, у которого не было возможности как следует подготовиться...

Тамаш Вихман довольно просто, но точно определил опасность, которая угрожает спорту. Подобные мысли характерны для многих выдающихся спортсменов, независимо от вида спорта или времени, на которое пришлось их наивысшие достижения. Двадцать лет назад Збигнев Петшиковский был одним из самых знаменитых боксеров Европы. За период с 1955 по 1963 год он четырежды становился чемпионом Европы, три раза выступал на олимпийских играх и всегда возвращался с медалью. Его соперниками на ринге были выдающиеся боксеры пятидесятых и шестидесятых годов — Ласло Папп и Кассиус Клей, которому Петшиковский проиграл финальный поединок на Олимпийских играх в Риме. Из 370 поединков он потерпел поражение всего в 14! У него был необычайно сильный, нокаутирующий удар. О боях с его участием можно написать тома. Мы же здесь вспомним лишь два случая из богатой биографии Петшиковского.

В 1955 году, когда Петшиковский впервые стал чемпионом Европы и его звезда только начинала восходить, молодого чемпиона освистали зрители. В товарищеском матче с югославами поляку достался довольно слабый соперник. Петшиковский мог его нокаутировать в первом же раунде.

Но он этого не сделал. Как не сделал и во втором, и в третьем раундах, хотя в зале стоял жуткий свист — публика требовала знаменитого бокового нокаутирующего удара левой! Петшиковский победил по очкам — с большим преимуществом, однако нашлись спортивные обозреватели, осудившие его за пассивность и уход от борьбы. Позже история повторилась во время матчей с соотечественниками. Болельщики освистывали Петшиковского, они хотели видеть на ринге жаждающего крови тигра, а не кроткого барашка. Но Петшиковский не нокаутировал слабых противников. В воздухе запахло травлей, в защиту Петшиковского пришлось выступить его матери! Она написала письмо на польское радио: ей будет очень жаль, если ее сын станет применять всю свою силу против слабых. Не этому она его учила в детстве. А каково матерям парней, подготовленных слабее Збышека? Как у них сжимается сердце при вести о том, что их сыновья были нокаутированы? После этого письма болельщики успокоились.

А вот во встречах с выдающимся, сильными противниками Петшиковский показывал все, на что был способен, выигрывал в великопепных поединках. Один из таких боев состоялся в 1963 году в Лодзи в ходе товарищеского матча СССР — Польша. Соперником Петшиковского был отличный советский боксер Дан Позняк. Судьба этого поединка решалась до последнего гонга. Позняк пытался взять реванш за поражение в финале чем-

пионата Европы в Москве в том же году. На сей раз он вел бой лучше, доставил Петшиковскому массу неприятностей, и тому пришлось показать все свое умение. Победил все-таки польский спортсмен. Именно после этого боя газета «Штандар млодых» приняла решение присудить Петшиковскому приз «Джентльмен года», вручаемый за благородство на спортивных аренах. Польская молодежная газета учредила этот приз за год до того, как ЮНЕСКО учредила приз «За чистую игру».

Поединку с Позняком Петшиковский отдал все силы. Тут же после боя он узнал о присуждении ему награды. Одному из авторов этой книги удалось тогда побеседовать с ним, и свое спортивное кредо боксер сформулировал так:

— Быть джентльменом в поединке со слабым соперником — это легко, куда труднее придерживаться тех же принципов, когда противник ни в чем тебе не уступает. Когда чувствуешь, что победа ускользает из рук, что противник бьет сильнее, чем ты, — как в поединке с Позняком, — порой возникает соблазн поступиться своими принципами, нанести запрещенный, зато эффективный удар. Но мне всегда удаётся себя сдерживать. В самих основах спорта заложено много противоречий. Он учит и велит побеждать. Бывает, в пылу борьбы думаешь: что там, для победы все средства хороши! Но между прочим, правила чистой игры говорят о том, что проигрывать нужно достойно, поздравлять победителя, даже

если на глаза навертываются слезы! Вести чистую игру в спорте иной раз труднее, чем в другой сфере жизни. Но именно поэтому спорт и есть настоящая школа поведения в жизни — он учит не пасовать перед трудностями, бороться до конца. Играть чисто — это значит быть порядочным по отношению к своему тренеру, уважать противника и считаться с ним, соблюдать правила игры. Если спортсмен сориентирован на чистую игру, он никогда не позволит себе нанести удар ниже пояса.

— Не было боя, в котором я не стремился к победе, — сказал Петшиковский в ходе другого разговора. — Более того, чтобы добиться победы, я отдаю все силы, но только когда противник не слабее меня. А вот когда передо мной боксер классом ниже, все происходит иначе, потому что в такой ситуации нокаут несовместим с идеями спорта. И я никогда не буду стремиться нокаутировать противника, который слабее меня, и ни свист трибун, ни понукания судьи на ринге тут ничего не изменят!

С этой проблемой пришлось столкнуться многим боксерам, обладающим так называемым атомным ударом, достаточно вспомнить трехкратного олимпийского чемпиона в тяжелом весе, знаменитого кубинца Теофило Стивенсона. Его первой олимпийской ареной стал Мюнхен, где он буквально громил противников. В четвертьфинальном поединке он просто разнес американца Дуана Бобика, но с первой секунды на ринге шла отчаянная

борьба двух одинаково сильных, равных по классу соперников. Еще до Мюнхенской олимпиады пресса превозносила Бобика, называла его преемником Клея, Фрэзера, Формена, то есть будущим чемпионом мира среди профессионалов. И для Стивенсона именно этот поединок был неофициальным финалом турнира, матчем за олимпийское золото. Потому-то борьба и была столь яростной. Через четыре года в Монреале Стивенсон боксировал уже гораздо осмотрительнее, стремясь добиться победы так, чтобы не нанести травму сопернику. А в Москве его даже упрекали в нежелании вести борьбу, в том, что он уж слишком бережется. В финальном поединке он все три раунда буквально поглаживал легкими простенькими ударчиками советского боксера Петра Заева, который беспрерывно атаковал. Стивенсон одержал убедительную победу по очкам, третий раз получил золотую олимпийскую медаль, что является выдающимся достижением (до него в боксе такое удавалось только Ласло Паппу), однако избранный им метод ведения боя был встречен не аплодисментами, а свистом.

— Почему вы уклонялись от борьбы? — такой вопрос прозвучал на пресс-конференции сразу после финального боя, и этот вопрос выражал мнение зрителей.

— Разве я виноват, что я сильнее? — с обезоруживающей прямотой ответил трехкратный олимпийский чемпион.

Мы не раз беседовали со Стивенсоном, трижды на олим-

пиадах, на олимпийском конгрессе в Баден-Бадене. Он всегда был обаятелен, мягок и тактичен — эдакий исполин-громовержец с улыбкой ребенка. Но чтобы узнать Стивенсона, нужно какое-то время побыть с ним вместе, а не встречаться только на крупных спортивных соревнованиях. В этом смысле очень интересны замечания, высказанные одним из ближайших друзей Стивенсона. Педро Эрреро Молина работает в Министерстве культуры Кубы, он спортивный деятель и консультант по вопросам печати.

— Теофило — человек удивительно чуткий, деликатный, — сказал нам Педро Эрреро Молина. — Он очень любит детей, и те отвечают ему взаимностью. Я говорю об этом, чтобы было понятно, что он за человек. Дело в том, что Стивенсон прекрасно знает силу своего удара, знает, чем его удар может быть чреват для противника. Это и стало причиной его будто бы более слабых выступлений. Вспоминаю его знаменитый бой в Будапеште в 1980 году. Там проходил турнир «Гонведа», соперником Теофило был Иштван Леваи. Венгр — хороший боксер, очень подвижный, ни секунды не стоял на месте, наносил удары, набирал очки. Стивенсон проигрывал, и в конце третьего раунда ему пришлось ударить. Удар оказался нокаутирующим. Потом писали, что если бы не нокаут, Стивенсон проиграл бы по очкам, ему, мол, просто повезло. Короче говоря, все поставили с ног на голову.

После этого боя Стивенсон сменил тактику, научился бок-

сировать так, чтобы это не сказывалось на здоровье противника. Тактика эта сводится к тому, что Стивенсон наносит легкие, несильные и простые удары, однако все время держит правую наготове. Разумеется, противники его смелеют — кому неохота победить трехкратного олимпийского чемпиона и двухкратного чемпиона мира? И еще одно: почему Стивенсон не согласился драться с Мохаммедом Али, почему отказался стать профессионалом? Там он мог бы применять свою силу, к нему пришли бы деньги и слава. Но ничего этого он не захотел. По двум причинам. Во-первых, о профессиональном боксе на Кубе остались дурные воспоминания.

Профессионализм, по сути дела, уничтожил бокс на Кубе, наши парни были «пушечным мясом» на американских рингах. И для социалистической Кубы профессиональный бокс — это квинтэссенция зла.

Во-вторых, Стивенсону в принципе чужда идея о наращивании капитала, тем более он не хочет зарабатывать деньги спортом, боксом в особенности. Многие в это не верят и не понимают, как Стивенсон мог отказаться от такой немислимой карьеры и от миллионов долларов! Но, представьте себе, он такой! И никакие уговоры не помогли.

Знаменитая легкоатлетка, многократная обладательница мировых рекордов в беге на 100 и 400 метров Ирена Шевиньская тот же вопрос о скромности рассматривает под несколько иным углом зрения. Журналисты часто ее спраши-

вают: считает ли она кого-то из спортсменов примером для подражания и какие черты она любит или ценит в спортсменах? Она всегда отвечает: «Прежде всего не выношу зазнаек». Между тем спорт благоприятствует зазнайству! Ведь это очень просто — пренебрежительно и свысока смотреть на побежденных, на тех, кто слабее тебя. Причем зазнайство и высокомерие вовсе не мешают добиваться высоких результатов, напротив, честолюбие заставляет трудиться, бить рекорды, а эти рекорды — счастье для самовлюбленного честолюбца. Но высокомерие берет свое, и люди, склонные к зазнайству, становятся страшными эгоистами. Зазнайство — это грозная болезнь в спорте.

По мнению Ирены Шевиньской, зазнайка не способен на благородный поступок. Не столько по отношению к побежденному — тут-то он готов сделать жест, — сколько в борьбе за победу. Зазнайка готов на любую подлость, лишь бы выиграть, быть первым. Эта точка зрения Ирены Шевиньской нуждается в комментариях. Все-таки не каждый зазнайка является в спорте «злым гением». Уверенность в себе характерна для многих выдающихся спортсменов, которые, однако же, борются за победу честно. Но, разумеется, чрезмерное честолюбие приводит к тому, что спортсмен стремится добиться успеха любой ценой.

Соперничество, особенно в индивидуальных видах спорта, должно быть основано на честной, открытой борьбе. Это особенно важно, когда сопер-

ничают двое. Такое случается часто, допустим, в одном и том же виде легкой атлетики одновременно вспыхивают две яркие звезды. И это не случайность. «Без Эвы Клобуковской я бы никогда не достигла таких высоких результатов!» — уверяет Шевиньская. Вместе великую борьбу со временем польские стайеры Здислав Кшишковяк и Казимеж Зимны, а в последние годы, когда в Великобритании появился бегун Себастьян Коу, рядом с ним тут же возник Стив Оветт! «В таком соперничестве пар вполне естественная самоотверженная помощь партнеру, тогда свое превосходство ценишь еще дороже», — подчеркивает Шевиньская.

Крупные спортивные состязания всегда были для Ирены Шевиньской настоящим праздником. Она готовилась к выступлениям тщательно, иногда на подготовку уходили целые годы. Так было, например, когда после победы в беге на 200 метров на Олимпиаде в Мехико в 1968 году она родила ребенка. В Мюнхен она поехала уже мамой, выступила похуже, завоевала «всего лишь» бронзовую медаль в беге на 100 метров, но потом ее спринт стал «длиннее», и Ирена начала готовиться к старту в Монреале на дистанции 400 метров. Эта подготовка, как известно, увенчалась тем, что Шевиньская завоевала золотую медаль и установила мировой рекорд! Готовиться было нелегко, ведь от знаменитых спортсменов всегда ждут побед и рекордов.

Когда спортсмена награждают не за достигнутый резуль-

тат, а за поведение на спортивной арене, это очень весомый приз, однако и здесь не все просто. Учрежденная ЮНЕСКО награда «За чистую игру» — это попытка проанализировать душу спортсмена, моральная компенсация за самые трудные минуты в его спортивной карьере. Награда эта субъективная, отсюда большие трудности в выборе кандидатов. Но именно поэтому она сейчас необычайно популярна, цена ее очень высока. Эту награду нельзя завоевать, ее надо заслужить! Польза от нее неоспорима — число фактов джентльменского поведения на спортивных аренах растет, решительно осуждаются действия противоположного свойства.

Что же это за действия?

Советский бегун Владимир Куц, завоевавший две золотые медали на Олимпиаде в Мельбурне, рекордсмен мира в беге на 5 и 10 тысяч метров был знаменит тем, что нес на своих плечах всю тяжесть борьбы от старта до финиша. Однажды, уже завершив спортивную карьеру, Куц встретился со своим тренером Григорием Исаевичем Никифоровым.

— Тренер сидел мрачный, явно чем-то огорченный, — рассказывал нам Куц. — «Что случилось?» — спросил я его. «Да вот, почитай», — ответил Никифоров и протянул мне газету. Там было напечатано интервью с одним из молодых перспективных бегунов, который должен был стать моим преемником. Это был рассказ о соревнованиях, на которых от этого парня ждали рекорда. Рекорд, однако, не состоялся,

и молодой бегун так объяснил это журналистам: я, мол, в отличной форме и был уверен, что побью рекорд. Но никто из партнеров не стал мне помогать, вот ничего и не вышло. Никто не хотел вести бег в соответствующем темпе. Какой уж тут рекорд! Это интервью меня просто потрясло. Как-никак, я тоже бежал и не раз бил рекорды. До меня — Нурми и Затопек, после меня — Болотников и многие другие, но никому и в голову не приходило перекладывать бремя борьбы на чьи-то плечи! Это было бы безнравственно. Противники на дорожке никогда мне не помогали, наоборот, они либо замедляли темп бега, либо специально его взвинчивали, и я никогда на них за это не обижался, да и они не могли на меня обижаться за то, что я вел бег в своем темпе. На то она и борьба!

Таково мнение Владимира Куца. Как в свете сказанного им оценить всевозможные «режиссуры» забегов? Ведь сегодня мы частенько стали видеть забеги с участием так называемых «зайцев» — они бегут один или два круга со спринтерской скоростью, а потом преспокойно сходят с дистанции!

О другом способе добиться победы рассказал нам двукратный олимпийский чемпион в легком весе, многократный рекордсмен мира штангист Вальдемар Башановский:

— Никогда не забуду моей дуэли на Токийской олимпиаде с Владимиром Каплуновым. С самого начала у меня было преимущество, потому что я

весил на 300 г меньше него. То есть, если мы показывали одинаковый результат, мне доставалась золотая медаль, а ему серебряная. Однако в течение всей борьбы, девяти подходов к штанге, ни один из нас не пытался спровоцировать партнера, заставить его ошибиться. Мы сражались в открытую, безо всяких «штучек». Просто добавляли вес на штанге в тренировочном зале, потом выходили на помост, фиксировали подход и возвращались, говоря друг другу глазами: «А теперь ты сделай то же самое!» — а порой обменивались короткими, но полными уважения репликами: «Молодец!», «Здорово!» В троеборье мы оба показали 432,5 кг, и я выиграл у Каплунова именно за счет того, что весил на 300 г меньше — это полтора стакана воды, которую он уже не мог из себя «выжать», когда сбрасывал вес! И совсем другую борьбу я наблюдаю некоторое время спустя — соперничали двое, они считались друзьями. Дело было на чемпионате мира, один из тяжелоатлетов после удачного второго подхода в толчке, то есть в предпоследней попытке, сказал вдруг, что получил травму, и от последней попытки отказывается. Тогда его противник, фаворит чемпионата, который очень близко к сердцу принимал этот ожесточенный поединок с преемником, наступающим ему на пятки, позволил себе расслабиться и заказал на последнюю попытку минимальный вес, дающий ему победу. Он взял этот вес, и когда его уже начали поздравлять, якобы травмирован-

ный противник неожиданно заявил, что он чувствует себя лучше и воспользуется своей последней попыткой. Он стал чемпионом мира, его успех оказался огромной сенсацией. Но среди нас он никогда не пользовался репутацией настоящего спортсмена.

Раз уж речь зашла о всякого рода хитростях, то вот еще пример из практики западно-германской футбольной лиги. Там, как известно, играют довольно жестко. Игрок сборной ФРГ Капельман нашел ловкий способ дурачить защитников, против которых ему предстояло играть. Он подходил к ним перед матчем и говорил: «Здравствуйте, я Капельман. На этой неделе мне предстоит очень серьезный экзамен, от него зависит, останусь ли я студентом. Чтобы как следует подготовиться, надо быть в добром здравии. Так что давайте договоримся играть чисто. Очень вас прошу, отнеситесь к моей просьбе с пониманием!» Эти слова, конечно, сказывались на действиях защитников. А на следующий день газеты обычно писали: «Капельман делал с противником что хотел!» В конце концов защитники команд лиги разобрались в чем дело. Эта история была описана в 1975 году в еженедельнике «Штерн».

Есть еще одно испытание, через которое рано или поздно проходят все спортсмены. Это испытание — поражение! Не все могут с ним смириться, не все умеют проигрывать достойно. И уж никто не любит вспоминать о своих неудачах. Оставим этот разговор — вот

что обычно говорят спортсмены, когда их спрашивают о проигрыше и о том, что они в тот момент чувствовали. Можно поговорить о причинах, о совершенных ошибках, а вот о том, что чувствовали... Впрочем, по прошествии времени отношение человека к пережитому часто меняется...

Здесь мы хотим предложить вам воспоминания замечательной советской спортсменки Ларисы Латыниной, многократной чемпионки мира и олимпийских игр по гимнастике. Размышления о том, как относиться к поражению, связаны с ее преемницами и воспитанницами Натальей Кучинской и Ольгой Корбут. Латынина в то время уже была тренером и готовила женскую сборную Советского Союза по спортивной гимнастике.

С Ларисой Латыниной мы разговаривали в 1979 году, в канун Олимпийских игр в Москве. Уже тогда у нее был богатый тренерский опыт и блестящие результаты — ведь это она была одной из создательниц чудо-команды, команды девчонок, которые на Олимпийских играх в Мюнхене сказали новое слово в гимнастике, изумили весь мир.

За всю тренерскую карьеру у Ларисы Латыниной и ее помощницы, в прошлом главной конкурентки, Полины Астаховой самые серьезные проблемы возникали с двумя спортсменками: сначала с Натальей Кучинской, а потом с Ольгой Корбут.

Наталья Кучинская, лучшая в команде советских гимнасток в Мексике, уступила первое ме-

сто в многоборье — титул королевы гимнастики — чехословацкой спортсменке Вере Чаславской. Кучинская выиграла две золотые медали в упражнениях на снарядах, заняла второе место в многоборье и вывела свою команду на первое место в командном зачете — это был реванш за поражение от гимнасток Чехословакии в Токио. И все же Наташа плакала в раздевалке, была безутешной. Дело в том, что Наталья Кучинская была абсолютно уверена в том, что займет первое место в индивидуальном зачете. Она дважды выиграла предолимпийские состязания в 1966 и 1967 годах и покорила Мексику девичьей красотой, несмелой улыбкой, феноменальной грацией и отточенностью движений. Ее нарекли «невестой Мексики», все ее любили и обожали. «Помолвка», а точнее, коронация, должна была состояться во время Олимпиады, и мексиканцы ждали ее победы, всем сердцем желали ей успеха, но когда Наталья допустила промахи во время упражнений на брусках, разнервничалась и начала терять очки в других упражнениях, многие обожатели от нее отвернулись. Кучинская верила, что все будет поклоняться ей всегда, а немало таких болельщиков, которые любят только победителей. И вот это охлаждение, а также ураганные аплодисменты в адрес Веры Чаславской Наталья восприняла чересчур болезненно.

Пережить свое поражение она так и не смогла. Латынина повторяла ей: «Самый великий спортсмен может проиграть»,

тут нет никакого позора! Сделать из поражения нужные выводы — вот главное!»

После победы в Мексике Чаславска оставила спорт, Кучинская была моложе ее на семь лет, в спорте это целое поколение. У нее были все шансы с блеском продолжить свою спортивную карьеру. Кучинская, однако же, предпочла эту карьеру погубить: «Если спортсмен проигрывает как человек, это обязательно сказывается на его результатах», — сказала Латынина. Кучинская не смогла пережить свое поражение в Мексике и поэтому проиграла все.

ВЗГЛЯД ИЗ ЛОЖИ ПРЕССЫ

30 октября 1938 года американским радиослушателям пришлось изрядно поволноваться. С самого утра «говорящий ящик» вещал о нашествии марсиан на землю. Напряжение росло с каждым часом. Сообщения радиорепортеров, прерываемые музыкой, становились все более угрожающими: в штате Джерси появились неопознанные летающие объекты, какие-то неземные существа (все это подтверждалось показаниями свидетелей), а вот уже началась война. Возникла страшная паника, но потом оказалось, что радио передавало постановку по мотивам научно-фантастического романа Г. Уэллса «Война миров», написанного в конце прошлого столетия, и это было, пожалуй, величайшим надувательством в истории мирового радио. Переполух был такой, что передачу

пришлось прервать и дать разъяснение.

Марсиане не высадились на землю, но после этого случая всему миру стало ясно, какой силой обладают средства массовой информации и до какой степени с их помощью можно манипулировать настроениями масс.

Мы не случайно привели здесь этот знаменательный факт, ибо мы хотим сейчас поразмышлять над тем, насколько сложна концепция средств массовой информации в спорте и как она соотносится с попытками сделать спорт чище.

У журналистов, которые борются за чистоту спорта, есть значительные достижения. Журналисты, в частности вместе с прогрессивными деятелями других организаций, самым решительным образом выступали против расизма в ЮАР и добились того, чтобы эту страну исключили из числа участников олимпийских игр. Подобных примеров много.

Людей, чьим оружием труда являются пишущая машинка, микрофон и камера, едва ли упрекнешь в донкихотстве, когда они объявляют войну в защиту спортсменов, пытаются искоренить подлость и ложь, обнажают зло, одним словом, проливают свет на всякие щекотливые делишки и нарушения. Английская пресса считает делом чести вести борьбу с эпидемией, равной которой не было со времен средневековья, — речь идет о хулиганстве болельщиков на футбольных матчах. Даже самые элитарные журналы в пух и прах разносят теннисистов, чье поведение не

соответствует общепринятым нормам; ничего удивительного, что «испорченные дети» Настасе и Макинрой на берегах Темзы чувствуют себя не очень уютно. Этим публикациям вторят и многочисленные сообщения французских средств массовой информации, которые со всей строгостью клеймят ставшую повсеместной у велосипедистов практику — принятие допинга. На Апеннинском полуострове не закрывают глаза на аферы, связанные с футболом, и это испытал на себе призванный под знамена сборной после двухлетней дисквалификации Паоло Росси — звезда итальянского футбола, герой чемпионата мира в Испании. Американские газеты, радио и телевидение не стали замалчивать печальную и постыдную историю, которая закончилась пожизненной дисквалификацией рекордсмена мира в метании диска Бена Плакетта: в его организме нашли следы применения анаболических средств. Этот скандал привел к обширной дискуссии — как бороться с этой практикой, которая позорит и спортсменов, и доброе имя спорта. Время от времени возникают какие-то сенсации и в западногерманском футболе, обычно на финансовом фоне. И роль рентгеновского аппарата почти всегда играет пресса.

В авангарде борьбы за чистоту спорта идут журналисты социалистических стран. В свое время было подвергнуто резкой критике положение дел в болгарском и венгерском футболе. Нежелание тренироваться, полное равнодушие к результатам матчей, неспортив-

ное поведение, одним словом, наплевательское отношение к своему делу, не достойное члена сборной, — сначала против всего этого выступила пресса, сказали свое слово и профсоюзы, многие спортсмены были строго наказаны, дисквалифицированы, и главные команды этих стран были сформированы, по сути дела, заново. Советская пресса, в частности «Комсомольская правда» и «Советский спорт», всегда подчеркивает воспитательное значение спорта. В свое время и польская пресса остро и решительно выступала против переманивания спортсменов из одного клуба в другой, делая все возможное, чтобы защитить спорт от проникновения в него духа наживы и коммерции.

Мы упомянули некоторые популярные сюжеты, привлекающие внимание журналистов многих стран, но это лишь наиболее очевидные проявления их борьбы за чистоту спорта и, чтобы охватить эту тему целиком, потребовался бы многолетний анализ.

В этой борьбе спортивные журналисты добились успеха: благодаря их стараниям была создана международная организация, награждающая спортсменов за благородные поступки и за справедливое ведение борьбы. И хотя СИФП (Международный комитет по вручению наград «За чистую игру») был основан под эгидой Международного совета по физическому воспитанию и спорту (СИЕПС), существующего при ЮНЕСКО, факт остается фактом — инициатором была прежде всего Международная ас-

социация спортивной прессы (АИПС).

Тут мы подходим к занятному и коварному парадоксу. В одном из параграфов «Устава чистой игры» соавторы этого документа, представители прессы, придя к выводу, что средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование общественного мнения, далее утверждают:

«Журналисты должны отдавать себе отчет в том, какую роль они играют в воспитании общества. Между тем многие газетные статьи, радио и телекомментарию своим невыдержанным тоном способствуют разжиганию нездоровых страстей и не лучшим образом сказываются на духе спорта. Дело здесь, несомненно, в том, что чистая игра «меньше оплачивается», по сравнению с критикой и полемикой она менее привлекательная. С чистой игрой происходит то же, что и с любой добродетелью. Она не привлекает общественного мнения, которому требуются не столько положительные поступки, сколько сенсационные. Случается, журналисты даже высмеивают чистую игру, видят в ней пережиток, дошедший до нас из времен благородных рыцарей. Настал момент, когда необходимо выпрямить руль, иначе корабль затонет. Перед журналистами, которые формируют общественное мнение, стоят неотложные задачи, и от них ни в коем случае нельзя уклоняться. Задачи эти, безусловно, не простые. Например, в статье о матче на выезде порой приходится отмечать шо-

винизм местной публики или крайне предвзятое судейство. Такое сообщение, пусть даже вполне объективное, может вызвать у болельщиков желание отплатить той же монетой во время ответного матча. Так и комментарии в ходе радио- и телерепортажей по поводу судейства, если не сохранять хладнокровие и не соблюдать меру, могут привести к разгулу страстей, к нежелательной реакции со стороны зрителей. Это относится и к издателям газет, чьи поступки часто диктуются финансовыми интересами. Итак, следует подчеркнуть, что существует проблема воспитания журналистов, которым понятие «чистая игра» либо плохо известно, либо оно вызывает у них насмешку. Этой проблемой необходимо заниматься и на факультетах журналистики, и на курсах повышения квалификации, и в редакциях, и в профессиональных объединениях».

Как же удается прессе проводить в жизнь идею чистой игры, не на основе одной удачной воспитательной кампании, но и совокупности явлений, присущих сегодня спорту,— такому сложному, не поддающемуся однозначному определению?

Дело в том, что правила чистой игры утрачивают свою силу, когда приходит час решающего матча, чемпионата мира или олимпийских игр. Тогда оживает фетиш результата, рекорда, медали, успеха и победы — эдакий библейский змий-искуситель, перед которым не устояли Адам и Ева. Забыты все ценности, забыта объективность. «Чемпион должен выиг-

рзть!», «Рекордсмен не имеет права быть слабым!», «Мы ждем от тебя только победы!» Эти лозунги, от которых веет холодом, в пылу спортивной борьбы превращаются в аксиомы. Поражение воспринимается как катастрофа, хуже того — как конец света. Ты проиграл одну секунду — и независимо от твоего класса, от прежних результатов тебя ждут укоризненные взгляды и всеобщее осуждение.

Эту горькую чашу придется испить многим спортсменам. Неожиданно проиграв команде ФРГ со счетом 2:3 и завоевав «только» серебряные медали на чемпионате мира по футболу в 1954 году, блестящая «золотая» команда Венгрии возвращается домой тайком, чтобы болельщики не учинили над ними расправу. А тренеру, знаменитому Густаву Шебешу, приходится скрываться месяцами. На Олимпийских играх в Мексике во время предварительных забегов у женщин в эстафете 4×100 метров Ирена Шевиньская уронила палочку, и польская команда выбыла из соревнований. Тележурналист так ловко смонтировал слова партнерш знаменитой бегуньи, что у зрителей сложилось впечатление, будто олимпийская чемпионка уронила палочку нарочно.

Пока со страниц газет и журналов не исчезнут сенсационные определения и чрезмерное восхваление чемпионов, рекордсменов и победителей, пока в радиопередачах о спорте не перестанут звучать восторженные и гневные крики комментаторов и «сухая» ин-

формация, пока публицистика на телевидении будет ограничиваться лозунгами типа «Мяч круглый», пока средства массовой информации будут судорожно цепляться за устоявшуюся практику или концепцию видения спорта, — до тех пор спорт будет двигаться по проторенной дорожке, а какие-то одноразовые акции и отдельные полемические и глубокие комментарии и фельетоны ничего не изменят.

В конце этого раздела хотелось бы высказать еще одно замечание. Во время семинара, посвященного роли работников печати в деле роста международного взаимопонимания через спорт и организованного в 1971 году в Париже под эгидой СИЕПС, комментатор швейцарского радио Эрик Вальтер привел интересный пример того, как информация влияет на слушателей. Обычно скупые на эмоции швейцарские болельщики, слушая репортаж о футбольном матче, вдруг проявили небывалую агрессивность и обступили гостиницу, где жила команда противника. Пришлось прибегнуть к услугам полиции. Были опасения, что этим дело не кончится, но, к счастью, они оказались несостоятельными. Болельщики, бывшие на стадионе, спокойно разъезжались по домам и были крайне удивлены, услышав версию матча, которая излагалась по радио. Увы, комментаторы нередко искажают события на спортивной арене.

Один из классиков журналистского дела, издатель «Манчестер гардиан» Дж. Д. Скотт говорит, что «комментарий мо-

жет быть вольным, но факт — это святыня». Со временем эта классическая формула подверглась изменению — в арсенале современной западной пропаганды с успехом применяются приемы, которые позволяют на основе подлинных фактов создать ложную картину! Чтобы не ходить далеко за примером, вспомним случай, о котором здесь уже упоминалось: монтаж беседы с участницами спринтерской эстафеты, на последнем этапе которой Шевиньская уронила палочку. Бегуни давали объективные факты и вовсе не собирались нападать на свою подругу, результат же вопреки их воле оказался именно такой.

Мы живем во времена, когда «уже мало писать о правдивых фактах, важно писать о фактах правду».

Симпатии и антипатии, самолюбленность и упрямое отстаивание своей, не всегда верной точки зрения — все это порождает замену, собственно, отчет о соревнованиях. Помимо чистой игры на спортивной площадке существует еще и чистота журналистского репортажа. И стремление соблюсти эту вторую чистоту — вопрос чести не только для журналистов в частности, но и для всего спорта в целом.

Спорт — это не всегда победа. Частенько — это и поражение. И относиться к поражению надо правильно. Надо уметь проигрывать с достоинством. Если ты проиграл, значит, сегодня соперник был сильнее тебя. Такое философское отношение к спорту надо прививать людям еще в школе...

Спорт становится грубее, утрачивает себе гуманное начало — это очевидно. И дело не в том, что последние годы об этом все больше говорят и пишут, просто почти каждые крупные спортивные соревнования дают нам новые доказательства этого огрубления. И опять-таки неоднозначные. Речь идет о событиях на стадионе и за его пределами. Никто уже не прольет свет на убийство кубинского боксера Бернардо Парета («Бенни») 24 марта 1962 года на нью-йоркском ринге. Смертельные случаи в профессиональном боксе не такая уж редкость — во время боя либо вследствие полученных на ринге повреждений. Однако, как правило, всему виной какое-то необычное совпадение, случайный удар, застарелая травма, но желание физически уничтожить противника — никогда. Мы уже писали об этом, сейчас лишь напомним имена боксеров, славящихся джентльменским отношением к соперникам: это четырехкратный чемпион Европы Збигнев Петшиковский и ярчайшая звезда 70—80-х годов трехкратный олимпийский чемпион Теофило Стивенсон. Что же крылось за избиванием уже потерявшего сознание и висевшего на канатах «Бенни»-Парета, который буквально превратился в боксерскую грушу? Его противник — американец Джон Гриффит — нанес восемь страшных ударов в голову боксера, у которого уже не было сил защищаться. Это был их третий бой за звание чемпиона

мира. Сначала выиграл Парет, потом проиграл. Он уступил свой титул Гриффиту, и этот третий бой был решающим. Но неужели до такой степени, чтобы один боксер убивал другого? Ведь они хорошо знали друг друга, вели какие-то переговоры, встречались. Судья не прервал избивания в двенадцатом раунде, а толпа вопила и жаждала крови, потом этот бой был описан замечательным американским писателем Норманом Мейлером. Он потрясающе передал охватившее зал иступление, которое и привело к смерти одного из боксеров, и это своего рода уникальный обвинительный документ. Может быть, именно этот эпизод, происшедший на нью-йоркском ринге в 1962 году, историки следующего столетия будут считать поворотным пунктом, с которого началась эпоха вырождения спорта? А может быть, отсчет начнут вести с того жаркого августовского дня 1960 года, когда карета «скорой помощи» увезла с трассы командной велогонки на Олимпийских играх в Риме датского велосипедиста Кнуда Энемарка Йенсена? Не приходя в сознание, Йенсен скончался, и сначала решили, что причина смерти — солнечный удар, но вскрытие показало, что всему виной допинг. Произошло это на 66-м километре трассы, и команда Дании к тому моменту лидировала в гонке.

Итак, в обоих случаях к смерти привел допинг. В Нью-Йорке сыграло роль огромное эмоциональное давление со стороны зрителей, то есть боксеры оказались под воздейст-

вием психологического допинга. Ну а в Риме к фатальному исходу привел допинг химический. Опытные велосипедисты прекрасно знают, чем может кончиться применение допинга, который, по сути, не что иное, как яд, только искусно выбрана дозировка. Разумеется, каждый велосипедист, применяющий допинг, считает, что с ним-то никакой трагедии не произойдет, но все они знают, что придется расплачиваться. Рвотой, страшной слабостью, подавленностью и жутким состоянием. И все же многие велосипедисты, как и люди, которые дают им эти таблетки, не колеблются ни секунды. В профессиональном велоспорте, где первое, да и все последующие места имеют конкретную финансовую стоимость, принятие допинга можно, по крайней мере, понять, но когда допинг принимают любители в гонке за звание олимпийского чемпиона, когда происходит это через несколько дней после того, как в торжественной обстановке на большом стадионе все участники поклялись бороться честно и чисто, не нарушая правил, этот факт приобретает трагическое звучание.

Мы пишем здесь о чистой игре, без которой спорт утратит свою магию, свое очарование. Чтобы его сохранить, нужно сначала ясно себе представить масштабы опасности. Распознать их и определить. Иначе противостоять опасности будет очень трудно. Ссылкой на положительные примеры, идеалы многого, к сожалению, не добьешься. Они, разумеется, нужны, но ведь грешники

не перестали грешить от того, что есть святые, так и в спорте пропаганда рыцарских жестов сама по себе не отобьет желания нарушать правила и стремиться победить любой ценой.

Часто на стадионах Запада прокладывает себе путь поток ненависти. Безобразия, творящиеся на этих стадионах, переходят все границы. Не будем ссылаться на знаменитую «футбольную войну» между Гондурасом и Сальвадором. Там все обстояло наоборот. Отношения между двумя государствами уже давно были напряженными, а неверное решение судьи и проигранный в результате матч стали всего лишь предлогом для того, чтобы нажать спусковой крючок,— войска все равно уже стояли на границе. Эксцессы во время футбольных матчей на первенство Англии не кончаются на трибунах. Примеров масса. Толпы болельщиков растекаются по городу, громят магазины, разбивают машины, потом ломают вагоны поездов, в которых разъезжаются по домам. Британская железная дорога уже привыкла к потерям, подобным той, какую она понесла в 1975 году, когда возвращавшиеся домой болельщики лондонского клуба «Челси» исковеркали поезд, повыбрасывали сиденья через окна. Заодно они вломились в почтовый вагон и сожгли мешки с письмами. На несколько часов остановилось движение между Лондоном и Лутоном. Одно это приключение обошлось в сто тысяч фунтов! Стадионы в Бельгии и Голландии напоминают крепости. Выход из разде-

валки на поле, как правило, не огорожен, а зарешечен, чтобы судьи и футболисты не подверглись оплеванию и прочим формам самосуда. На матчах местных команд болельщики обычно ведут себя спокойно, но когда в рамках международных кубков предстоит встреча с английской командой, поддерживать которую приезжают экскурсионные группы болельщиков, тут-то и жди сцен из Дантова ада. Одетые в яркие костюмы и очень симпатичные перед матчем, группы английских и шотландских болельщиков после поражения своей команды превращаются в сеющие уничтожение карательные отряды. Их выступления остаются в памяти гораздо дольше, чем матчи, на которые они приехали.

Во Франции и Италии хулиганство в связи с футболом еще не достигло таких размеров, как в Великобритании, но и там оно вот уже несколько лет представляет собой серьезную проблему. На матчи корсиканских клубов «Бастиа» и «Аяччо», а также «Олимпика» из Марселя без кастета и ножа вообще не ходят. В Италии полиция без колебаний применяет слезоточивые газы для приведения болельщиков в чувство. Во время телетрансляции финальных встреч чемпионата Европы в июле 1980 года это мог видеть весь мир. Облака газа, которым пытались успокоить разбушевавшихся болельщиков, опустились на футбольное поле, и организаторам пришлось прервать матч, потому что у футболистов стали слезиться глаза.

Сколько еще таких беспрецедентных ситуаций нам предстоит пережить?

Возникает вопрос: эти фанатики приходят на футбол, потому что их интересует спорт или только исключительно победа? Спорт — это борьба, в которую втянуты и участники и зрители. Где та граница, за которой эмоции перечеркивают сам смысл борьбы? Происходящее на стадионе можно толковать двояко: первое — акцент делается на всеобщее братство и чистую игру, олимпийскую концепцию о том, что будь спорт достаточно чистым, он стал бы важнейшим фактором в развитии цивилизации; второе — нужна только победа, а спорт есть инструмент, с помощью которого можно быстро добиться цели, даже если цель эта — вызвать вспышку фанатизма.

Есть причины, чтобы задуматься: а если современный спорт лишит его фанатизма, будет ли он таким, каким есть сегодня, а именно: завораживающим весь мир и привлекающим внимание миллионов людей? Может быть, именно в этом, охваченном фанатизмом спорте под воздействием зрителей, орущей толпы, криков «бей чемпиона!» и возникают ситуации, когда боксеры на ринге теряют контроль над сериями своих ударов, а олимпиец глотает таблетку, которая вместо золотой медали приносит ему смерть? Нет сомнения, что суть подобных эмоций — в самом спорте, они неизбежны при борьбе, конкуренции. Как же тогда можно говорить о чистой игре и требовать от

спортсменов благородных поступков?

Выдающихся спортсменов последнее время все чаще называют гладиаторами, а олимпийские игры сравнивают с теми, что проходили не в Олимпии, а в Колизее. Это вопрос особый, и разговор о нем дальше. Пока что нас интересуют только зрители, болельщики.

Болельщики во всем мире становятся более буйными. И это буйство оказывает свое влияние на то, что происходит на спортивной арене во время матча, в ходе борьбы. И не важно, что разыгрывается: звание чемпиона города или олимпийская медаль. Именно такое поведение зрителей в первую очередь огрубляет спорт, лишает его гуманного начала, хотя корни последнего явления гораздо глубже, тут играет свою роль и много других факторов.

Социологи тщательно исследовали и разложили по полочкам причины, приведшие к тому, что зритель стал более буйным. Об этом написано много работ. В основе этого явления лежит отождествление болельщиков с соперничающими сторонами, зачастую шовинистический угар, как бы компенсирующий их собственные психические и физические слабости. Человеку, который ни разу в жизни не ударил по мячу или не пробежал 5 километров, трудно понять, что это, возможно, совсем не просто. От малых эксцессов дело доходит до грандиозных боищ, когда при больших скоплениях народа начинает

действовать психология толпы, и люди ощущают, с одной стороны, полную анонимность, а с другой — полную безнаказанность. Мы привели здесь примеры из бокса, велоспорта и главным образом футбола. Но буйство трибун — это вовсе не привилегии футбола. Трибуны влияют на спортсменов во всех видах спорта.

Как помешать растущему буйству зрителей и конфликтам на трибунах? Неужели единственный путь — увеличить число блюстителей порядка, активнее использовать полицию, усилить профилактические и репрессивные меры? Но этот путь малоэффективен. Замена стадионов на обнесенные колючей проволокой оборонительные сооружения сильно провоцирует болельщиков, а вмешательство блюстителей порядка часто приводит к настоящим битвам с монолитной массой болельщиков, только что атаковавших друг друга. Поведение зрителей отражает состояние культуры в обществе. Прежде всего нужно лечить само буржуазное общество, повышать его культурный уровень, а одновременно устранять воспалительные очаги на трибунах, выкорчевывать рассадники зла, избавляться от подстрекателей. Это всего лишь обобщенные указания, но в каждом крупном спортклубе есть организаторы соревнований, службы, отвечающие за порядок, и для них эти обобщенные указания звучат вполне конкретно. Подготовка к каждому матчу — целое событие. Надо стянуть к стадиону служ-

бы охраны общественного порядка, организовать безопасный проход для болельщиков, определить пункты контроля, проверить состояние барьеров, отделяющих трибуны от поля, и так далее. Наряду с этой обязательной организационной деятельностью хотелось бы вспомнить об одной польской инициативе, призванной противодействовать отрицательным явлениям, нередко возникающим на трибунах.

В конце шестидесятых годов группа спортивных журналистов пришла к выводу, что пути к повышению культуры спортивного зрелища следует искать среди самой зрительской аудитории, на трибунах. Важно, чтобы зритель лучше понимал происходящее на спортплощадке, для этого он должен лучше разбираться в правилах, в трактовке игры судьями, быть в курсе того, что происходит в клубах и командах, ближе знать спортсменов, уметь их правильно подбадривать.

Провести эту программу в жизнь было не так просто, потому что зрительская аудитория всегда спонтанна, состав ее каждый раз новый, поэтому организовать и навязать ей какой-то стиль — дело довольно трудное. Пусть лозунг очень толковый, и его удобно скандировать, он все равно проигрывает самому заурядному выкрику, если зрители недовольны игрой своей команды. Тем не менее спортклубы поначалу неохотно, а потом все с большей заинтересованностью начали завязывать контакты с группами болельщиков, орга-

низовывать их встречи с судьями, спортсменами и, наконец, создавать клубы болельщиков. На первом этапе было много недоразумений — если на трибунах возникали какие-то беспорядки, ответственность за них возлагали на клубы болельщиков, что, разумеется, было абсурдом. Ведь нельзя же всех любителей поскандалить, надевших продающиеся на каждом углу шапочки, шарфики или майки с цветами клуба, отождествлять с клубами болельщиков. Наоборот, именно члены этих клубов начали тщательно разрабатывать способы поддержки своей команды, оставались ей верны даже в минуты неудач, останавливали нарушителей порядка. В середине семидесятых годов клубы болельщиков были организованы почти при ста спортклубах. И результаты не замедлили сказаться — повысилась зрительская культура в Кракове и Мелеце, улучшилось положение в Познани и Варшаве, где на стадионах то и дело происходили возмутительные происшествия. Положение изменилось в лучшую сторону, но это не означает, что теперь так будет всегда. Настроения болельщиков меняются, зависят от многих причин. Стали проводить ежегодные съезды членов болельщических клубов. Интересно, что не было создано никакого органа в масштабе страны, никто не выбирал председателя, не предпринимались попытки как-то официально отрегулировать движение болельщиков и, несмотря на это — а может быть, благодаря этому, — на каждый такой

съезд начиная с 1975 года приезжали представители всех клубов. На съездах шла речь как о хороших, так и о плохих примерах, проходил интенсивный обмен опытом. За многолетнюю деятельность, направленную на повышение культуры зрителей спортивных состязаний, основатель польских клубов болельщиков Гжегож Александрович — первый и пока что единственный журналист — получил почетную награду ЮНЕСКО «За чистую игру».

Спорт — крайне сложный социальный феномен. Еще Пифагор обратил внимание на то, что Олимпийские игры имеют тройственный характер: одни приходят, чтобы бороться, другие — чтобы смотреть, третьи — чтобы купить и продать. В последние годы спортом все чаще управляют деньги, превращая его в шоу-бизнес. А детонатором становятся средства массовой информации во главе с телевидением, склонные раскачивать общественное мнение, а в некоторых случаях и провоцировать истеричные настроения. Управляемая реакция становится привычкой. Возможно, мы несколько сгустили краски, но ведь спорт действительно вызывает к жизни огромные, спонтанные, непредсказуемые силы, непредвиденную реакцию.

Огромный всемирный театр спорта, а также принятые в нем законы — это отражение современного мира. Достаточно включить телевизор, посмотреть программу новостей, — и вы сразу поймете,

сколько в современном мире жестокости, зла и насилия.

Так что же, олимпийские игры должны превратиться в резню? Ни в коем случае! Любой вид спорта формирует характер, учит трудиться, вести борьбу чисто, в рамках правил. Спорт — не молах, который велит слепо себе поклоняться, это живой организм, прекрасный инструмент для формирования воли, он дает разумным обществам уникальную возможность. Спорт — это путь к совершенству, физическому и нравственному. В человеке извечно живет стремление к справедливости, к победе в честной рыцарской борьбе.

ФЕМИДА НА СТАДИОНЕ

— Боюсь, если бы я был только спортсменом и воспринимал жизнь лишь на основании спортивного опыта, я не мог бы компетентно обсуждать вопрос о гуманизме в спорте. В моей спортивной карьере — а я защищал честь сборной Польши по баскетболу, был олимпийцем — гуманизм в спорте проявлялся до и после соревнований, а во время самих матчей дело с ним обстояло хуже. Чересчур часто за мной охотились по всей площадке, как за зайцем, а порой охотиться приходилось и мне!

Эти слова произнес доктор Ежи Млынарчик на научной конференции, посвященной проблемам гуманизма в спорте, она состоялась в Гданьске в 1972 году. Ежи Млынарчик долгие годы играл в баскетбол, защищал честь сборной стра-

ны, в составе этой команды он занял 7-е место на Олимпиаде в Риме в 1960 году. Параллельно со спортивной карьерой он получил высшее юридическое образование, начал работать ассистентом в Высшей экономической школе в Сопоте, в университете имени Николая Коперника в Торуне защитил докторскую диссертацию по морскому праву, стал доцентом, известным правоведом. В этом качестве он и выступал на упомянутом форуме. О взглядах доктора Млынарчика на эту проблему поговорим чуть позже, здесь же, чтобы представить его как можно полнее, добавим, что он был президентом города Гданьска в очень трудные для Польши 1980—1981 годы и прекрасно справился с возложенными на него обязанностями. Последние годы занимал пост директора Морского института в Гданьске. Все эти достоинства Ежи Млынарчика были отмечены и за границами Польши. В 1984 году Млынарчик получил награду имени Зиверта, которую вручает бывшим олимпийцам международная ассоциация «Олимпиад интернешнл» за выдающиеся достижения на профессиональном и общественном поприщах. Эта награда вручалась президенту Финляндии Урхо Кекконену, американскому сенатору Бобу Мэтиасу, доктору Роджеру Баннистеру, председателю комитета награды «За чистую игру» Жану Боротра.

Доктор Млынарчик всегда подчеркивал исключительно сильные связи между спортом и правоведением. Это очевид-

но — ни одно спортивное состязание не может состояться без судей. Стало быть, именно судьи — самые главные фигуры на спортивных аренах, они стоят на страже правил игры, трактуют их. Вообще, весь спорт опирается на правовые положения. Человек, желающий заниматься спортом, с первой же минуты сталкивается с разными правилами, его действия строго оговорены. Кстати, уставы спортивных клубов и команд определяют условия принадлежности к этим клубам, ограничивают право перехода из одного клуба в другой. В правилах конкретных видов спорта, спортивных игр точно сказано, что можно делать, а что нельзя. Что там говорить, спортивное законодательство простирается за пределы клуба и спортплощадки, оно затрагивает и сферу личной жизни. Любой спортсмен должен вести умеренный образ жизни, не употреблять алкоголь, не устраивать скандалов, потому что, не говоря уже о себе самом, он компрометирует клуб, сборную команду и так далее.

Помимо существующих и обязательных для всех общечеловеческих законов, установленных Конституцией или соответствующими кодексами, на спортсмена налагаются особые, дополнительные обязательства.

Раз в спорте существуют правила, которые необходимо выполнять, значит, есть и целая система воспитательных мер и наказаний. Дисквалификацией наказывают спортсмена, который без согласия сво-

его клуба начинает выступать за другой, желтой карточкой — предупреждением — наказывают допустившего серьезное нарушение футболиста, если же он совершает особо грубый или вызывающий поступок, ему показывают красную карточку, то есть удаляют с поля. Теряет очки боксер, получающий предупреждение за недозволённый удар, штрафные минуты прибавляются велосипедисту, который позволил себе прицепиться к автомашине и ехать за ней на буксире, и так далее. Наконец, пожизненно дисквалифицируют спортсменов, совершивших недостойный поступок, за который их привлекают к гражданской или уголовной ответственности.

Не случайно первый председатель Верховного суда ПНР в шестидесятые годы профессор Збигнев Ресих утверждал, что «спорт является одним из лучших средств, позволяющих выработать дисциплину, что спорт служит делу воспитания».

Нам, журналистам, кажется: феномен спорта основан именно на том, что молодежь, зачастую ко всему относящаяся критически и не терпящая жесткой дисциплины, здесь, в спорте, готова подчиниться правилам игры вполне охотно.

Свои правовые конфликты спорт разрешает сам. Бывает, однако, что эти конфликты выходят за пределы спортивного законодательства. Возникает также вопрос: является ли нарушение правил в спорте нарушением законов, обязательных для всех? В каких случаях

можно и нужно правовое вмешательство извне?

Когда спортсмен совершает какой-то проступок в ходе соревнований, на спортплощадке, едва ли надо прибегать к помощи судов и государственных юридических органов — у спорта есть собственные разработанные законы, есть органы, стоящие на их страже. Имеются правила для всех спортивных игр и видов, уставы спортивных клубов, судейские коллегии, следящие за тем, чтобы соревнования проводились по правилам, кассационные и дисциплинарные комиссии. Между тем в процессе спортивной борьбы частенько возникает ситуация, когда на спортплощадке должна бы появиться Фемида. Попробуем посмотреть на спорт и с этой стороны, тем более что большинство таких случаев — за исключением неблагоприятных совпадений — вызвано не просто отступлением от правил ведения спортивной борьбы, но и отказом вести игру чисто. Если бы виновные стремились соперничать честно и благородно, этих случаев могло бы вовсе не быть.

В июле 1971 года во время футбольного матча в Валбжихе между местными «Заглембем» и «Хойновянкой» (первенство Польши по классу «А») был травмирован вратарь Рышард Йохим, причем уже на первой минуте игры. Нападающий «Хойновянки» В. Г., нарушая правила, атаковал бросившегося под мяч вратаря и ударил его по голове. На следующий день в результате общего сотрясения мозга вратарь Ры-

шард Йохим скончался в больнице.

Дело было передано в суд и вызвало в Польше огромный резонанс. Судебный процесс в валбжихском уездном суде продолжался 5 дней, было заслушано 60 свидетелей и экспертов. Суд приговорил В. Г. к двум годам тюремного заключения условно на период три года, а также на три года запретил ему играть в футбол.

Подобный процесс состоялся в Польше впервые, и перед судом стояла нелегкая задача. Дело осложнялось тем, что за день до матча посланники «Хойновянки» пытались подкупить вратаря «Заглембя» Д. В. Но Д. В. не поставили на игру, он сидел на скамейке запасных, а место в воротах занял молодой Рышард Йохим. Д. В. встал в ворота, только когда Йохим получил травму и был увезен в больницу каретой «скорой помощи». Насколько тяжело состояние Йохима, никто не знал, и матч был продолжен...

Суд должен был дать ответ на вопросы: повлияла ли попытка подкупить вратаря Д. В. на происшествие во время матча, приведшее к тяжелой травме вратаря Йохима на первой же минуте с тем, чтобы в ворота встал второй голкипер, которого уговаривали пропустить несколько нужных для победы «Хойновянки» голов? Кто был виноват в столкновении нападающего и вратаря? В. Г. атаковал вратаря Йохима не по правилам или же вратарь сам пошел на неоправданный риск и кинулся под

ноги бегущему с мячом противнику?

Это был крайне трудный процесс, основанный на косвенных уликах, свидетели давали противоречивые показания, а уж определить, как именно произошло столкновение двух спортсменов, оказалось совсем невозможно, тут помогла бы только киноплёнка, но никто, разумеется, съёмку этого матча не вел. Суд, зачитывая приговор, подчеркнул, однако, что в этом необычном деле о непредумышленном убийстве занимает столь суровую позицию, потому что спортивные состязания всегда должны проводиться в духе рыцарского соперничества и служить здоровью соревнующихся, в данном же случае атмосфера, предшествовавшая матчу за переход в более высокую лигу, да и сам ход матча не отвечали этим требованиям, а, напротив, решительно им противоречили.

За три года до происшествия в Валбжихе издательство «Спорт и туристика» выпустило очень интересную книжку польского правоведа профессора Ежи Савицкого «Риск в спорте», где он рассматривает разные правовые аспекты занятий спортом и возможные последствия этих занятий. Профессор Савицкий привел список громких дел (не уступающих валбжихскому), только речь шла о регби во Франции и футболе в Италии. В приведенных автором примерах судьи в первой или второй инстанции выносили оправдательный приговор, потому что виновных нельзя было при-

влекать к ответственности,— в данных обстоятельствах они просто не могли не выйти за рамки правил. Разумеется, трудно подсчитать, сколько метров отделяли от мяча нападающего и вратаря, которые в соответствии не с правилами, а с духом игры стремились один забить мяч в ворота, а другой помешать этому любой ценой. Выходит, спортивные правила в таких ситуациях оказываются недостаточными и не годятся для судов, которые, вынося приговоры, хотя и на эти правила опираются. Куда важнее здесь намерения спортсменов, но ведь и дурные намерения можно позднее объяснить накалом страстей. И доказать наличие злого умысла практически невозможно. Выход, по сути дела, один — у каждого спортсмена должна быть внутренняя потребность играть чисто. Именно такая потребность руководила действиями Влодзимежа Любаньского во время отборочного матча между Польшей и Данией в Копенгагене в 1977 году, когда каждый гол ценился на вес золота. И именно в такую минуту форвард перескочил через бросившегося ему под ноги вратаря. Кто-то из фоторепортеров поймал этот эпизод, благодаря чему Влодзимеж Любаньский получил поздравительное письмо от комитета при ЮНЕСКО, присуждающего награды «За чистую игру». Когда мы спросили Влодзимежа, не было ли ему жаль упущенного момента, не боялся ли он возможных претензий со стороны тренера и одноклубников за то, что не

воспользовался реальной возможностью забить гол, он ответил, что ни о чем таком просто не думал. Ведь вратарь, вступивший в непосредственный поединок с нападающим, совершенно незащищен, он бросается голыми руками под ноги, одетые в бутсы с крепкими шипами, и если чуть-чуть промахнется, удар нападающего придется не по мячу, а по вратарю. «Я просто не мог поступить иначе, и никто не может быть на меня за это в претензии!» — сказал Любаньский.

Но разве закон вмешивается в дела спорта лишь в случаях непосредственных столкновений между спортсменами или трагических последствий? Нет. Одной из наиболее противоречивых спортивных дисциплин был и остается бокс. Парламенты и суды многих стран вмешивались в проблемы бокса, регулировали принятые в нем правила и даже, как это было какое-то время в Швеции, запрещали заниматься этим видом спорта. Но это случай особый, достаточно о нем лишь упомянуть. Зато нам кажется очень интересной решительная позиция судов ряда стран по отношению к допингу. Независимо от чисто спортивных санкций и дисквалификации применение допинга с целью достичь лучших спортивных показателей в Бельгии и Франции карается в судебном порядке. В Бельгии такой закон принят в 1965 году, во Франции — год спустя. Во Франции за применение допинга предусмотрено тюремное заключение от месяца до года, а также штраф от 500 до

5000 франков. Данные антидопингового контроля, проведенного спортивными властями, считаются официальными для судов, поэтому следом за общественным обвинением спортсменов, принявших допинг, автоматически начинается следствие.

В Бельгии и Франции очень развит профессиональный велоспорт, там проходит множество велогонок, и применение допинга стало там поистине чудом, оно влечет за собой смертные случаи и другие трагические последствия. Правительства этих государств пришли к выводу, что меры, принимаемые спортивными властями, явно недостаточны, и решительно вмешались в происходящее на спортплощадках, начали применять к нарушителям строгие санкции.

Этот шаг можно только приветствовать. Допинг — это самая страшная зараза в спорте, он уничтожает спорт и физически и морально. Существует целый арсенал возбуждающих средств — список запрещенных фармакологических препаратов перевалил за 4000 наименований, все они сдвигают естественные границы нормальной деятельности организма, будоражат воображение, снимают возникающую в результате перегрузок боль, нещадно эксплуатируют организм и в конечном счете ведут к разрушению. Допинг извращает смысл спорта, перечеркивает саму его суть — изначальное равенство шансов противоборствующих сторон; умение сосредоточить волю и мобилизовать для победы все

физические и духовные силы заменяется искусственным возбуждением, нередко бессознательной ненавистью к сопернику. Допинг превращает спортсменов в штампованные автоматы. А наука ведь не стоит на месте. После средств, действующих на нервную систему, появились так называемые анаболические стероиды, они стимулируют ускоренный рост мышечной массы, а это имеет принципиальное значение в силовых видах спорта (метания в легкой атлетике, штанга, гребля и так далее), обратное переливание крови, электронный массаж, который стимулирует рост мышц и заменяет интенсивные тренировки.

Остается еще вопрос о том, как взаимосвязаны наказания, которые выносят спортсменам суды, с одной стороны, и дисциплинарные комиссии при клубах или спортивных федерациях — с другой. Спортивные инстанции наказывают обычно куда строже. Например, за поступок, позорящий честь спортсмена, суд приговаривает его к году тюремного заключения, а дисциплинарная комиссия дисквалифицирует пожизненно! В спорте это, по сути, означает смертную казнь, ибо нарушитель изгоняется из спорта навсегда. Мы против пожизненной дисквалификации в спорте. Не только потому, что она противоречит самой сути спорта. В социалистическом обществе основной акцент делается на воспитательный характер наказания, его педагогическую сторону. Конечно, есть особо тяжкие преступления, измена, за кото-

рые виновным нет пощады, но в спорте случалось, что молодой двадцатилетний парень, совершивший хулиганский поступок, например побивший ни в чем не повинных прохожих, — за что по приговору суда получил соответствующее наказание — был дисквалифицирован пожизненно. И что же дальше? Отбыв наказание, он восстанавливается в своих гражданских правах, а занятия спортом — неотъемлемая часть этих прав. Конечно, не каждый заслуживает, чтобы ему доверили защищать цвета клуба, пусть даже он прекрасный футболист или боксер. Дело, однако, в том, что выдача «вольного билета» в спорте перечеркивает всю воспитательную работу, которая проводится в интересах общества.

Это не просто теория. История польского спорта знает случаи, когда молодых людей незаслуженно подвергали пожизненной дисквалификации. Потребовалась кампания в прессе, чтобы отменить одно такое решение, но только время, а не золотая олимпийская медаль, добытая сразу после возвращения на ринг, — только время показало, насколько педагогически верным был этот шаг. Когда перед героем этой драмы снова открылись двери в спорт, он изменился, почувствовал себя полноправным членом общества и общество получило достойного гражданина.

Этот пример — позволим себе опустить имя этого человека, оно слишком хорошо известно — прекрасно иллюстрирует тезис о дисциплинирующе-

щем значении спорта. Закончим этот раздел словами профессора Ежи Савицкого, сказанными в интервью для газеты «Штандар млодых»: «Спорт — это прекрасная школа общественной дисциплины, значение его неизмеримо, радиус действия огромен. И не случайно именно в спорте родились широко известные понятия «чистая игра» и «грязная игра». Спорт учит владеть собой, развивает чувство ответственности, умение работать в коллективе и многому другому из того, что так необходимо в отношениях между людьми». Здесь нечего ни прибавить, ни убавить.

КУДА ИДЕТ СПОРТ!

Известный в пятидесятые годы горнолыжник, обладатель трех золотых медалей зимней Олимпиады в Кортина д'Ампеццо Тони Зайлер готовил австрийских лыжников к Олимпиаде в Инсбруке, шел 1976 год. Желая поднять боевой дух спортсменов, он решил показать им фильм о своей победе, снятый двадцать лет назад. Фильм, однако, произвел прямо противоположный эффект.

— Скажи, Тони, почему при таком темпе езды ты не читал газет? — пошутил один молодой лыжник, и эта шутка была еще относительно безобидной! Об этой истории, не жалея красок, написал швейцарский журнал «Спорт», потом ее подхватила вся спортивная пресса, и не было хватки в грустных размышле-

ниях по поводу того, как быстро развивается спорт и как все в нашем мире относительно: еще недавно мастерство Тони Зайлера всех приводило в восторг, а сегодня...

Действительно, каждый год на нас сыплется град рекордов, все выше поднимается спираль спортивных достижений, все чаще задается вопрос: куда идет спорт?

Ставя этот вопрос здесь, мы не имеем в виду сторону чисто физическую: где предел человеческих возможностей, сколько еще секунд можно отнять у рекорда? Нет, нас интересуют проблемы морального свойства. Может быть, наш вопрос надо сформулировать иначе: каким ценностям будет служить спорт в будущем?

Хватает предсказаний, полных пессимизма.

Апокалипсическую картину нарисовал американский романист Уильям Харрисон в рассказе «Роллербол», по которому был поставлен нашумевший одноименный фильм. В рассказе и фильме речь идет о судьбе идола роллербола, самого популярного вида спорта в двухтысячные годы. Роллербол — это новый вид спорта, в основе которого избиение и даже убийство противников на арене. За мяч, летящий со скоростью пушечного снаряда, сражаются команды, в каждой — игроки с палками, на роликах и на мотоциклах. Поле отделено от трибун бронированным прозрачным колпаком. В состязании действуют правила «хватай как можешь», то есть правил нет вовсе. Считаются только завоеванные оч-

ки, трещат кости и коленные чашки, льется кровь...

В западноевропейской и американской прессе часто встречаются рассуждения о будущем спорта. Предсказания эти носят, как правило, зловещий характер. Каждый четыре года парижский «Монд» задает после олимпийских игр вопрос: «Пришел ли конец олимпийским играм?» В некоторых интеллектуальных кругах существует убеждение, что законы спорта признают насилие, даже его поощряют, отсюда и определенная неприязнь к спорту, стало быть и отрицательные прогнозы.

Неужели спорт действительно будет развиваться в направлении, какое предсказывают его противники, то есть станет еще более грубым, начисто лишится гуманного начала? В нашей книжке мы не уклонялись от описания отрицательных явлений, но, когда речь идет о будущем, нужно рассматривать все функции — в том числе и социальную — и тенденции спорта. Вот несколько очевидных истин. В наше время все чаще побиваются рекорды, уровень результатов поднимается все выше, но есть и другое симптоматичное явление — снова возросла роль спорта как вида отдыха. Когда-то в XIX веке у людей возникла потребность в физических упражнениях и как грибы после дождя стали возникать самые разнообразные атлетические, велосипедные, гребные общества, было организовано международное гимнастическое движение в огромных масштабах, прокладывая доро-

гу для спорта вопреки настроям мещан и обывателей. То же самое происходит и теперь: все вдруг поняли, что можно ездить верхом и кататься на лыжах, играть в теннис и бегать на длинные дистанции не для медали, а ради собственного удовольствия и здоровья. Сейчас к спорту тянутся все, спорт снова вошел в моду. Можно не сомневаться, что мода сменится еще не раз, но массовость спорта будет лишь возрастать, и не только потому, что у людей станет больше свободного времени, а цивилизация выйдет на новые рубежи, главное в другом — у людей будет потребность противопоставить что-то издержкам цивилизации.

Растет угроза окружающей среде, вокруг нас все больше болезненных явлений, начиная от неправильной осанки и сколиоза у детей и кончая инфарктами и склерозом, и роль физического воспитания в обществе безусловно повысится, ибо это лучшая форма профилактики. Мы уверены, что большой спорт не превратится в цирковое зрелище для миллионов разленившихся обывателей, он будет опираться на все растущие массы людей, которые в спорте будут находить удовлетворение собственных потребностей.

Противники спорта утверждают: тотальные тренировки приведут в будущем к тому, что клубы или спортивные объединения превратятся в концлагеря. Но тотальная тренировка — вещь не новая, и хорошо известно, что физические возможности повышают-

ся не за счет количественного роста или интенсивности упражнений, а за счет быстрого и полного восстановления сил. Важно также искать средства, которые позволяют заменить трудоемкие, изнурительные тренировки на какие-то другие упражнения, занимающие меньше времени, но более интенсивные.

В большом спорте наверняка будет использоваться опыт, выработанный в процессе тренировок и питания космонавтов. Во время Олимпийских игр в Москве один советский журналист говорил, что в гребном спорте партнеров скоро будут отбирать по методике, разработанной для космонавтов,—принимая во внимание не только физические данные, но и характер спортсменов.

Возрастет влияние науки на спорт в целом. В 1974 году журнал «Спорт в СССР» опубликовал анкету о том, каким будет спорт в 2000 году. Профессор Пражского университета Владимир Костка тогда ответил, что сильно возрастет влияние биохимии, значительно улучшится охрана здоровья спортсменов, снизится число травм. А профессор Института физкультуры в Москве Николай Озолин в той же анкете заметил, что электронная и мини-измерительная аппаратура в будущем позволит тренерам более точно определять усилия, затраченные спортсменами.

Известный венгерский спортивный врач, заведующий кафедрой медицины Высшей школы физического воспитания в Будапеште профессор

Роберт Франкль в своей книге «Спорт будущего столетия» четко сформулировал эволюцию спортивной медицины за последнее время: «За прошедшие пятнадцать лет в спортивной медицине наступили существенные перемены. Суть их в том, что спортивный врач в первой половине нашего века занимался лечением травмированных и заболевших спортсменов, теперь же наряду с этими обязанностями, вернее, не «наряду», а прежде всего перед ним стоят другие задачи. Теперь спортивный врач помогает спортсмену обрести оптимальную форму, следит за его физическим состоянием, за его образом жизни. Спортивный врач теперь работает не в кабинете, а на тренировочной площадке. Мало того, процедурные кабинеты теперь уступают по важности лабораториям, в которых ведутся биологические, биохимические и биомеханические исследования на базе данных, собранных во время тренировок».

Венгерский ученый написал эти слова незадолго до начала Игр XXII Олимпиады в Москве, которую публицисты, спортивные деятели и врачи позднее назвали первой медицинской олимпиадой. Эта формула, однако, возникла не в связи с какой-то враждебностью к месту олимпийских игр, она не носила агрессивного и уничижительного характера по отношению к спорту. Она объяснялась тем, что на этой олимпиаде было множество врачей, а в ходе длительной подготовки к ней новейшие открытия медицины

использовались гораздо более широко, нежели раньше.

В Москве можно было заметить много особенностей, не встречавшихся на предыдущих олимпиадах. Даже высокие носки не помогали спринтерам из некоторых стран скрыть круглые красные следы на ногах — следы от электродов, которыми стимулировались мышцы. Эти процедуры прекрасно заменяли тренировку, не мучая спортсменов перед стартом. Несколько команд — в том числе и польская — для лечения травм применяли лазерную технику, заимствованную в клиниках. Много говорилось о разных чудодейственных фармакологических средствах, которыми спортсменов потчевали перед стартом, но о таких средствах речь заходит на каждой олимпиаде. Важны, однако, не сплетни, а результаты антидопинговых исследований. В Москве было взято 1000 проб на фармакологический допинг и 180 проб на стероиды. Советские лаборатории работали под наблюдением медицинской комиссии Международного олимпийского комитета, во главе которой стоял доктор медицины Александр де Мерод. Результаты оказались отрицательными, ни один медалист не был дисквалифицирован!

Через год после этой олимпиады в СССР вышла книга профессора физиологии Московского института физкультуры Коробкова «Лечебные препараты, применяемые в спортивной медицине». В книге рассказывается об исследованиях, проводимых над таинственным

экстрактом колючего куста с латинским названием «элеутерококкус», в обиходе именуемым сибирским женьшенем. Это средство было известно еще древней восточной медицине, применялось оно для укрепления организма. Оказалось, что этот препарат широко используется в СССР людьми, работающими в трудных условиях, например водителями больших и тяжелых грузовиков, космонавтами, водолазами, спасателями в горах и шахтах, он ускоряет восстановительные процессы, снижает стресс у спортсменов. Как квалифицировать это средство? Профессор Коробков считает, что его ни в коем случае нельзя считать допингом, потому что он служит здоровью! С этим трудно не согласиться.

В будущем нам не раз придется ломать голову над подобными загадками. И все труднее будет ответить на вопрос, какое средство можно разрешить, а какое — нет. Список запрещенных стимулирующих средств превышает 4000 названий, но сегодня их уже никто не применяет. Пользуются средствами, которых в этом списке нет, либо такими, — как в случае с анаболическими средствами, увеличивающими мышечную массу, — которые трудно обнаружить, ибо в организме они не оставляют практически никаких следов.

Да, соревнуются не только спортсмены на беговых дорожках — соревнуются и врачи в своих кабинетах и лабораториях. И это последнее соревнование будет ставить все

больше проблем морального порядка. С допингом ведется борьба, все более строгим и тщательным становится антидопинговый контроль, но мы должны твердо себе сказать: помочь спортсмену набрать лучшую форму, следить за состоянием его здоровья — можно. Подвергать организм опасной обработке — нельзя. И еще: было бы очень хорошо, если бы все средства, укрепляющие здоровье и помогающие восстановить силы, — стимулирующий электронный массаж, лазеры и чудодейственные препараты — были доступны всем!

Очевидно, что в свете наблюдаемой в последнее время гонки за очками и медалями, а также пропагандистского значения, придаваемого спортивному успеху, ответственность за моральный облик спорта в будущем все чаще будут нести не сами спортсмены, а врачи и спортивные деятели. Международный олимпийский комитет довольно точно уловил эту тенденцию. На XI олимпийском конгрессе в Баден-Бадене в 1981 году впервые было сказано, что прежде всего надо наказывать тренеров и врачей, чьи питомцы были уличены в применении допинга. Говорилось и о том, что за допинг следует наказывать целиком спортивные организации. Интересно, что с таким предложением выступил не кто иной, как спортсмен, рекордсмен мира в беге на средние дистанции Себастиан Коу. Он говорил от имени всех приглашенных на конгресс спортсме-

нов. Им впервые предоставили возможность выступить на этом форуме. Оказалось, им есть что сказать! Ведь именно они борются за победу, отдавая все силы, они добывают медали и устанавливают рекорды, прекрасно понимая, что возможности человека беспредельны. Вершина, еще вчера казавшаяся недосягаемой, покоряется сегодня. Результат, в который сегодня трудно поверить, завтра станет фактом.

Разумеется, в будущем спорт будет развиваться более динамично за счет научно-технической революции — то она принимает облик тартановой дорожки, то фибергласовых шестов, то аэродинамического туннеля для тренировки саночников, но границы возможностей будут расширяться только и исключительно благодаря труду и самоотверженности спортсменов. Будут меняться арены спортивной борьбы, постоянно будет совершенствоваться спортивный инвентарь, достигнет апогея конкуренция, но всегда останется мораль спорта, в основе которой — равные шансы сторон и честное отношение к сопернику. Эту истину давно открыл замечательный французский писатель, крупнейший моралист Альбер Камю, из-под пера которого вышли замечательные слова: «За все, что мне доподлинно известно о морали и человеческом долге, я благодарен футболу...» И ничто никогда не изменит эту истину.

**Перевод с польского
М. Загота**

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО

СТОПТА

Е. Мясников

СНЕГОПАД ДЛЯ МАРАДОНЫ

Гуляка-ветер, казалось, никак не мог выбрать себе занятие по душе. Растрепав кроны акаций на длиннющей набережной Костанера, он высек пену на гребешках грязно-желтых волн залива Ла-Платы и вдруг пропал, заплутав в лабиринте забитых судами каналов и прокопченных пакгаузов Нового порта. Пробившись все же сквозь частокол корабельных мачт и ломаных стрел портовых кранов, мощный порывом проверил на прочность грудь мраморного Колумба, застывшего перед фасадом розового президентского дворца, и наконец нашел то, что искал.

Подхватил с асфальта, закружил и, точно игривый котенок, принялся забавляться поднятым в воздух бумажным крошечком, швыряя пригоршни искусственных снежинок в открытые окна домов, в узкие колодцы внутренних двориков, щедро осыпая ими многотысячную толпу веселых и возбужденных людей, спешащих на Майскую площадь аргентинской столицы. Бумажная метель в Буэнос-Айресе — давняя традиция, неизменный пролог празднований, самых радостных событий в жизни страны.

Мелко-мелко нарезают аргентинцы в таких случаях листочки бумаги, а потом ветер носит по городу бумажную поземку — натающий снег надежды. На сей раз устроить рукотворный снегопад, считают

местные жители, было угодно самому провидению: «Аргентина — чемпион!» — то и дело скандирует мощный хор голосов на площади, куда выходит балкон кабинета главы государства. А вот и он сам, президент республики Рауль Альфонсин, появляется на балюстраде, обняв за плечи Диего Марадону, капитана аргентинской сборной, только что победившей на футбольном чемпионате мира в Мехико. Диего вытягивает над головой правую руку с золотым кубком мира. Толпа взрывается: «Аргентина, Марadona...» Все-таки недаром говорят, что в Аргентине футбольных болельщиков столько же, сколько самих аргентинцев. Факт из официальной статистики: сотни новорожденных мужского пола, увидевших свет в конце июля 1986 года, родители нарекли именем Диего Армандо...

ИГРУШКА ДЛЯ ПЕЛУСЫ

У себя на родине Марадону называют «золотым мальчиком». Здесь он и в самом деле чудо: мальчишка из бедняцкой семьи, заработавший футболом состояние и мировую известность. Но что в конечном счете еще важнее — Марadona для аргентинцев превратился в символ высшего футбольного мастерства.

Все, чем обладал до недавнего времени отец футболиста — дон Диего, так это парой натруженных рук, привыкших споро управляться с тяжелыми мешками, набитыми костной мукой из-под жерновов старой мельницы, на которой Марадона

на-старший проработал почти столько, сколько помнил себя. Да еще развалюхой-домишкой с окнами на кривую грязную улицу — единственную «авениду» района Фиорито, потерявшегося где-то на крайнем западе огромного Буэнос-Айреса. В семье не то что игрушки — поужинать не всякий день было чем: так складывалась жизнь.

Когда дядя принес трехлетнему Диегито на именины настоящий кожаный мяч, подарок превратился в достояние всех — тогда еще пятерых (сейчас их восемь) — детей к вящему удовольствию главы семейства: отец Диего слыл пылким и преданным поклонником футбола. Именно он и стал первым тренером сына и полутора десятков его дружок, которые облюбовали себе местом постоянных встреч забросенный пустырь на задворках квартала.

С заинтересованной помощью отца Диего сызмальства научился многому из того, что можно сотворить с круглым и капризным мячом. Скромный служащий Национального кредитного банка Франсиско Корнехо, более 20 лет проработавший бесплатно, на общественных, так сказать, началах, с детскими и юношескими командами известного клуба «Архентинос Хуниорс», рассказывает:

— Однажды кто-то из моих подопечных привел на тренировку худенького смуглого малыша. Помню, меня смутил его возраст — 7 лет, а выглядел он и того младше. Но ребята, судя по их реакции, уже кое-что

слышали о нем, стали упрашивать, чтобы я разрешил ему остаться. Словом, пнул я Диего мяч и... так и не расставался с Марадоной в течение долгих восьми лет. Наверное, мои советы что-то для него значили — Диего из кожи вон лез на тренировках, искренне радовался каждой нашей встрече. Я подправлял какие-то детали в его технике, ставил удар, учил играть без мяча. Но теперь думаю, что все это частности: действия Марадоны на поле тем и захватывают, что помимо «школьных» технической и тактической выучек полны непосредственности, грации и отваги, собственных только нашему уличному футболу — «потреро».

Что ж, нужда не гонит сейчас старика Марадону засветло на убогую мельницу и нет надобности отправляться вечером в бар на углу, ворочать там ящики со льдом и пивными бутылками, чтобы заработать на пару новых башмаков кому-то из домочадцев. Только дробное стучание мячом в заднюю глухую стену солидного дома, купленного Диего родителям (упражняется младший в семье по мужской линии, 16-летний Уго), напоминает о былых временах.

Впрочем, нет, наша беседа с доном Диего все время возвращается к прошлому: он рассказывает мне, как 14-летний Пелуса (так с детства прозвали Диего вначале в кругу близких, а потом и болельщиков юношеских команд, за которые он выступал, из-за густой курчавой шевелюры) пришел просить о разрешении на

подписание профессионального контракта с клубом «Архентинос Хуниорс». «Он уже играл, как можно мечтать, но мечтал о большем. Мы с женой очень хотели, чтобы ему повезло...»

— Это же какое-то безумство,— сетует, хотя и не без гордости, мать Диего, донна Далма,— он чуть ли не каждый вечер звонит из Неаполя и по долгу разговаривает с каждым из нас: со мной, с отцом, братьями и сестрами.

Дон Диего заговорщицки улыбается: «У меня, кажется, появился способ сократить зачастую бессмысленные траты на эти бесконечные звонки. Стоит мне только начать описывать «неповторимый» гол, который забил Уго в последнем воскресном матче (ко времени нашего разговора Уго на юношеском чемпионате южноамериканских стран 1985 года был назван лучшим футболистом), как Диего взрывается: «Передай этому мальчишке, что я забил их в официальных встречах более полутысячи. Вот пусть попробует повторить»,— и бросает трубку.

— Не принимайте все это всерьез,— продолжает Марадона-отец,— Диего очень привязан к братьям. Знаете, у него есть мечта: после завершения контракта с «Наполи» вернуться домой и создать с ними линию нападения: Рауль (средний брат уже не раз выступавший с Диего в товарищеских матчах, проводимых аргентинскими клубами) — Пелуса — Уго.

Под грохот барабанов и трещоток, слившийся с бурными аплодисментами переполненных трибун главного стадиона страны «Монументаль», Марадона дебютировал в аргентинской сборной 15 марта 1977 года в товарищеском матче с командой Венгрии. Произошло это минут за двадцать до конца встречи, венгры безнадежно проигрывали — 1 : 5. Но окрипшие, испереживавшиеся, удовлетворенные болельщики, казалось, обрели второе дыхание, завидев у кромки газона разминающегося новичка. Нет, Марадоне не удалось тогда отметить свой дебют голом. Однако самолюбие присутствующей публики он потешил на славу.

Пару раз Диего оставлял за спиной высоких и крепких центральных защитников Венгрии виртуозным, точно из африканского танца, неуловимо быстрым движением живота и поясницы, когда торс нападающего как бы сам по себе, а ноги и мяч... Впрочем, мяч уже успел каким-то образом проскочить между ногами соперника.

А рассказал я об этом эпизоде вот зачем. Возможность задать Марадоне несколько вопросов во время моей служебной командировки в Аргентину я получил лишь однажды — на тренировочном сборе при подготовке к матчу с Перу, последней отборочной встречей перед чемпионатом мира 1986 года в Мехико. Тренировка под руководством наставника сборной Карлоса Сальвадора Би-

лардо подходила к концу. Диего расположился поодаль от остальных игроков, за воротами. Морщась от боли — в предыдущем матче колумбийские защитники сильно «зацепили» его правое колено, он медленно кружил над неподвижным мячом. Вдруг останавливался, наклонялся вперед и выполнял то самое, словно из танца, движение.

Помнится, я пошутил тогда, мол, не ритуал ли это? Марадона серьезно ответил, что нет, «коронный» финт принадлежал еще техничнейшим Рохасу и Рене Хоусеману. А он отрабатывает его много лет потому, что от природы ему недостает гибкости в пояснице. Каждодневными упражнениями он сумел добиться многого, но работать приходится постоянно. «В «Наполи» мы тренируемся раз в день», — сказал Диего, — мне этого недостаточно, и я беру частные уроки по общефизической и специальной подготовке».

— После чемпионата мира в Испании, — заметил я, — одной из причин вашего личного неуспеха вы называли как раз проблему физической подготовленности...

— Никогда в жизни я так тщательно не готовился, не прodelывал такого объема тренировочной работы, как на сборе в Мар-дель-Плате перед отъездом на чемпионат мира. Чтобы не уступать своим партнерам, чтобы никто не мог подумать, что в чем-то щажу себя... Я приехал в Испанию перетренированным, без рывка, без... — Диего щелкнул пальца-

ми, так и не найдя нужного слова.

— Я не знал тогда собственных физических возможностей, — продолжал он. — Сегодня это не так. Все равно, — улыбнулся Марадона, — в моей жизни был тот чемпионат мира, как, надеюсь, будет и следующий — в Мексике.

— Диего, Сесара Менотти нередко упрекают за то пророчество, помните? Он заявил в газете «Кларин», что чемпионат мира в Испании станет для Марадоны тем же, чем был чемпионат мира 1970 года в Мехико для Пеле...

— Даже если бы меня называли самым плохим игроком среди прочих участников чемпионата-82, я бы и тогда обязательно сохранил ту заметку, чтобы когда-нибудь показать ее своим детям. Ведь это сказал тренер, под руководством которого Аргентина впервые стала чемпионом мира в 1978 году.

Признаюсь, я задал данный вопрос Диего не случайно — еще до встречи с ним разговаривал о том же с Менотти: «Быть может, я несколько поспешил обнародовать свое мнение... Но ни на минуту не сомневаюсь: у Марадоны будет «его» чемпионат мира, игру Диего люди запомнят. До сих пор история мирового футбола знала четыре имени, не подлежащих, на мой взгляд, никаким сомнениям: Ди Стефано, Пеле, Яшин, Круифф. Кандидатами на место в этой почетной галерее считаются сейчас Платини и Марадона. Француз — выдающийся мастер, но его карьера почти завершена,

Мехико может стать лебединой песней Мишеля. У Диего же впереди долгий и нелегкий путь. И лучше не делать сравнений...»

ЖАР-ПТИЦА УДАЧИ

О том, однако, что касается футбольной судьбы Марадоны, его игры, дискуссиям в последние годы нет конца.

Чемпионат мира-82 в Испании. Превозносимый рекламой, Марадона приехал на него этаким «вундеркиндом кожаного мяча», намеревавшимся завоевать сердца болельщиков всего мира. И что же? Он, которого авансом и столь настойчиво прочили в преемники Пеле, выглядел беспомощным на фоне игравшего против него итальянца Джентиле или бразильца Батисты. В условиях жесткой, а порой откровенно жестокой игры Марадона явно сник. И даже, как мы помним, в матче с бразильцами за несдержанность был вынужден покинуть поле.

Испанский футбольный «звездопад» явился крушением многих иллюзий Диего. Но был ведь и всплеск: беспрецедентный, баснословный контракт с богатейшим клубом «Барселона». 56 встреч, проведенных Марадоной за именитую команду, 45 забитых им в ее рядах голов. Но перенесенный Марадоной гепатит и тяжелейшая травма словно перечеркнули в глазах хозяев «Барселоны» все предыдущие заслуги молодого аргентинского форварда.

Здесь как раз к месту привести замечание Андрея Пет-

ровича Старостина: «Профессиональный футболист высококого класса действительно окружен, пока он блистает на поле, вниманием и заботой клубных заправил. Он не чувствует недостатка в деньгах... В глазах болельщиков он преуспевает и благоденствует, ему поклоняются и завидуют. Но за занавесом совсем другая картина. Жизнь даже великого футболиста нелегка».

Деньги Марадоны. Благодаря им вынырнул самоуверенный толстяк Хорхе Ситержпиллер, которого журналисты окрестили «жирной тенью» Диего. Кипучая энергия «друга детства» отлилась в создании пресловутой фирмы «Марадона продуксьонес», занимающейся рекламой спортивной одежды, американских бифштексов, «кока-колы» и еще тьмы всякой носильной и съестной всячины.

Практичный «поверенный в делах» футболиста не пренебрегал и мелочами: разве может обойтись без них настоящий бизнес? Приватное интервью с Диего — плата по таксе. Фотография с автографом Марадоны — направляйте денежный перевод по адресу...

И недовольно поджатые пухлые губы, когда Марадона бесплатно — представляет? — принимает участие в телепередаче, адресованной испанским мальчишкам, или выступает в популярной радиопрограмме, направленной против распространения наркотиков среди молодежи. Всамделишное негодование: «Подумайте, сколько мы потеряли из-за того, что каналья Гойкозчеа, баск из

Бильбао, сломал Диего ногу!»

Упомянув о близком окружении Марадоны, его предпринимательской деятельности, я, вероятно, был бы не прав, предложив читателям строго судить человека иного мира по законам и традициям нашей морали и этики. Помните, как называют его аргентинцы, отнюдь не вкладывая в свое определение негативный смысл? «Золотой мальчик, который умеет делать деньги из всего, к чему прикасается». Справедливости ради с этим утверждением можно спорить: около шести-десяти тысяч долларов чистых убытков Марадона-делец понес только в связи с выступлениями за национальную сборную Аргентины в период отборочных матчей перед чемпионатом мира 1986 года, зачастую дважды в неделю пересекая Атлантический океан. Но вернемся к футболу, ведь благодаря именно ему Марадона стал в конце концов тем, кем стал.

Итак, распроставшись с Испанией, Диего перебирается в Италию, где лицом к лицу на футбольном поле встречается со звездами первой величины — Росси, Фалькао, Сократесом, Жуниором, Зико, Румениге... и Платини.

Их немедленно начали сталкивать лбами — в прямом и переносном смысле слова — этих двух неординарных мастеров, проводя бесчисленные сравнения и параллели. Причем напрочь игнорировали при этом заявления самого Платини: «Я не обладаю изощренной технической виртуозностью Марадоны... Но оказался более

счастливым, поскольку выступаю в выдающейся команде. Мне проще проявить себя, а удача чаще сопутствует мне, чем Марадоне. Он ведь выглядел обособленно в рядах «Барселоны». И по существу, долгое время был одинок в составе «Наполи».

Мишель, надо отдать ему должное, попал в самую точку. Марадона в тот момент находился в поиске нового для себя стиля: обозреватели начали толковать о другом Диего, неиндивидуалисте, но возмужавшем лидере, способном подчинить собственную игру интересам команды. Не случайно в итоговых опросах итальянской прессы Марадона был признан в 1985 году лучшим зарубежным футболистом в стране.

Наставник аргентинской сборной Карлос Сальвадор Билардо, по его собственному утверждению, не уставал повторять об этом: «Три года я убеждал всех, что Марадона лучший футболист в мире, но мне многие не верили. Сейчас, думаю, они убедились в моей правоте. Диего играл в Мексике великолепно, причем иначе, чем в прошлые годы. Он мог и тут брать игру на себя, но все свои помыслы сосредоточил на интересах команды. На индивидуальные рейды и удары по воротам Марадона решался лишь тогда, когда убеждался, что его партнеры не находятся в лучшей позиции. Такой игрок — это сокровище...»

К преображению, точнее, становлению Марадоны нынешнего Билардо имеет самое непосредственное отношение,

причем даже сейчас кое-кто из маститых аргентинских специалистов полагает, что секрет тренерского успеха Карлоса заключается как раз в том, что он сумел сделать Диего надежным сторонником своих идей.

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ...

Тут необходимо заметить, что приход к руководству сборной весной 1983 года тогда 44-летнего Карлоса Билардо был встречен в Аргентине отнюдь не овацией. Нет, его компетентность не подвергалась сомнению. В конце концов не кто иной, как Билардо, возглавив в 1980 году переживавший нелегкие времена «Эстудиантес» из Ла-Платы, дерзнул бросить вызов «самим» «Бока Хуниорс» и «Ривер Плейту». продемонстрировав завидную тактическую выучку и игровую дисциплину, студенты из Ла-Платы в 1981 году завоевали серебряные медали национального первенства, а в следующем сезоне — чемпионский титул.

Добрую память сумел оставить о себе Билардо и в Колумбии, где до возвращения в Аргентину он в течение ряда лет руководил сильнейшей клубной командой «Депортиво» из Кали, а потом и сборной этой страны. И все же его появление на посту тренера аргентинской сборной вызвало волну разочарования в среде истой и темпераментной местной «инчады» — болельщиков. Они, как оказалось, не забыли о начале профессиональной биографии Билардо и о том, какое направ-

ление в отечественном футболе он некогда представлял.

Поясню коротко, в чем здесь дело. Каждому, вероятно, памятен период расцвета в середине 60-х годов практичного, или, как его тогда пытались представить, беспроярванного, футбола. Крестным отцом «изобретения» считался Эленио Эррера, тренировавший в ту пору миланский «Интер».

Идеи Эрреры нашли призеры среди наставников некоторых аргентинских клубов, наиболее заметным среди которых был тренер «Эстудиантеса» Освальдо Субелдия. А проводником тренерских установок на поле являлся полузащитник Карлос Билардо.

Итак, Билардо, как тренер изначально строивший футбол подопечных ему команд на разрушении замыслов соперников, а в атаке полагавшийся на удачный случай, и Марадона, олицетворявший для аргентинцев игру красивую, техничную и результативную, хотя нередко злоупотребляющий индивидуальными действиями. Но последнее в Аргентине раньше особенно и не порицалось. Однажды Менотти в беседе со мной заметил: «Если я приглашу с собой на игру человека, который никогда не бывал на футболе, и покажу ему на поле Марадону, то совсем не удивлюсь, если мой гость, не раздумывая, отнесет Диего к разряду жонглеров. Зато болельщик, непременно присутствующий на стадионе каждое воскресенье, тот, кто знает и помнит историю, с любовью хранит в памяти рассказы отца о

Пеле и Гарринче,— этот болельщик видит в лице Марадоны подлинный большой футбол».

Интересно в этом плане и мнение другого известного аргентинского специалиста — Мигеля Анхела Лопеса, тренировавшего команду «Архентинос Хуниорс» в годы, когда в ней дебютировал Марадона и публика начала валом валить на матчи с участием Пелусы.

«С одной стороны, Диего упрощал нам жизнь,— рассказывает Лопес.— Он быстро адаптировался в любой роли, которую ему предписывали. С другой — ставил меня перед серьезной дилеммой: Марадона для команды или команда для Марадоны? Так или иначе игра его несомненно имела бы отдачу. Но, думаю, выступая в команде, «скроенной» для Марадоны, остальные футболисты получают определенное преимущество. Даже в плотном окружении 3—4 присматривающих за ним соперников, Диего всегда держит в постоянном напряжении игроков противостоящей команды, чем «развязывает ноги» своим товарищам. Билардо просто повезло...»

А Билардо между тем продолжали нещадно критиковать за бесконечные перемены в составе сборной, за тусклую, осторожную, с акцентом на оборону, тактику и стиль игры. Руководствуясь идеей победы любой ценой, полагали обозреватели, Карлос лишает команду радости созидательной атакующей игры, когда за действиями даже Марадоны тоскливо и тягостно наблюдать. Да,

«сольных номеров» в сборной Билардо стало куда меньше, чем раньше, а упреки в оборонничестве наставник аргентинской команды отвергал как несправедливые:

— Для меня команда, владеющая лишь одним игровым стилем, не выглядит полноценной. В нашей же сборной футболисты знают, как вести зонную опеку, как играть со стопером или в комбинированном стиле обороны, как выполнять искусственный офсайд. Если игрок это умеет, он может варьировать в зависимости от обстоятельств.

Незадолго до чемпионата мира в Мехико мне довелось присутствовать на одной из пресс-конференций тренера аргентинцев. Карлос упирал тогда на то, чего его команде не хватает и какой он хотел бы ее видеть. «В современном футболе,— утверждал Билардо,— есть нечто, чего невозможно получить даром или купить: высокий международный класс. Мои игроки таким классом пока не обладают. Достичь же его можно, лишь научившись в равной степени сильно, без оглядки и сомнений вести борьбу с любым соперником, на любом поле и в любых условиях. Мы должны научиться играть везде и всюду по-аргентински, но только делать это на уровне лучших образцов нашего футбола».

В сложной, противоречивой, почти постоянно конфликтной обстановке, что царила вокруг сборной Аргентины и в ней самой, Билардо удалось до конца выдержать избранный курс — прежде всего ставку на

управляемость команды, где ни для кого не делается исключений, в том числе для Марадоны. Уже после мексиканского мирового первенства Марадона заявил журналистам:

— Неужели никто не заметил, чем мы были сильны? Билардо сумел сделать то, чего раньше никому не удавалось: соединить в одной команде южноамериканскую техничность с европейской жесткостью и тактической дисциплиной.

Билардо не стремился, как ему старались это приписать, напрочь лишить аргентинцев импровизационного начала в игре. Напротив, и его, и высокую индивидуальную технику каждого из новых чемпионов мира, их находчивость и самоотверженность он сознательно и постоянно требовал подчинять решению общей задачи. Показательно, что тот же Марадона после триумфального для аргентинцев финального матча против сборной ФРГ признался, что еще недавно ни за что бы не отдал пас Бурручаге, с которого тот забил решающий гол, а попытался бы сам сделать это,— так он был воспитан... Билардо же не преминул подчеркнуть: «В футболе большого успеха может добиться только команда, а не отдельные, пусть даже выдающиеся игроки. Сегодня у нас на поле была настоящая команда».

Время неумолимо бежит вперед. Схлынула уже первая волна ажиотажа, восторгов и разочарований, связанных с минувшим чемпионатом мира. Настала пора трезвого анализа

и размышлений. Семь матчей провели в Мексике аргентинские футболисты. В шести из них они добились победы, один завершили вничью. Больше всех провели мячей в ворота соперников — 14. По сравнению со сборной Аргентины, которая стала чемпионом мира в 1978 году, нынешняя, по общему мнению обозревателей, играла в целом не столь зрелищно, но зато более надежно во всех своих звеньях.

Нет футбола без звезд — незыблемость этой аксиомы аргентинцы утвердили в Мексике по-своему, по-новому, лучше, чем кто бы то ни было, продемонстрировав коллективный характер современной игры. Они показали, что при теперешнем практически повсеместно высоком уровне футбола постоянно выделяться на поле способны лишь игроки с уникальными способностями, такие, как Марадона. Да и то при непрременном условии, что не только команда работает на звезду, но и звезда в равной степени трудится на команду.

Так что же, Марадона — один из прочих? Нет, конечно. Марадона и среди нынешних чемпионов мира стоит особняком — его игра в Мехико у всех в памяти. О ней еще долго будут писать специально, она ведь в чем-то так и осталась загадкой. Просто при этом необходимо помнить, что процесс становления «золотой» аргентинской сборной во многом является отражением всей истории футбола этой страны.

Подобно Ди Стефано, Сивори, Кемпесу, Ардилесу, Паскарелле, Вальдано, тому же

Марадоне, сотни, тысячи аргентинских футболистов кочуют по Южной Америке и по свету в поисках выгодных контрактов, стремясь обеспечить себе и своим близким безбедное существование. Считанным единицам удается добиться успеха, поймать свою жар-птицу удачи. Остальные с тревогой ждут наступления завтрашнего дня, когда им на смену придут другие, новые и молодые звезды.

И ведь приходят! Приходят, как мы знаем, постоянно. Но только стремлением к материальным благам, к известности и популярности, как заметил однажды прославленный наш голкипер Лев Яшин, этого не объяснишь. «Сейчас много говорят и спорят,— писал Яшин,— о том, что нужно сделать, чтобы и наш, советский футбол стал интереснее, богаче, чтобы и его палитра засверкала всеми цветами радуги. При этом называют такие понятия, как «увеличение нагрузок», «упорядочение учебно-тренировочной работы», «совершенствование общефизической подготовки».

Все это, безусловно, правильно. И все-таки, на мой взгляд, это далеко не первоопределяющее условие. Самое главное — великая любовь к футболу. Любовь, рождающаяся в детском сердце и остающаяся в нем на всю жизнь».

В Европе мало кто знает, что о юном Марадоне когда-то давно была снята телевизионная передача. Теперь, говорят, ее показывают в Аргентине дважды в неделю.

...Щуплый невысокий маль-

чишка в алой футболке клуба «Архентинос Хуниорс» с опаской смотрит на придвинувшуюся вплотную к нему телекамеру и тотчас, словно ища поддержки у друга, переводит взгляд себе под ноги на белый кожаный мяч, отдыхающий на паркете студии. Ведущий программы, памятуя о количестве нулей, проставляемых после начальных цифр в расценке за каждое эфирное мгновение, реагирует немедленно:

— Вопросы я тебе задам позднее, малыш. А сейчас сделай нам всем одолжение — поиграй с ним немного,— элегантно кабальеро с микрофоном указал на мяч. И добавил: — Так, как тебе нравится.

Парнишка поставил стопу левой ноги на мяч, легонько катнул его к себе, подбросил носочком вверх. Принял коленом, перевел на другое, потом сдержанным коротким ударом направил мяч высоко вверх. Он не обращал уже никакого внимания на напугавший его поначалу сизый глазок камеры: мальчуган занимался своим делом — в полное собственное и зрителей удовольствие.

Высунув изо рта кончик языка, заинтересованно ждал возвращения из-под студийного потолка бумеранга-мяча. Мячик подпрыгнул, вращаясь, раз-другой над шапкой черных курчавых волос, затем нехотя скатился по ловко подставленным ему груди, животу, бедру и уже окончательно успокоился у ног хозяина. Сколько все это продолжалось? Память телезрителей невольно растягивает секунды словно в рапиде:

мяч-то взаправду казался ручным.

— Назови нам свое имя. Сколько тебе лет, малыш?

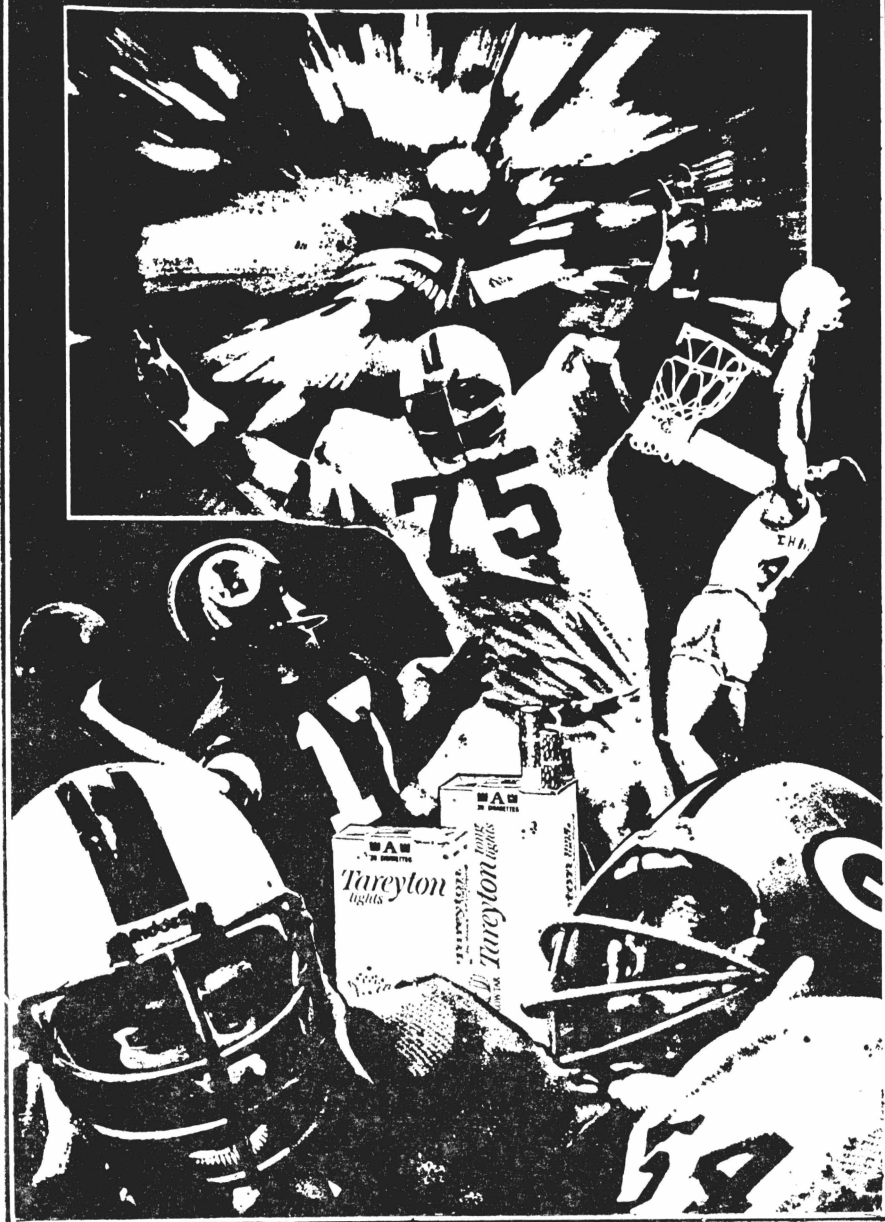
— Пелуса... То есть, нет, простите, Диего. Диего Арман-до Марадона. Мне исполнилось уже одиннадцать.

— Не сомневаюсь, — с

улыбкой продолжает ведущий,— что скоро ты, Диегито, станешь настоящим парнем. А можешь сказать, чего бы тебе больше всего хотелось в жизни?

— Играть в красивый футбол...

ΠΟ ΤΥ ΣΤΟΡΟΝΥ

ЗА ФАСАДОМ «СВОБОДНОГО» МИРА

УВЯЗЛИ В ТОПКОМ БОЛОТЕ

Имя профессора Рона Пиккеринга хорошо известно в английских спортивных кругах. Он был тренером легкоатлетической сборной Великобритании, работал телевизионным комментатором, и выступление Пиккеринга на национальном совещании по вопросам развития спорта, проходившем в Лондоне, вызвало значительный интерес. Газета «Гардиан», комментируя это выступление, процитировала ту его часть, в которой Пиккеринг уличил британский спорт в девяти «грехах», подчеркнув, что они характерны и для спорта других развитых капиталистических стран.

Вот они, эти девять «грехов»:

— вирус насилия, особенно распространившийся в футболе и до некоторой степени в регби;

— постоянное стремление политиков использовать спорт как средство достижения своих целей;

— отказ от спортивной этики (на пути к победе все средства хороши!);

— игнорирование такой болевой точки спорта, как расизм;

— безразличие к охватившему все страны движению, осуждающему ЮАР;

— все более широкое использование запрещенных средств (допинг, взятки и пр.);

— лицемерие, которое подобно медали, имеющей две стороны: так называемые гонорары под столом и введение фальшивого любительства. Только один пример: Зола Бадд получила 90 тысяч фунтов за одно лишь участие в соревнованиях, хотя не попала даже в число призеров;

— необычайно разросшееся число организаций (путем деления), ответственных за спорт;

— беззастенчивая конкурентная борьба между телевизионными компаниями за право вести передачи с соревнований (когда спортивная этика принесена в жертву, спорт неизбежно вырождается в бизнес).

«Телевизионные концерны открыли краны,— говорит Пиккеринг,— и в спорт потоком хлынули деньги. Не секрет, что атлеты их получают. Есть уже пять-шесть спортсменов-миллионеров, которые продолжают сохранять статус любителей и возможность участвовать в олимпийских играх. Возникают законные вопросы: не станут ли теперь компании управлять спортом? Не будет ли все зависеть от сговора между телевидением и спортивными менеджерами? Почему мы ничего не знаем о содержании заключенных между ними контрактов? Неудивительно, что многие деятели, которые десятилетиями служили спорту честно и бескорыстно, оказываются теперь вдали от него. Они утверждают, что возврата назад нет. И если Бадд получает за один лишь старт 90 тысяч фунтов, то сколько же будет стоить участие в европейском чемпио-

нате таких звезд легкой атлетики, как Крэм, Коу, Оветт или Томпсон?

Мы глубоко увязли в болоте. Как это ни сложно, нужно попытаться все же из него выбраться, пока трясина не засосала нас с головой».

Что же в этой ситуации делает Британская легкоатлетическая федерация для защиты принципов любительства? Можно смело констатировать — ничего. Если раньше она стояла на страже интересов настоящего спорта, то теперь она без зазрения совести организует выплату огромных гонораров звездам легкой атлетики из средств, отчисленных британской телекомпанией Ай-ти-ви за трансляцию соревнований. С этого года легкоатлеты поделены на восемь категорий для выплаты гонорара в зависимости от их достижений. Самые большие суммы получают олимпийские чемпионы, победители первенств мира и Европы. Согласно данным журнала «Атлетик уикли», Стив Крэм, установивший в 1985 году три мировых рекорда, стал самым высокооплачиваемым «любителем» в стране. За каждый старт в этом году он получил 12 тысяч долларов. Крэм — единственный, кто вошел в первую категорию — суперзвезд. Вторую категорию составили олимпийский чемпион в беге на 1500 метров Себастьян Коу и копье-метательница олимпийская чемпионка Тесса Сандерсон и Фатима Уитбред. Им платят по 10 тысяч. И так далее. Участники самой последней, восьмой группы получают всего 100 фунтов стерлингов.

Как печальный факт можно расценить реакцию самих звезд на это решение федерации. Между ними началась форменная склока. Особенно недоволен Коу, получавший в 1985 году по 20 тысяч за один забег. «Платить мне столько же, сколько и Сандерсон, — несправедливо. Средневики всегда ценились выше метательниц копья», — заявил современный «любитель».

«Мы начинаем увязать в трясине, — предупреждает Пикеринг. — Еще несколько шагов, и выбраться из нее будет невозможно. И тогда крах нашего спорта неизбежен».

СЛАБЕЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

Эта статья написана председателем Президентского совета по физическому воспитанию США Джорджем Алленом и посвящена состоянию программы по преподаванию физкультуры подрастающему поколению страны.

В последнее время, пишет автор, американцы обеспокоены падением уровня физического развития юных граждан США. Хотя спортсмены страны занимают по многим видам спорта ведущие позиции в мире, среди большого числа американцев спорт совершенно непопулярен, и ему не уделяется никакого внимания. Особенно тревожен тот факт, что все большее количество подростков не занимается физкультурой, предпочитая вместо этого посидеть лишний час перед телевизором. Конечно, такое явление имело место и

раньше, но сегодня как никогда велики его масштабы.

Падение интереса подростков к спорту не может не сказываться на их развитии. Сегодня многие школьники не в состоянии выполнить элементарные спортивные нормы, отмечает автор. Подтверждением этому стало исследование, проведенное институтом социальных исследований при Мичиганском университете. Специалисты из института разработали особые тесты, включающие в себя ряд физических упражнений по бегу, прыжкам, метанию и т. д., и предложили выполнить их учащимся. Всего таким образом было проэкзаменовано около 19 тысяч мальчиков и девочек от 6 до 17 лет из 187 школ США. Как выяснилось, многие школьники не смогли выполнить нормативов, разработанных еще десять лет назад. Так, например, девушки, принимавшие участие в забеге на 50 метров, в 8 из 10 случаев показали худшее время по сравнению с результатами подобных тестов, проводившихся в 1975 году, а 40 процентов мальчиков от 6 до 12 лет не смогли подтянуться больше одного раза (специалисты утверждают, что в этом возрасте дети должны уметь подтягиваться не менее двух раз).

Эти и другие примеры из исследования убедительно продемонстрировали, что уровень физического развития американских школьников катастрофически падает. Особенно обеспокоены специалисты по здравоохранению: ведь плохое физическое развитие детей прежде всего отрицательно

сказывается на их здоровье. Еще в 1983 году группа калифорнийских врачей во главе с доктором Джозефом Каллэном провела обследование полутора тысяч школьников из Лос-Анджелеса. Когда результаты были опубликованы, неспециалисты были поражены: оказалось, что почти половина детей из этой группы была предрасположена (или имела фактор риска, как говорят медики) к таким недугам, как гипертония, атеросклероз, сердечные заболевания. Однако сами врачи не удивились. «Мы предвидели возможность такого результата,— заявил доктор Каллэн,— дети в наши дни не блещут здоровьем».

По мнению врачей, причинами этого являются малоподвижный образ жизни большинства подростков, неправильное питание, длительное сидение перед телевизором. В то время как многие школьники должны заниматься лечебной физкультурой, отмечают специалисты, у значительной части юных американцев выработалось отрицательное отношение к физкультуре и спорту, которые они считают пустой тратой времени.

Отсутствие интереса к спорту, считает Дж. Аллен, вызвано резким падением качества преподавания предмета в учебных заведениях Соединенных Штатов, на что повлиял целый ряд факторов.

Во-первых, во многих школах учащиеся не обязаны посещать уроки по физкультуре. Так, например, в 1976 году в Калифорнии был издан указ, разрешающий школьному ру-

ководству считать эти уроки необязательными для посещения. «Как следствие этого,— заявил руководитель программы по физическому воспитанию для школ Лос-Анджелеса Барри Терлазо,— лишь немногие ученики ходят на занятия. В среднем 20—25 процентов, а в некоторых школах всего лишь 10 процентов школьников».

Во-вторых, в школах не хватает учителей, которые получили соответствующую подготовку, а уровень имеющих преподавателей оставляет желать лучшего. Уроки в соответствии с Образовательным актом 1972 года, направленным против «дискриминации в школах по признакам пола», часто проводятся недифференцированно — девушки должны участвовать в состязаниях наравне с юношами.

Не соответствуют требованиям времени и сами программы по физвоспитанию — они узконаправленны. Как правило, занятия проводятся по какому-либо одному виду спорта, что не может удовлетворить разные подчас вкусы и интересы учащихся. Совершенно не уделяется внимания пропаганде правильного образа жизни и здоровых привычек среди школьников. «Мы должны преподавать детям аэробику, рассказывать им о том, как правильно питаться, говорить о вреде курения и употребления наркотиков,— считает президент Американской организации здравоохранения Эрнст Уиндер.— Самое главное — внушить им мысль о том, что мы должны заботиться о своем физическом состоянии, о своем

здоровье сами и на протяжении всей своей жизни».

И наконец, самой важной причиной упадка физкультуры и спорта в школах США является сокращение государственных ассигнований на образование.

В этих условиях первой программой, на которой экономят школьные власти, сталкиваясь с нехваткой денежных ресурсов, становится программа физического воспитания подрастающего поколения Соединенных Штатов.

А. Мелик-Шахназаров

СТРАСТИ ПО ФУТБОЛУ

Профессиональный спорт, телевидение, реклама... Когда то погоня за долларами объединила их в трехглавого монстра, которого ныне та же самая долларова лихорадка буквально раздирает на части. Вопрос стоит уже так: кто кого?

26 января 1986 года в Соединенных Штатах происходили удивительные для непосвященного события. Чикагский архиепископ кардинал Джозеф Бернарден отменил во всех церквях города воскресные мессы. Индейцы племени пенобскот из Новой Англии, о которых давно уже никто не вспоминал, получили вдруг заказ: добыть в своей резервации медведя и послать 30 фунтов свежей медвежатины в столицу штата Луизиана — Новый Орлеан. В этом городе на побережье Мексиканского залива назначили друг другу встречу мэры находящихся от него за тысячи миль Чикаго и Бостона.

Там же, в Новом Орлеане, всеми своими мыслями были сотни миллионов американцев, засевших в тот воскресный вечер за телевизоры.

Чем же привлекла родина американского джаза такое к себе внимание? А тем, что 26 января там в двадцатый раз разыгрывался суперкубок по американскому футболу. О проведении таких матчей договаривались в 1966 году Национальная футбольная лига и тогда еще существовавшая Американская футбольная лига. Сначала за титул сильнейшего клуба страны боролись чемпионы обеих лиг. А после их слияния спор ведут команды, выходящие в финал специального послесезонного турнира.

В нынешнем году за суперкубок должны были сражаться чикагские «Беарс» («Медведи») и «Пэтриотс» («Патриоты») из Новой Англии, числившиеся до недавнего времени бостонской командой. Однако, как и предсказывали специалисты, сражения не получилось: в четырехчасовом матче «Медведи» без труда «задрали» «Патриотов» — 46 : 10. Счет, прямо скажем, мало подходящий для матча такого масштаба.

Но если на поле ничего особо интересного не наблюдалось, то вокруг игры страсти кипели всюду. Исключительное право передавать прямой телерепортаж с крытого стадиона в Новом Орлеане получила компания Эн-би-си, заплатившая за это Национальной футбольной лиге (НФЛ) 17 млн. долларов. Эн-би-си, одна из трех национальных телекорпораций США, имеет большой опыт в освеще-

нии спортивных состязаний и, надо отдать ей должное, решила в этот раз стоявшую перед ней задачу исключительно профессионально. Все перипетии встречи фиксировались 21 телекамерой, наиболее острые моменты тут же повторялись на огромном экране, там же демонстрировались введенные в память компьютера возможности того или иного игрока, у микрофонов сидели ведущие телекомментаторы! Перед матчем и после него своими впечатлениями с телезрителями поделился даже хозяин Белого дома.

Весьма примечательно, что репортаж Эн-би-си из Нового Орлеана шел в эфир шесть часов — на два часа больше, чем длилась сама игра. А была бы воля телекомпаний, передача из Луизианы продолжалась бесконечно. Почему?

Все очень просто. Из каждого часа спортивной телетрансляции восемь минут отводится коммерческой рекламе. В течение этих минут на сидящих у экранов зрителей, то есть потенциальных покупателей, обрушивается целая лавина расхваливающих всевозможные товары роликов. Естественно, телевидение отнюдь не бескорыстно включает их в свои спортивные репортажи. Так, во время непосредственно встречи «Патриотов» и «Медведей» Эн-би-си продавала 30-секундные рекламные паузы за 550 тыс. долларов, перед началом матча и по его завершении эти полуминутки шли по 180. В итоге за одну игру телекомпания заработала 34 млн. долларов. Право на трансляцию

стоило ей, как вы помните, 17 млн. Сколько-то еще составили производственные расходы на сам репортаж. Остальное — чистая прибыль.

Эн-би-си знала, что делала. Согласно данным различных институтов и агентств по изучению аудитории, передачи о встречах сильнейших профессиональных футбольных команд пользуются огромной популярностью. Достаточно сказать, что из десяти телепрограмм, собравших наибольшее число зрителей в истории американского телевидения, семь — это репортажи с финальных матчей суперкубка. Учитывая это, Эн-би-си и рискнула раскошелиться на заломленные с нее НФЛ 17 млн. долларов, зная, что взвинтив цены на рекламное время, сумеет не остаться внакладе. Да и рекламодатели, можно не сомневаться, свои миллионы не по ветру пустили.

Словом, все остались при своих, как говорится, интересах. Но так получается сегодня далеко не всегда. Более того, когда-то счастливый в буквальном смысле слова золотой союз американского профессионального спорта, телевизионного и рекламного бизнеса ныне под напором внутренних противоречий трещит по всем швам. А превращает вчерашних союзников во врагов то же, что их в свое время объединило, — жадность, стяжательство.

Почти все телекомпании США сейчас в один голос кричат, что спортивные программы, в первую очередь о соревнованиях профессионалов, приносят им сплошные убытки.

И все потому, что владельцы команд и руководство лиг стали драться с телевидения за репортажи прямо-таки втридорога. Например, с 1962 года, когда НФЛ подписала свой первый контракт с телевидением, и по сей день на ее счетах от продажи прав на телерепортажи осело 3,2 млрд. долларов. А в ближайшие пять лет, согласно уже заключенным договорам, лига должна положить в свой карман 2,2 млрд. Любопытно, что заработки профессиональных игроков в американский футбол теперь на 65 процентов складываются из «теледолларов».

Хозяева телевизионных корпораций слезно жалуются на то, что боссы профессионального футбола, не снисходя больше до переговоров с ними, беззастенчиво требуют огромные суммы, часто нереальные. Скажем, та же Эн-би-си в прошлом году выплатила НФЛ 450 млн. долларов. И в итоге потерпела убытки — «недобра» 50 млн. Несмотря на это, футбольные клубы подняли ставки, и в начале 1986 года телекомпания пришлось отвалить им полмиллиарда.

Конечно же американские телекомпании — отнюдь не жалкие овечки, неспособные постоять за себя. У них тоже зубы дай бог. И они впиваются ими в рекламодателей, заставляя платить за показ рекламных роликов все дороже и дороже. А те?

Подсчитано, что около половины рекламного времени в спортивных передачах занимает пропаганда пива и автомобилей. Президент совета дирек-

торов пивного гиганта «Анхойзер-буш» Джерри Соломон считает, что реклама их продукции наиболее эффективна во время матчей профессиональных игроков в американский футбол. Однако, как подчеркивает Дж. Соломон, он и его коллеги вынуждены пересмотреть свои рекламные рынки, так как при нынешней ситуации даже очень богатой компании «Анхойзер-буш» уже не по карману покупать время в футбольных передачах.

...На зеленом пластиковом поле гонялись за мячом и друг за другом закованные в доспехи чикагские «Медведи» и «Патриоты» Новой Англии. Но не они, футболисты, были в тот вечер на самом деле главными действующими лицами. Куда им до своих хозяев и тех, с кем те грызутся, как пауки в банке, с одной лишь целью урвать себе еще кусок, еще, еще... Законы американского общества иного не приемлют.

В. Кавалаяускас

В ПУТАХ КОКАИНОВОГО ПРОКЛЯТИЯ

Итог медицинской проверки, проведенной среди 335 игроков студенческих команд, которые составляют резерв профессиональных клубов Национальной лиги американского футбола (НФЛ), привлек внимание общественности. Еще бы! Вывод: каждый шестой — наркоман. Обследование в тренировочных центрах впервые включало в себя тест на марихуану и кокаин, и в 57 случаях он дал положительный результат.

Это сообщение агентства АП, безусловно, характеризует «короля» американского профессионального спорта. Сами футболисты, отвечая на вопрос, почему наркотики получили большое распространение именно в их среде, говорят, что главная причина — в характере самой игры. Жесткость, переходящая в жестокость, реальная возможность получить серьезную, а порой и смертельную травму — это заставляет спортсменов искать средство, позволяющее отключиться от реальности, забыться. Так появляется пристрастие к наркотику, а спрос мгновенно рождает предложение. Сейчас клубы НФЛ, как рыбами-прилипалами, окружены торговцами, в арсенале которых около 90 видов дурманящих веществ.

По свидетельству журнала «Спортс иллюстрейтед», агенты подпольных фирм повсюду сопровождают спортсменов, проникают в тренировочные центры и даже подходят к полю во время тренировок, предлагая свои услуги футболистам. При этом задача «распространителей» облегчается тем, что многие тренеры — сами в прошлом игроки — закрывают глаза на их деятельность, а порой и выступают в роли покупателей или перекупщиков.

В США наркотики становятся спутником многих видов спорта. Как сообщает АП, автогонщик Джон Пол-младший признался: «Мне даже трудно назвать моих коллег, которые не употребляли бы «травку». Сам Джон Пол приговорен к пяти годам тюремного заключения за попытку ввоза марихуаны в

Соединенные Штаты. «Риск и напряжение борьбы в гонках профессионалов,—сказал он,—приводят к наркотикам и тех гонщиков, для которых в начале их карьеры даже мысль об этом казалась запретной».

«Ситуация близка к критической»,—признают руководители американского спорта. И на первый взгляд они не на шутку встревожены создавшимся положением. С помощью врачей разрабатываются новые универсальные методы проверки, создаются детальные программы борьбы с наркоманией, на бумаге ужесточаются меры наказания, а на деле...

Агентство АП сообщило, что из 57 футболистов, попавших в «черный список» спортсменов-наркоманов, 26 получили приглашение... выступить за клубы НФЛ. «Что ж, у тренеров сложная ситуация—команда должна приносить прибыль»,—сказал спортивный деятель из Нового Орлеана, давший интервью корреспонденту АП, но пожелавший остаться неизвестным. «С наркоманией надо бороться,—продолжил он,—но... потом. Сегодня эти молодые игроки еще быстро бегают, их руки крепки, и они нужны клубам. Нужны для победы любой ценой».

СНОВА ДОПИНГ

Аргентинская федерация футбола дисквалифицировала на год игрока клуба «Ривер Плейт» из Буэнос-Айреса Рамона Сентуриона. После контроля на допинг было доказано, что он вышел на матч против

команды «Темперли», находясь под воздействием возбуждающего препарата. Клуб, за который выступает Сентурион, лишен набранных в этом матче очков и, кроме того, должен уплатить штраф в размере 2250 долларов. По сообщению западногерманского агентства ДПА из Буэнос-Айреса, это уже шестой случай злоупотребления запрещенными препаратами после того, как Аргентинская федерация футбола ввела для футбольных клубов допинговый контроль.

ПОЧЕМУ УШЕЛ МЕКОНИ!

«Когда у нас будет положен конец этому позорному явлению? Атлетов продолжают буквально накачивать гормонами. Чтобы улучшить на метр-другой результаты в толкании ядра, 18—20-летних ребят заставляют принимать лошадиные дозы: до 200 миллиграммов тестостерона в день»—так начал свое интервью итальянскому журналу «Эспрессо» бывший государственный тренер Италии в толкании ядра Сильвано Мекони.

Его по праву считают гордостью итальянской легкой атлетики 70-х годов: 17 рекордов Италии и 4—Европы, победитель Средиземноморских игр, участник трех олимпиад и нескольких европейских чемпионатов. В настоящее время в составе национальной сборной выступают два лучших на сегодняшний день в Италии толкателя ядра—Марко Монтелатици и Алессандро Андреи, которых Мекони тренировал до своего вынужденного ухода

из руководства Итальянской федерации легкой атлетики (ИФЛА).

Некоторое время назад «Эспрессо» выступил с разоблачительной статьей о пособничестве спортивных федераций при распространении анаболических стероидов среди спортсменов Италии. А вот Мекони еще в 1981 году сделал первые «выстрелы в войну» против запрещенных лекарств.

«Впервые об анаболиках я услышал в 1978 году, когда, оставив большой спорт, занимался на тренерских курсах,— рассказывает на страницах журнала Сильвано.— Тогда тренер сборной ФРГ Петер Шине предложил нам накопленный в Западной Германии опыт по использованию анаболиков для подготовки спортсменов. Правда, тогда я еще полагал, что речь идет лишь об изысканиях. Но уже в 1979 году, когда я тренировал Мартино и Буччи, я заметил, что шкафчики этих ребят были всегда наполнены пачками стероидных препаратов. А два года спустя один из толкателей ядра и массажист команды заявили мне, что якобы мои методы рано или поздно скажутся на здоровье спортсменов. Я клялся, что ничего не знаю об употреблении анаболиков легкоатлетами, но мне не поверили. И лишь потом я стал располагать документами, по которым было ясно, что отдельные тренеры по указанию руководства ИФЛА распространяли среди спортсменов эти препараты.

Я сразу же написал письмо в федерацию, в котором рассказал о происходящем: «Не

могу понять, почему применяются такие сильнодействующие средства (тестостерон, диабол, кофеин внутривенно). Необходимо осудить подобную практику». Ответа я не получил. Более того, начались гонения. Год спустя я опять вернулся к этой проблеме, критикуя президента ИФЛА Примо Небиоло. Но ничего не изменилось: спортсмены продолжают принимать препараты. А я был вынужден оставить тренерскую работу в сборной страны».

ВО ВЛАСТИ ДЕНЕГ

«Твоя команда никогда не станет чемпионом Франции,— заявил председатель футбольного клуба «Пари Сен-Жермен» Франсис Борелли своему коллеге из «Гавр атлетик клуба» Жан-Пьеру Юро.— У тебя для этого недостаточно денег».

«Французский спорт, в частности футбол, все больше попадает в зависимость от мира наживы»,— пишет еженедельник «Экспресс». Выкладывая огромные суммы за ноги звезд, футбольные заправилы твердо знают, что их финансовые затраты окупятся в десятикратном размере. Клуб начнет выигрывать матчи, увеличится посещаемость, и потекут миллионы в сейфы деятелей типа Борелли, которого футбол интересует лишь как источник прибыли.

Не только футболисты экстракласса, но и стадионы, болельщики являются объектами самой беззастенчивой купли-продажи, а майки, шорты, гетры, бутсы игроков используются в рекламных целях.

Взятки, переманивание молодых талантов из конкурирующих клубов — все идет в ход для достижения главной цели — выигрыша чемпионата страны или престижного европейского кубкового турнира. Неудивительно, что со всевозрастающим постоянством успех в них празднуют команды, руководимые обладателями «тугих кошельков». Так, клуб «Пари Сен-Жермен» за последние 3 года израсходовал на покупку новых игроков 19 млн. франков. Как результат — победа в национальном первенстве и право оспаривать Кубок обладателей кубков.

Местная демократическая печать с тревогой пишет о негативных последствиях сосуществования коммерции и спорта. Это привело к тому, что спортсмены превращаются в игрушки в руках горстки околоспортивных дельцов, а результаты соревнований порой зависят от толщины бумажников хозяев спортивных клубов.

РАУНДЫ НА ПРОДАЖУ

Американский журналист Рафаэль Руис провел немало вечеров у канатов профессионального ринга Соединенных Штатов. Не так давно на страницах газеты «Дейли уорлд» он опубликовал статью о женском боксе и кэтче. В статье этой, в частности, говорится:

«Некогда профессиональный бокс даже при всей его гротесковой жестокости сохранял все же хотя бы внешние приличия. Организаторы соревнований не решались прежде добавлять что-либо к самим

боксерским поединкам. С некоторых пор, однако, традиция эта претерпела существенные изменения.

Так, впервые на ринге появились женщины. Поначалу они ограничивались тем, что просто объявляли начало следующего раунда. Потом уже в интерпретации знаменитого организатора боксерских матчей в нью-йоркском зале «Мэдисон сквер-гарден» Дона Кинга принялись пританцовывать, делая несколько «гимнастических движений». Дальше больше — на ринге уже ловко исполняли рок, а к не очень обременительному одеянию девиц прибавились боксерские перчатки».

В общем, американский бизнес не остановился на невинных танцах между канатами, а решил вышибать деньгу непосредственно с помощью женских хуков и свингов.

Заокеанская идея нашла последователей и в некоторых странах Западной Европы. Так, в ФРГ была даже предпринята попытка провести женский чемпионат по боксу. Он, однако, не состоялся, встретив волну гневного протеста, в частности, со стороны различных женских организаций Западной Германии. Они пикетировали кассы спортзала в Дармштадте, где проводились показательные бои женщин-боксеров.

Демонстранты пытались заблокировать входы на трибуны, но были потеснены полицией, которая, естественно, ничего предосудительного в этом унижающем достоинство женщины действе не усмотрела. Одна из участниц шоу — Анги

Симонс — признала, что таким образом вынуждена зарабатывать на жизнь.

И. Маринов

НЕ ПЕРЕШАГНУВ ПОРОГА СЛАВЫ...

Звезда баскетбольной команды Мэрилендского университета Лен Байес так и не стал профессионалом. Счастье, которое сопутствует мало кому, ему улыбалось только два дня. В доме у Лена осталась висеть зеленая майка клуба «Селтик» с номером 30. А самого спортсмена уже нет в живых. Он умер через два дня после того, как профессиональный клуб Бостона предложил ему, 22-летнему студенту, головокружительный контракт. Вскрытие показало: баскетболист скончался в результате отравления кокаином.

Увлечение баскетболом открыло чернокожему юноше двери университета. Ему не надо было платить за учебу, Лен даже получал стипендию. Правда, за все это приходилось отрабатывать на спортплощадке. Но баскетбол для двухметрового парня не был работой, он был его жизнью.

За Леном на площадке жадно наблюдали глаза менеджеров профессиональных команд. Его выделяли различные физические данные, высокая техника владения мячом, меткий бросок. Известнейшие профессиональные клубы запрашивали в университете результаты медицинских обследований восходящей звезды — надежное ли у Байеса здоровье? Но ничто не вызывало сомнений; сердце функциони-

ровало исправно, в пристрастии к алкоголю и наркотикам замечен не был. Поэтому, когда он достиг баскетбольного «совершеннолетия», его выставили на продажу. Бостонский «Селтик», неоднократный чемпион Национальной баскетбольной ассоциации, пригласил Байеса играть в паре с прославленным Ларри Бердом.

Церемонию формального приглашения молодого баскетболиста в профессиональную лигу передавали сразу по нескольким каналам американского телевидения. Для начала пообещали шестизначную сумму в год. И уже на следующий день только что родившаяся профессиональная звезда начала «распродавать» себя. Лен подписал соглашение на десять лет с фирмой «Рибок», которая обязалась выплатить миллион долларов за рекламу ее спортивной обуви. Президент компании устроил прием в честь баскетболиста, а вечером Лен улетел домой — в Мэриленд.

В студенческом общежитии его встретили друзья. Они видели Лена в передаче теленовостей, и каждому хотелось пожать руку знаменитости. Ночью Байес разбудил соседа по комнате: «Мне очень плохо...» Больше сказать ничего не успел. «Скорая помощь» оказалась бессильной, к девяти утра Байес скончался...

Позже в автомобиле баскетболиста полиция обнаружила пластиковый мешочек с белыми кристаллами. Это был кокаин. Лен был новичок в наркомании, и первая же попытка оказалась для него роковой.

Не успели друзья похоронить Лена Байеса, как смерть от чрезмерной дозы «белой смерти» настигла члена «сборной всех звезд» Национальной футбольной лиги Дона Роджерса: игрок клуба «Браунс» из Кливленда скончался за день до своей свадьбы. Чуть позже три игрока футбольной команды Вирджинского университета были обвинены федеральным прокурором в торговле наркотиками. Оказывается, спортсмены принадлежали к преступному синдикату, распространявшему кокаин в штатах Вирджиния, Мэриленд, Теннесси и Флорида.

Американскому спорту не удалось избежать волны массовой наркомании, охватившей страну. «Профессиональные спортсмены — идеальная мишень для торговцев наркотиками, — заявил один из руководителей Национальной футбольной лиги. — Они принадлежат к наиболее уязвимой возрастной группе, располагают достаточным количеством денег».

Национальная ассоциация студенческого спорта, куда входят сотни колледжей и университетов, опубликовала список более 200 запрещенных препаратов. Проверки спортсменов будут устраиваться во время игры и за час до нее. Употребление запрещенных препаратов грозит спортсмену дисквалификацией на 90 дней. И хотя только один анализ обойдется примерно в 200 долларов, руководители студенческого спорта надеются, что это поможет спасти «честь мундира» многих университетов.

Забеспокоились и профес-

сиональные клубы. Национальная футбольная лига выделила миллион долларов для проверки игроков не только на наркотики, но и на алкоголь. Кроме того, менеджеры решили бить спортсменов по самому больному месту — по карману. Уличенный первый раз в наркомании атлет теряет половину месячной платы, затем — все месячное жалование. После третьего нарушения аннулируется контракт.

В. Кавалаяускас

МЕТЕОРЫ СГОРАЮТ БЫСТРО

Олимпийские чемпионы прошлых лет... О них редко пишут в США, почти не вспоминают. Многие, оставив большой спорт, мучительно пытаются найти работу. Удача, деньги — удел одиночек. Вот точка зрения американской газеты «Филадельфия инкуайпер».

«Они были королями и королевами на один день, суперзвездами для средств массовой информации, пронесшимися подобно метеорам по небу или по меньшей мере перед объективами телекамер компании Эй-би-си.

Их имена на какое-то время стали известными во многих странах. Кто, думали мы, забудет когда-нибудь таких олимпийских светил, как Грег Луганис, Стив Лундквист, Джоан Беннойт, Мэри-Лу Реттон, Пол Гонсалес, Роуди Гайнес и Даррел Пейс?

Роуди, а дальше как? Какой Даррел?

Как быстро у нас сгорают эти метеоры и падают на землю, возвращаясь к реальности!

Прошло всего два года с тех пор, как Гайнес стал олимпийским чемпионом в плавании на 100 метров вольным стилем, а Пейс без промаха посылал свои стрелы одну за другой в центр мишени, получив за это золотую олимпийскую медаль.

Справедливости ради надо все же сказать, что некоторые имена остаются знакомыми для нас. Реттон еще улыбается нам с коробок, в которые упаковывают изделия из дробленого зерна, а Карл Льюис взирает на нас с афиш, рекламируя ту обувь, которая нравится ему больше всего.

Когда же говорят о возвращениях к реальности, то в наши дни речь чаще всего идет об олимпийских чемпионах, чьи ожидания заняться «стрижкой купонов» после олимпиады, на что они очень надеялись, не оправдались. Полагали, что коммерческая «стоимость» Карла Льюиса будет просто невероятной после того, как он выиграл четыре золотые олимпийские медали в 1984 году. Считали, что из суперспортсмена он превратился в суперкоммерсанта и будет появляться на наших телевизионных экранах чаще, чем Brent Масбергер и Дан Рэйзер, вместе взятые. Не вышло...

Эти финансовые разочарования, быть может, скорее всего вызовут улыбки со стороны американской публики, уже уставшей читать и слышать о спортсменах-миллионерах. Достаточно того, что наши про-

фессионалы обогащаются, играя в «детские игры»; разве действительно необходимо, чтобы наши любители следовали их примеру?

Однако имеются последующие разочарования совсем иного рода. Как же трудно приходится олимпийцу, который получил статус знаменитости на несколько радостных дней или недель и которого после этого предадут забвению.

Характерным примером этому служит Билл Тумей, получивший золотую медаль в соревнованиях по десятиборью в 1968 году. На два дня в то лето в Мехико он стал телевизионной знаменитостью первого класса. Его слава была так велика, что обозреватель Говард Козелл счел возможным сказать: «Люди спрашивают, какой момент был для меня самым незабываемым в спорте. Может быть, это было, когда Билл Тумей выиграл десятиборье, а может быть, это был тот момент, когда Джеки Робинсон впервые вышел на площадку для игры в бейсбол».

Именно таким захватывающим был рекордный триумф Тумея в то время. И однако спустя 16 лет он даже не смог получить билета на церемонию открытия Лос-Анджелесской олимпиады — первой в Америке летней олимпиады в жизни Тумея, — пока он не сообщил о своих затруднениях в печати.

Тумей все же получил два билета, но они поступили не от Питера Юберрота и не от Лос-Анджелесского олимпийского организационного комитета, а от одного анонимного жертво-

вателя, прочитавшего об этой истории в газете. Игры, может быть, и «принадлежат атлетам», как заявил Юберрот, но они принадлежат только сегодняшним атлетам. Вчерашних олимпийцев слишком часто в США забывают.

Оллан Касселл, исполнительный директор Легкоатлетического конгресса США, получил такой же жестокий урок 20 лет назад. Касселл завоевал золотую медаль на Токийских играх 1964 года, где он бежал на первом этапе в команде, участвовавшей в эстафетном беге; он по-настоящему, по его словам, не осознал важности своего достижения, пока не вернулся домой.

«Ты участвуешь в олимпиаде, и множество людей одерживают победы,— сказал он.— Затем приезжаешь в свой родной город, а здесь ты — единственный человек, который это совершил. Внезапно ты начинаешь понимать, что ты кое-что совершил, благодаря чему люди должны знать, кто ты такой. Но все это было так скороотечно...»

Пока его слава еще не потускнела, во всем городке Натли (штат Нью-Джерси) поднимали тосты за его здоровье. «Мне были вручены ключи от города», — вспоминает он.

Чего он не получил — так это рабочего места. Касселл в то время подумывал о том, чтобы стать учителем, и в местной средней школе было вакантное место. Все представлялось в розовом свете.

«Я повел речь о том, чтобы подать просьбу о назначении меня на эту должность,— ска-

зал он.— И мне дали понять, что я это место не получу».

О глубине его переживаний свидетельствует тот факт, что в новом бюро Касселла в Индианаполисе нет ничего, что напоминало бы ему о той медали или о том, чего он сам добился в легкой атлетике.

Даже золотая медаль, бывшая такой драгоценностью, когда он завоевал ее в 1964 году, сейчас, по его словам, лежит «где-то в одном из ящиков кухонного стола».

Дон Брэгг, бывший лучшим прыгуном с шестом в ту эпоху, когда шесты еще не делали из фибергласа, полагал, что выигрыш золотой медали в 1960 году даст ему возможность сделать в Голливуде карьеру в качестве еще одного Тарзана. Из этого ничего не вышло, и в течение какого-то времени он был молодым человеком, лишившимся иллюзий.

Год назад в Лос-Анджелесе состоялся фестиваль спортсменов-любителей. Но он достиг такой степени коммерциализации, что, оглядываясь назад, можно сказать: главным победителем оказался не какой-нибудь спортсмен США, уповавший на «златые горы», а Питер Юберрот, руководивший этими соревнованиями».

УРОДЛИВОЕ ЛИЦО РАСИЗМА

СЭМ РАМСАМИ: «РАСИЗМ ОБРЕЧЕН»

Имя Сэма Рамсами, председателя Южно-Африканского нерасового олимпийского ко-

митета (САНРОК), хорошо известно международной спортивной общественности и любителям спорта. Во многом благодаря неустанной деятельности возглавляемой им организации спортивное движение страны апартеида находится в изоляции. Спортсмены ЮАР отстранены от участия в большинстве мировых первенств, олимпийских играх.

Деятельность САНРОК приобретает все больший и больший размах. Не проходит работа комитета незамеченной и теми, кто ратует за сохранение системы апартеида в ЮАР. Активистам САНРОК угрожают физической расправой, и подчас дело угрозами не ограничивается. Дважды агенты юаровских спецслужб совершали нападение на штаб-квартиру САНРОК, находящуюся в Лондоне, в помещениях комитета раздавались выстрелы...

— Наверное,— Сэм Рамсами улыбается,— это самая высокая оценка нашей работы. Юаровские расисты боятся нас, нашей деятельности. Однако я думаю, что успех нашего движения определяется нарастающей борьбой народа Южной Африки за свое освобождение. Битва против апартеида приобрела в наши дни небывалый размах. Она вызвана ростом политической сознательности угнетенных африканских масс, притоком в освободительное движение революционной молодежи, воспринимающей апартеид как анахронизм, как кровавый абсурд. С другой стороны, очевидно неспособность расистского режима управлять страной по старым рецептам, дер-

жать под контролем 80 процентов населения страны, лишенного по признаку цвета кожи элементарных гражданских прав. Можно сказать, что апартеид выдыхается, он в нокдауне и если бы не поддержка «больших белых братьев» — империалистических стран и международного капитала, то наше освободительное движение во главе с Африканским национальным конгрессом (АНК) уже давно послало бы его в нокаут.

Спорт неотделим от политики. Само наше движение зародилось как протест против расизма в столь важной сфере жизни, как спорт. Наш комитет возник в начале 60-х годов. Мы всегда мечтали о том, чтобы южноафриканские спортсмены принимали участие в олимпийском движении, какой бы цвет кожи у них ни был. Вот почему мы назвали его олимпийским комитетом. Но работать в стране нам тогда не дали. В Южной Африке имеется тысяча и один способ расправы с неугодными режиму людьми. На наш офис постоянно обрушивалась полиция с обысками и погромами, сотрудников запугивали, таскали по полицейским участкам, многих подвергали репрессиям и гонениям. Почетный председатель нашей организации был отправлен в печально известную тюрьму Робин-Айленд на 5-летний срок, у некоторых активистов изъяли паспорта, других посадили под домашний арест. Вот почему с 1966 года наш комитет функционирует в Лондоне, в столице Великобритании.

Сэм Рамсами показывает

мне изданные комитетом книги, буклеты, брошюры, разъясняющие положение со спортом в Южной Африке. Красочно оформленные листки, бюллетени, пресс-релизы рассылаются практически во все страны мира, где действуют группы солидарности и поддержки САНРОК. Они распространяют там эти издания, ведут информационно-разъяснительную работу, разоблачают новые попытки апартеида приспособиться к изменяющейся обстановке, маневрировать, путем косметических реформ придать режиму видимость респектабельности.

— У нас много союзников,— продолжает Сэм Рамсамби.— В комитет приходят письма и сообщения о готовящихся контактах в области спорта между Южной Африкой и некоторыми спортивными клубами и ассоциациями других стран. Мы, в свою очередь, активизируем различные общественные силы через группы поддержки с целью сорвать подобные мероприятия. Для усиления координации со спортивными организациями и расширения базы нашего движения в феврале этого года в Париже был создан комитет под названием Международная кампания против апартеида в спорте. Мы тесно сотрудничаем с Высшим советом спорта в Африке, который оказывает нам большую поддержку.

Наши верные друзья — Советский Союз и социалистические страны. Они бескомпромиссно проводят политику отказа от любых спортивных контактов с Южной Африкой. Ак-

тивно действуют спортивные антирасистские организации в Скандинавских странах, во Франции, Нидерландах и во многих других государствах. В Западной Германии во многом благодаря полученной от нас информации развернулись дебаты в бундестаге о запрещении спортивных связей с ЮАР. Немецкий спортивный союз заявил, что будет изымать денежные средства у тех спортивных организаций, которые сотрудничают с расистским режимом...

Однако, несмотря на всеобщее осуждение апартеида, несмотря на то что агитационную работу против расистского режима ведут многие видные общественные деятели, спортсмены, актеры, художники, расистам нет-нет да и удается проводить спортивные мероприятия с участием иностранных спортсменов в ЮАР или посылать за границу свои команды. Так, например, вопреки тому, что в прошлом году Верховный суд Новой Зеландии запретил команде регбистов отправиться в Южную Африку, там все-таки оказалось 20 игроков. Кожаная «дыня» — мяч для игры в регби — так же больно бьет по нашей тяге к свободе, к человеческому достоинству, как и полицейская дубинка.

Да и здесь, в Англии, четыре южноафриканских регбиста приняли участие в турнире пяти наций, посвященном 100-летию юбилею регби. Наши друзья и сторонники из Британского движения против апартеида, представители разных спортивных клубов провели в связи с

этим внушительные демонстрации протеста.

Мы стараемся поддерживать постоянную связь с 17 национальными спортивными организациями Южной Африки, которые входят в САНРОК. Нас поддерживают не только черные, но и белые спортсмены. Так, например, регбист Чики Уотсон бросил вызов расистскому истеблишменту, играет за «черный клуб». Реакционеры преследуют и запугивают его, они даже подложили бомбу к нему в дом. Но этот мужественный человек не сдаётся, он убежден в своей правоте.

В городе Порт-Элизабет есть единственный магазин, принадлежащий белому, который не бойкотирует черное население. Это магазин отца Чики Уотсона. Есть несколько белых спортсменов-крикетистов из университетских команд, решительно выступающих против апартеида. Но многие черные спортсмены вынуждены покидать страну. В ЮАР они не могут полностью проявить себя, раскрыть свое дарование. Так, в Англии сейчас живет популярный игрок в крикет Бэзил д'Оливейра, за Англию выступал на Олимпиадах 1972 и 1976 годов штангист Маккензи, за футбольную команду первой лиги «Литон Таун» играет Брайен Стайн. Они — активные участники нашего движения, реальные, конкретные свидетели того, что такое апартеид. Они на себе испытали унижительное чувство — право быть «белым» на короткое время, пока ты находишься в спортзале или на стадионе. Эти спортсмены не смогли, не захотели

быть участниками постыдного фарса, разыгрываемого южноафриканскими властями для заграничного зрителя.

В реестр обвинений бесчеловечному режиму следует поставить и то, что южноафриканский спорт мог бы показывать примечательные результаты в таких видах, как футбол, легкая атлетика, бокс. В ЮАР есть талантливые спортсмены. Но Южная Африка не может принимать участие в международной спортивной жизни, пока не будет покончено с апартеидом. Мы вольемся в международный спорт только тогда, когда грянет долгожданный час нашей победы, — ни на один день раньше. Спорт — это часть нашей общей борьбы.

— Я очень люблю спорт, — говорит Сэм Рамсами на прощание, — особенно легкую атлетику. Сам когда-то занимался ею. Больше всего мне по душе бег с препятствиями. Иногда закрываю глаза и вижу, словно в замедленной киносъемке, как над барьером плавно взлетает спортсмен.

Свободный человек свободной Африки.

В. Орлик

ЮГ АФРИКИ: ПРЕДГРОЗОВЫЕ РАСКАТЫ

Свист полицейских нагаек, лай автоматов, разгон демонстраций и похоронных процессий — такой предстает картина разрастающегося жестокого конфликта между расистским белым меньшинством (4,7 млн. человек) Южно-Африканской Республики и 25-миллионным чернокожим населением стра-

ны. Режим апартеида агонизирует, на Юге Африки, по существу, уже идет гражданская война, и вопрос стоит лишь о сроках: когда — в ближайшие месяцы, год-два? — предгрозовые раскаты народного возмущения превратятся в ураган, который сметет самую циничную, уродливую и жестокую систему угнетения, эксплуатации и оскорбления человеческого достоинства, называемую апартеидом.

Репрессии, обрушенные правительством расиста номер один Питера Боты на коренное население страны, усиливаются. 12 июня 1986 года второй раз за короткое время было введено чрезвычайное положение, все новости внутривнутриполитической жизни тщательно отсеиваются через сито южноафриканского Информационного бюро, объявленного единственным легальным, с точки зрения расистов, источником информации. И все же достоверные сведения о положении в ЮАР просачиваются сквозь кордоны контрразведки, полиции, цензуры. В том числе информация о том, как осуществляется «конструктивное сотрудничество» (термин нынешней администрации США) с южноафриканским партнером на международной спортивной арене и какая роль отводится спортивным контактам в попытках сохранить для правителей, окопавшихся за колючей проволокой сегрегационных барьеров, лазейки из круга изоляции.

Об этом обстоятельно рассказывают документы, собранные в бюллетене «Спорт и

апартеид», который издается совместно двумя организациями — Международной кампанией против апартеида в спорте (ИКААС) и Нерасовым олимпийским комитетом Южной Африки (САНРОК). САНРОК, возглавляемый видным борцом против расовой дискриминации Сэмом Рамсами, уже четверть века известен в международных спортивных кругах своей последовательной и эффективной борьбой против апартеида. Что же касается Международной кампании против апартеида в спорте, то начало ее деятельности положено лишь около полугода назад. Руководит ею Фекру Кидан, издатель выходящего в Париже иллюстрированного журнала «Континенталь спорт», а исполнителем директором избран Сэм Рамсами.

ИКААС ставит перед собой задачу координировать усилия всех борцов против расовой дискриминации в спорте во всех уголках Земного шара, действовать в тесном союзе с Организацией африканского единства, Высшим советом спорта в Африке, специальным комитетом по апартеиду Организации Объединенных Наций, со всеми национальными, региональными, правительственными и общественными организациями, выступающими за искоренение апартеида в спорте, и в первую очередь с Международным олимпийским комитетом и олимпийским движением в целом.

Своей главной целью ИКААС провозглашает борьбу за исключение ЮАР из всех международных спортивных

федераций. Ее руководители считают, что добиваться этого нужно, прежде всего разоблачая уловки южноафриканской пропаганды, убеждая выдающихся атлетов не только отказываться от непосредственного участия в соревнованиях, организованных режимом Претории, но и активно выступать против любых международных спортивных мероприятий в самой ЮАР или вне страны с участием ее представителей. Только полное искоренение системы апартеида может стать сигналом к прекращению этой борьбы.

А теперь обратимся к документам, собранным в бюллетене «Спорт и апартеид», оставшаяся за собой возможность некоторых необходимых комментариев и пояснений.

«Золушка» Зола и другие агенты ЮАР

Эта талантливая девушка, бегунья на стайерские дистанции, появилась на международной спортивной арене незадолго до Олимпийских игр 1984 года и сразу же обратила на себя внимание специалистов и обозревателей. Во-первых, результаты Зола Бадд, так зовут девушку, показывала отличные; во-вторых, она была гражданкой Южно-Африканской Республики; в-третьих, предпочитала бегать босиком, и потому автор полагает уместным называть ее «Золушкой», потерявшей туфельку на спортивном балу, правда с большей долей иронии, ибо ее никак не пришьешь за падчерицу Претории. Наоборот, она любимое белое

дителя расистского режима и, не смотря на молодость лет, убежденно и искусно служит ему.

Напомню, что Зола накануне Игр в Лос-Анджелесе в рекордно короткие сроки (выходцы из бывших британских колоний подобного блага ждут годами) получила английский паспорт и вместе с ним право выступать за команду Великобритании на олимпиаде в калифорнийском городе. Незадолго до открытия Игр Содружества в Эдинбурге вопрос об участии Золы Бадд в международных соревнованиях встал с новой остротой. Фактически Бадд остается гражданкой Южно-Африканской Республики и постоянно живет там, посещая Европу и Америку только в связи с готовящимися стартами. При этом босоножка Зола вовсе не скрывает, что лишь формально выступает за Великобританию, а на деле доказывает жизнестойкость и жизнеспособность своей родной расистской ЮАР, для которой даже спортивные старты на международной арене означают вызывающее присутствие режима апартеида в жизни современного мирового сообщества.

«Южноафриканская спортсменка Зола Бадд,— отмечает в этой связи «Спорт и апартеид»,— используя британский паспорт как флаг для прикрытия, продолжает вызывать возмущение и протесты народов стран свободной Африки тем, что постоянно живет в ЮАР. На Британские острова она возвращается лишь к моменту соревнований, а если они про-

исходят за пределами Великобритании, то отправляется непосредственно в места их проведения из Южной Африки или же использует Лондон как транзитный пункт по дороге в другие города своего маршрута. Так было, например, во время чемпионата мира по легкоатлетическому кроссу в швейцарском городе Невшателе».

На все вопросы об ее отношении к апартеиду и его члoвеконенавистническим порядкам Бадд весьма ловко находит уклончивые ответы, не упуская случая заявить о том, что она, дескать, бегунья, а не политический деятель. В то же время ее наставники и советчики, тренер и менеджер — полномочные представители Южно-Африканской Республики. Сопровождающий Бадд почти на всех соревнованиях Джанни Момберг, вице-президент Южно-Африканского любительского атлетического союза, изгнанного из Международной федерации легкой атлетики, усиленно рекламирует себя именно в качестве менеджера Золы. Ни для кого не секрет, что Момберг — видный деятель правящей националистической партии.

Для юаровской пропагандистской машины босоножка Бадд — истинная находка. Помимо того что она поддерживает спортивный престиж ЮАР, с ее помощью заправили южноафриканского расистского спорта могут встречаться с различными ответственными и влиятельными лицами из национальных и международных спортивных организаций, которые в иных условиях вряд ли

решились бы скомпрометировать себя в глазах общественности открытыми контактами с гонцами режима апартеида.

Все это было бы невозможным без потворчества и покровительства Британской любительской атлетической федерации (БААБ). Следуя политике кабинета Тэтчер, всячески поддерживающего своего южноафриканского партнера, БААБ не только способствовала тому, чтобы Бадд как можно быстрее получила британское гражданство (была тут и корысть отхватить лишнюю медаль в случае удачного выступления южноафриканки за британскую олимпийскую команду), но и впоследствии не скрывала своих симпатий по отношению к босоногой бегунье.

Многие британские спортсмены не раз высказывались против членства Золы в национальной команде Великобритании. Так как БААБ оказывала на них давление, некоторые примолкли на время или выступали анонимно. Однако одна из них, победительница Игр Содружества по толканию ядра Джуди Оукс, оказалась не из робкого десятка. Она неоднократно в категоричной форме выступала против возни вокруг Золы Бадд. «Она всегда и всюду держится в стороне от нас, — рассказала Оукс. — Куда бы она ни приехала, ее постоянно окружают какие-то советники. Более того, Бадд всегда живет отдельно от нашей национальной команды, в другом отеле. Нет, она действительно не является членом британской сборной команды по легкой атлетике, она попросту лицо, ко-

торое хотело бы соревноваться в британской спортивной форме».

Но у Бадд и подобных ей немало союзников и помощников на туманном Альбионе, которые каждый раз независимо от того, стала ли она победительницей, преподносят южноафриканской спортсменке дорогие подарки и удостоивают щедрых денежных призов. В их числе оказался, как указывает «Спорт и апартеид», даже принц Филип, почетный президент Федерации Игр Содружества, вручивший Бадд награду в Букингемском дворце.

Между тем, как выяснилось, в уставе Игр Содружества есть статья, которая гласит: спортсмен, желающий защищать честь страны, не являющейся его родиной по месту рождения, должен прожить в этой стране не менее 6 из 12 месяцев, непосредственно предшествующих дате подачи индивидуальных заявок на участие в Играх Содружества. Бадд же не без дерзости заявила после очередного длительного пребывания на родине: «Хотя я и не жила в последние 6 месяцев в Англии, у меня здесь дом, поэтому я получу право выступать на Играх Содружества». По совету своих южноафриканских и британских адвокатов она недавно купила дом в Англии. Однако иметь собственное жилище в стране по английским законам еще не означает постоянно проживать там. Против участия Бадд в Играх выступил вице-президент Оргкомитета Игр в Эдинбурге Алекс Вуд, подчеркнувший, что допуск спортсменки к сорев-

нованиям — это «аморальный факт».

Как ни старались покровители Бадд, ей не удалось выйти на старты Игр Содружества.

Вспоминается встреча с известным африканским спортивным деятелем Ламином Диакон, президентом Африканской атлетической конфедерации и вице-президентом Международной любительской легкоатлетической федерации (ИААФ), в Москве летом 1980 года. Делясь своими впечатлениями от Московской олимпиады, от выступлений на ее аренах африканских спортсменов, как никогда широко представленных на Играх, он сказал: «Если бы все, кто на словах желает добра атлетам нашего континента, на деле поддерживали их, как это делают советские люди, то мне не пришлось бы вновь и вновь говорить о спортивных агентах ЮАР, которых принимают различные федерации на Западе, и об агентах Запада, которые приезжают в качестве гостей Претории и за солидное вознаграждение пропагандируют бесчеловечный режим апартеида. Такие люди, а некоторые из них — звезды спорта, особенно опасны».

В бюллетене «Спорт и апартеид» упоминается еще одно определенное и резкое заявление этого спортивного руководителя из Сенегала: «Что касается меня, то я считаю: Бадд, выигравшая чемпионат мира по кроссу, — южноафриканская спортсменка, она представляет ЮАР, она представляет апартеид». Далее приводится заявление мэра одного из юж-

ноафриканских городов: «Золла принесла этой стране (ЮАР) больше славы, чем кто бы то ни был, дала ей такую рекламу, о которой и мечтать было нельзя, а если ее усилия оценивать в деньгах, то их можно было бы приравнять к миллионам и миллионам рандов (денежная единица ЮАР.— Прим. ред.)».

Вот как высоко расценивают помощь своих агентов в спортивной форме, бегающих, прыгающих, играющих, высокопоставленные чиновники и теоретики расовой дискриминации. Их опасная деятельность на встречах курсах по маршруту США — Западная Европа — ЮАР не прекращается.

Предатель на ринге

Широкая улыбка, простое лицо, на плече дружески возлежит рука еще одного парня... Тот тоже улыбается, у него тоже доброе, симпатичное лицо. Встретились два лондонца, два боксера: первый — чернокожий Фрэнк Бруно, второй — белый Марк Кейлор. Спортивное, так сказать, братание. Но вот подпись под этим снимком в «Спорте и апартеиде» выдержана совсем в другой тональности: «Фрэнк Бруно отныне будет проклят черной общиной Великобритании. Здесь он сфотографирован с Марком Кейлором, которому в прошлом и настоящем принадлежит множество циничных расистских высказываний». «Бруно предал своих братьев» — гласит заголовок заметки, рассказывающей о том пути коррупции и подыгрывания ра-

систам ЮАР, который избрал для себя Бруно. Что же произошло с этим боксером?

До поры до времени все было нормально, выступал он на профессиональном ринге неплохо, хотя до первых мест в десятке претендентов на звание чемпиона мира ему было далеко. Однако Бруно подавал надежды, и черная община Лондона, и даже всей Великобритании, почитала его одним из тех героев, кто может заставить общественное мнение прислушаться к голосу нуждающихся и бедствующих выходцев из бывших английских колоний.

Неожиданно в марте 1986 года любители бокса узнали о том, что Бруно дал согласие на бой с белым спортсменом из ЮАР Гэри Кётце, о котором следует сказать несколько подробнее. Этот боксер тяжелого веса неоднократно и успешно проводил бои против чернокожих профессионалов из США, соблазненных крупными гонорарами, которые предлагали им организаторы шоу с единственным условием — приехать в Южную Африку и выступить именно там, чтобы затем на все лады шумно расхваливать «реформы» властей под руководством президента Питера Боты. Как правило, Кётце выигрывал эти бои, так же как ряд встреч в Западной Европе. Любопытно, что всякий раз южноафриканский белый спортсмен делал завуалированные заявления о том, что он не приемлет систему апартеида, а в качестве доказательства лояльности в расовых вопросах демонстрировал вез-

де, где возможно, своего чернокожего сына. Но, как справедливо заметил один из лидеров оппозиции в ЮАР, «если бы Кётце и в самом деле был против апартеида, а не выполнял особые задания Претории, то его никогда бы не выпустили из ЮАР, как не выпускают ни одного сколько-нибудь радикального борца против расистской системы, тем более спортсменов. Бота и компания делают на них особую ставку: атлеты могут стать пропагандистами «реформ» этих деятелей, пытающихся таким образом дурачить мировое сообщество. А стоит спортсменам выразить хотя бы малейшее несогласие с предписаниями расистского режима, они рискуют быть посаженными на цепь».

Итак, бой состоялся, и он изрядно смахивал на фарс, ибо уже в первом раунде Фрэнк Бруно был признан побежденным за явным преимуществом визитера из ЮАР. Бруно, видимо, получил солидный куш, но позволил себе цинично заметить, что он «читает Библию, а она учит, что все люди рождаются равными», поэтому, дескать, он не видит причин, почему бы ему не встречаться с белым из ЮАР. «И это посмел сказать человек, который отлично знает, что его чернокожие братья каждый день умирают на Юге Африки. Черная община никогда ему этого не простит!» — восклицает автор заметки.

Что же на деле оказалось главным в поставленном юаровскими толстосумами-режиссерами лондонском спектакле? А то, что этот бой тран-

слировала на Южную Африку юаровская проправительственная теле- и радиоконпания и комментаторы с пафосом вещали в эфир о том, как тепло принимают представителя белой ЮАР в Англии, как поддерживают ее режим морально, предоставляя возможность встретиться на ринге с лучшим чернокожим боксером.

Фрэнк Бруно удалось купить. Но не все спортсмены соглашаются сотрудничать с полицейским государством, где каждодневно убивают людей во имя человеконенавистнических догм. Многие сознают ответственность — ответственность людей, способных оказать влияние на общественное мнение в своих странах и за их пределами.

Кровавые деньги футбольных скаутов

В последнее время южноафриканские агенты все чаще пытаются подкупить британских футболистов африканского происхождения. Любыми средствами стремятся они заполучить спортсменов в государство расовой ненависти, чтобы с их же помощью постараться обелить черный режим белого меньшинства.

Один из самых талантливых чернокожих футболистов Великобритании, выступавший за лондонский клуб «Милуолл», Джон Фашану поведал такую историю. Однажды, когда вместе с командой он совершал турне по Нигерии, стране, где он родился и жил до переезда на Британские острова, к нему подошли двое, назвавшиеся

футбольными скаутами, то есть разведчиками, высматривающими молодые таланты. Сразу же они предложили футболисту 250 тыс. фунтов стерлингов за согласие сыграть в матче на поле стадиона в Сан-Сити*. Фашану, однако, отказался. Но вскоре, на этот раз в Лондоне, те же люди вновь организовали встречу с ним. Предложение было возобновлено на еще более выгодных условиях. В обмен требовалось лишь предать чернокожую общину Англии, солидарную с борьбой коренного населения Южной Африки за свои права, за равенство и свободу. Фашану решительно отказался от денег расистов, окропленных кровью его южноафриканских братьев. Так же поступили и многие другие футболисты африканского происхождения, которых пытались подкупить юаровские разведчики от футбола, такие, как игрок из «Уэст Бромвич Альбион» Гарт Крукс, Крис Хьюгтон из «Тотенхэм хотспурс». Последний заявил: «Как только я услышал о предложении поехать в ЮАР, я твердо сказал, что не может быть и речи о том, чтобы я когда-либо согласился выступать в стране расистов».

Еще более сенсационными были разоблачения знаменитого теннисиста из США Макинрой, опубликованные американским журналом «Теннис уорлд». Отрывок из этого материала приводится в бюллетене «Спорт и апартеид». Скан-

---

* Южноафриканский город увеселений, азартных игр и парадных спортивных зрелищ, предназначенный для богатых южноафриканцев.

дально известный выходками на корте, перебранками с судьями, профессионал Макинрой, считавшийся еще год назад сильнейшим игроком в мире, оказался на высоте принципиальных этических и просто человеческих взглядов, когда речь зашла о сотрудничестве с расистским режимом. Он также отверг «кровавые деньги» Претории. Американский теннисист признал, что ему, как и не менее знаменитому шведскому игроку Бьёрну Боргу в свое время, предлагали миллион долларов только за один день выступления на кортах Южно-Африканской Республики. «Я сразу же почувствовал, что здесь дело грязное, как только услышал о колоссальном куше, какого мне еще никто и никогда не предлагал. И сказал себе: ты не должен участвовать в этом турнире ни за какие деньги. И действительно, я полагаю, что поступил правильно еще раньше, в 1983 году, когда мне впервые посулили огромный гонорар за поездку в ЮАР, и потом, когда он возрос до миллиона долларов за один лишь день. Некоторые сочтут меня идеалистом, но я верю в равенство людей. Не по душе мне сама мысль, что черные теннисисты, а они наверняка есть в ЮАР, не имеют шанса использовать свой талант, как я или некоторые мои соперники в других странах. Южная Африка — это страна, которая идет по неправильному пути. Честь и достоинство спортсмена не зависят от цвета его кожи».

Джон Макинрой высказал также мысль о том, что ныне

все теннисисты-профессионалы, даже те, кто в прошлом соблазнялся щедрыми подачками юаровских организаторов, должны серьезно подумать о необходимости спортивного бойкота Южной Африки. Можно смело утверждать, что Макинрой нанес серьезный удар по политике наведения мостов между ЮАР и западными странами с помощью спортивных контактов и спекуляции на славе звезд мирового спорта.

Продолжают действовать агенты ЮАР и в других, популярных в англоговорящих странах Африки видах спорта, таких, например, как регби, крикет. Продолжают — это верно и никогда так просто не отступятся, но ныне они встречают все более жесткий отпор. Недавно правительство Зимбабве и Спортивный совет этой Африканской республики вновь подтвердили свою непримиримость по отношению к апартеиду в спорте, отклонив просьбу английской команды по крикету совершить турне по стране, — в ее составе были игроки, которые приезжали в ЮАР и поддерживали тесные связи с тамошними организаторами пропагандистских поездок, восславляющими «мир и покой» в южноафриканском спорте. Такими же мотивами руководствовало и правительство Бангладеш, не выдавшее визы пятерым британским крикетистам.

Красный свет на трассе «формулы один»

Несомненным прогрессом можно считать красный свет, зажженный на трассе попу-

лярнейших соревнований автогонщиков по «формуле один» Международной федерацией автомобильного спорта (ФИСА). Она воспрещает отныне участие южноафриканских спортсменов в соревнованиях по автомобильному спорту. ФИСА — одна из тех международных спортивных федераций, где позиции южноафриканских расистов считались наиболее прочными, благодаря поддержке союзников из США и ряда стран Западной Европы. Однако в результате массированного протеста против организации гонок «Гран-при» в ЮАР в прошлом году они были вынуждены отступить. «Для правителей ЮАР, — подчеркивает бюллетень «Спорт и апартеид», — это был удар страшной силы, ведь на протяжении прошлых лет потрачены миллионы рандов только на то, чтобы в календаре ФИСА и Международной федерации мотоспорта (ФИМ) были сохранены гонки «Гран-при» по авто- и мотоспорту на трассе близ Йоханнесбурга». Добавим к сказанному, что ФИМ пошла еще дальше, исключив всех мотогонщиков ЮАР из списков участников своих соревнований.

«Единственный путь, который может привести к восстановлению справедливости и законов человеческой морали в ЮАР, — это полный бойкот всем мировым спортивным сообществом» — к такому выводу приходит один из ведущих спортивных специалистов Великобритании Рон Пиккеринг. Всеми способами расисты пытаются установить контакты с внешним миром и опутать

своими сетями атлетов с мировыми именами. Но они, можно с уверенностью сказать, обречены на провал, как и сам агонизирующий режим, приведший коренное население страны на край отчаяния и решимости завоевать наконец для себя свободу в своем отечестве.

И. Маринов

БЕСПРОСВЕТНАЯ ЯВЬ

Попытки режима Претории убедить мировую общественность в его стремлении облегчить положение коренного населения ЮАР терпят провал: реформы по «демократизации» общественной жизни в целом и спорта в частности даже не смягчили чудовищных форм расовой сегрегации в этой стране. Лживые уверения правительства о равных шансах всех южноафриканских спортсменов рассыпаются от первого же соприкосновения с реальной действительностью.

Генеральная ассамблея ООН призвала к введению всеобъемлющих и обязательных санкций против расистского режима ЮАР. В представленной для ратификации Международной конвенции против апартеида в спорте подчеркнуто, что государства-участники не допустят спортивных контактов с ЮАР, пока не будет ликвидирована сама система апартеида.

Южноафриканский город Порт-Элизабет. Несколько спортсменов-африканцев из городской команды пловцов в воскресный день нерешитель-

но подошли ко входу в плавательный бассейн, над которым висит табличка с лаконичной надписью: «Только для белых». «Куда прете, черные дьяволы!» — окликнул парней грубый голос привратника.

— Простите, баас, у нас на днях соревнования, может быть, в виде исключения...

— В виде исключения, кафе, можете поплескаться в сточной канаве, около бассейна,— привратник остался доволен своей шуткой...

Вопиющее неравенство в физическом развитии молодежи будет существовать до тех пор, пока существует расовая сегрегация в системе образования ЮАР. «Если бы дети росли в естественных условиях, воспринимая своих сверстников как равных в учебных классах или на игровых площадках,— пишет журнал «Сечаба», официальный орган Африканского национального конгресса Южной Африки (АНК),— они нормально относились бы друг к другу и став взрослыми. Предрассудки и пренебрежение воспитываются у людей в юные годы, в школах, где царит расистская система раздельного обучения, являющаяся краеугольным камнем политики апартеида в ЮАР». В школьных учебниках, по которым учатся белые дети в ЮАР, всячески проповедуются расовое превосходство белых африканеров и неполноценность чернокожих жителей Южной Африки. Особенно наглядно это проявляется в учебниках по истории.

Для белых и небелых детей различны и условия

учебы, и возможности занятия спортом. Согласно данным, приведенным министром кооперации, развития и образования ЮАР Герритом Вильюном, из средств, выделяемых на развитие физической культуры и спорта в стране, на одного белого школьника тратится в 33 раза больше средств, чем на его черного сверстника. Можно ли считать такое положение в южноафриканском спорте нормальным?

Система апартеида вызывает законное возмущение международного сообщества. Спортивные федерации почти всех государств разорвали связи с расистской ЮАР, а ведущие спортсмены мира отказываются участвовать в соревнованиях вместе с командами из этой страны. Филберт Бэйн, танзанийский атлет, экс-рекордсмен мира в беге на 1500 метров, сказал: «Мне неприятно выступать не только вместе с южноафриканцами, но и с командами стран, поддерживающих режим апартеида в ЮАР».

В последнее время движение в поддержку бойкота расистского спорта во всем мире стало еще более широким. Даже такие страны, как Австралия и Новая Зеландия, традиционно поддерживающие связи с Южной Африкой, стали воздерживаться от спортивных контактов с режимом апартеида.

Перед лицом международного неприятия политики расовой дискриминации власти ЮАР идут на некоторые внешние, косметические изменения в системе апартеида. В город-

ских парках и на пляжах сняты предупреждающие надписи «Только для белых», отменены пресловутые законы «О смешанных браках» и «О борьбе с безнравственностью». Такие же псевдореформы проведены и в области спорта. Например, в состав южноафриканских команд, претендующих на участие в международных встречах по регби или крикету, включаются два-три небелых игрока, причем без учета их спортивных показателей. В составе правления Южно-Африканской федерации регби (САФР) также фигурируют никому неизвестные фамилии одного африканца и одного метиса.

Режим Претории и различные правительственные организации всеми силами стараются прорвать блокаду международного бойкота расистского спорта. С одной стороны, расисты всячески развивают контакты с Тайванем, Парагваем, Чили, где у власти находятся одиозные диктаторские режимы. С другой — предлагают выгодные контракты иностранным спортсменам, решившимся выступить в ЮАР. Так, австралийской команде игроков в крикет во главе с членом сборной Австралии Кимом Хьюзом, пренебрегая решениями национальной федерации, южноафриканские устроители турне заплатили баснословно высокую сумму.

Большое внимание правительство белого меньшинства уделяет собственным спортсменам, которых пытаются «внедрить» в соревнования в обход международного бойко-

та. Например, южноафриканский теннисист Кевин Каррен выступает под флагом США. На международной конференции против апартеида в спорте, проходившей в Лондоне, представитель АНК Эзиз Пехэд заявил: «Власти ЮАР постараются использовать в пропагандистских целях победу Каррена над Джимми Коннорсом в полуфинале Уимблдонского турнира. Это как бы не его личное достижение, а успех южноафриканских расистов».

Прогрессивные южноафриканские спортсмены поддерживают Нерасовый олимпийский комитет Южной Африки (САНРОК), выступающий против расовой дискриминации в спорте и за бойкот официального расистского спорта ЮАР. Как сказал председатель САНРОК Сэм Рамсами, «конституционные реформы», о которых так много трубят официальная пропаганда, не принесли никаких улучшений массам коренного населения Южной Африки. Не произошло никаких положительных изменений и в южноафриканском спорте. Чернокожие жители ЮАР по-прежнему остаются обделенными во всем на земле своих предков.

В. Силанин

ВНЕ ГРАНИЦ СПОРТИВНОГО ГЕТТО

Чуть ли не каждую неделю в Соединенных Штатах проводятся представительные турниры по теннису. Прибрав и этот вид спорта к рукам, большой бизнес охотно устраивает соревнования, где все — от све-

тогого табло до налобных повязок спортсменов — служит рекламным щитом. Львиную долю участников при этом составляют американцы, что тоже понятно. Грех не воспользоваться шансом обкатать молодняк в состязаниях на домашних площадках, да и вообще теннис в США популярен. Этому, в свою очередь, благоприятствуют климат (за океаном заниматься теннисом можно, почитай, круглый год), наличие множества кортов...

Но вот что бросается в глаза: классные игроки — американцы — сплошь белокожие. Черных не найти ни в первой, ни во второй, ни в пятой десятке лучших теннисистов Соединенных Штатов. Это выглядит тем более странным, что негры задают тон (если не сказать — доминируют) в американском футболе, баскетболе, бейсболе, боксе, многих видах легкой атлетики.

В чем же дело? Ответить на этот вопрос взялся обладатель громких теннисных титулов Артур Эш. В числе его спортивных трофеев — призы за победы в открытом первенстве США и Уимблдонском турнире. И хотя кое-кто из сограждан Эша (например, Джимми Коннорс и Джон Макинрой) достиг еще большего, на сегодня он по-прежнему уникален: Артур — единственный в Америке негр, покоровший такие вершины в теннисе. Ему, стало быть, и перо в руки.

Оглядываясь на пройденный в большом спорте путь, Эш на страницах «Нью-Йорк таймс» пишет, что дорогу в теннис его чернокожим собратьям пре-

граждает невидимый, но труднопреодолимый барьер в виде денег. В доказательство он приводит преискурант теннисного снаряжения для начинающих. За простенькую, без затей ракетку надо выкладывать как минимум 75 долларов, еще 40 — за кеды, столько же, а то и больше стоят шорты, рубашка, носки. Кроме того, нужны теплый тренировочный костюм, спортивная сумка, запасные струны и чехол... Но дороже всего обходятся занятия с тренером: до 30 долларов в час. Так что, предупреждает соотечественников Эш, если ваш сын или дочь всерьез увлекутся теннисом и, стремясь завоевать место под солнцем, пожелают других посмотреть и себя показать в иногородних соревнованиях, то готовы ежегодно не менее 10 тыс. долларов в оплату их участия в различных турнирах. Для негритянских семей, большинство которых стоит за чертой бедности, такое, сами понимаете, недоступно.

К тому же, если в американском теннисе хочешь «выбиться в люди», необходимо записаться в тот или иной клуб: там и условия лучше, и тренеры самые квалифицированные, и регулярная возможность совершенствоваться в престижных турнирах с участием классных игроков. Сие ложится на плечи родителей дополнительным бременем: ежегодные поборы с членов подобных заведений достигают 700 долларов. Впрочем, и наличие лишних денег не решает проблемы, коли ты черный. До 50-х годов теннисисты-негры и мечтать не могли о принятии в клубы. Открытой

дискриминации, кстати, подвергались также лица еврейского происхождения. Нынче в «самой свободной стране свободного мира», чьи правители так любят поучать других насчет свободы и демократии, но водят дружбу с тиранами и расистами вроде властей ЮАР, дискриминация «цветных» сохраняется, разве что не выставляется напоказ. «У нас по сей день существуют клубы, куда меня не то что не примут, но даже не пустят сыграть матч-другой», — свидетельствует Эш.

Сегрегация в американском теннисе проявляется и в том, что в отличие от других видов спорта занимающиеся им негры студентеского возраста не вправе рассчитывать на специальную стипендию. За последние 70 лет (со времени окончания первой мировой войны) на довольствие местных университетов и колледжей были зачислены менее 20 черных теннисистов.

И вот результат. Десятки чернокожих подростков ежегодно поступают в секцию тенниса в Гарлеме (нью-йоркское гетто для негров), но через пару занятий навсегда исчезают, пытаясь найти счастье в боксе, баскетболе или бейсболе, а чаще, пополняя ряды бездельников поневоле, из коих, в свою очередь, вырастают мошенники, наркоманы, грабители. «Ребята быстро смекают что к чему, — удрученно констатирует Аурелия Майерс, на энтузиазме которой секция кое-как еще держится на плаву. — Они понимают, что, будь ты и семи пядей во лбу, многого в теннисе не добьются».

Пессимистически настроен и Эш. По его мнению, новой победы теннисиста-негра в Уимблдонском турнире или хотя бы чемпионате собственной страны «придется ждать до XXI века». Этим выражением американцы пользуются взамен нашей поговорки «когда рак на горе свистнет».

А. Палладин

ОТ ВОРОТ — ПОВОРОТ

Когда в Дортмунде иностранные рабочие, приехавшие в ФРГ, сняли специальное помещение и оборудовали в нем спортклуб для своих детишек, неонацисты из организации «Боруссенфронт» решили «проучить» иностранцев. Группа молодчиков, горланя нацистские лозунги, ворвалась в помещение клуба, но головорезов достойно «встретили» и обратили в бегство. Тем не менее фашистская газетенка «Боруссенфронта» и некоторые другие органы местной печати принялись раздувать шумиху: мол, «иностранцы терроризируют немцев». Факты говорят совсем о другом. Обратимся к ним.

Десятилетний Кемаль Сантал часами простаивал за проволочной оградой футбольного поля на стадионе спортклуба «Кельн», наблюдая за тренировками игроков местной команды бундеслиги. Для мальчишки, беззаветно любящего футбол, было высочайшим счастьем видеть совсем рядом своих кумиров — ведущих игроков «Кельна» и сборной ФРГ — Аллофса, Литтбар-

ски, Шумахера. С замиранием сердца наблюдал он за тем, как легко и непринужденно работают с мячом эти большие мастера и их товарищи по команде, а в душе его крепло желание стать настоящим футболистом.

Уверенности Кемалю придавало то, что в детской команде своего района, которую создал и тренировал в свободное время его отец, приехавший много лет назад в ФРГ из Турции в поисках работы, мальчишка был одним из ведущих игроков, имел неплохие задатки. Конечно, в его возрасте не просто прогнозировать будущее в спорте, но отец считал: если заняться футболом всерьез, под руководством квалифицированных тренеров, то не исключено, что из Кемалья вырастет неординарный спортсмен.

И мальчик после некоторых колебаний принял решение: он отправился на стадион «Кельна», но на сей раз не для того, чтобы понаблюдать за очередной тренировкой команды мастеров. Кемаль пришел к тренеру детской спортшколы клуба и, волнуясь, сбивчиво объяснил, что хотел бы попробовать свои силы.

«Посмотрите, пожалуйста, меня на поле,— просительно глядя на тренера, сказал Кемаль.— Может быть, я подошел бы вам?»

С высоты своего роста тренер небрежно взглянул на худенького, съжившегося мальчишку, стоявшего перед ним, не спеша взял его за плечи, развернул к двери и легким пинком направил к выходу,

бросив вслед: «Научись сначала прилично говорить по-немецки, сопляк...»

Крах надежд Кемаля Санта-ла стать членом детской команды известного клуба по одной лишь причине, что он сын турецкого рабочего-иммигранта, или «гастарбайтера», как именуют таких людей в Западной Германии,— случай не единичный. Просто этот эпизод стал еще одним подтверждением того факта, что как сами иностранные рабочие, так и члены их семей в ФРГ подвергаются жестокой дискриминации в самых различных сферах общественной и культурной жизни, в том числе в спорте.

Так, одиннадцатилетний грек Андреас Популос был в присутствии других детей попросту изгнан с баскетбольной площадки «наставником» детской команды «Фортуна» в городе Гельзенкирхен за то, что мальчик в прямом смысле слова плохо находил общий язык с немецкими сверстниками. Десятилетняя турчанка Семра Мельтан не была принята в секцию тенниса лишь за то, что ее родители... недавно приехали в ФРГ и девочка не знает немецкого языка. Более того, руководитель спортивной школы в Мюнхене, куда прибыла эта семья, откровенно заявил: «Лучше бы им всем поскорее убраться из нашего города».

Западногерманская пресса дает десятки других примеров того, каким является отношение в ФРГ не только к самим рабочим-иммигрантам, но и к их детям.

П. Пархитько

ВАНДАЛЫ XX ВЕКА

КУЛЬТ НАСИЛИЯ, КУЛЬТ НЕНАВИСТИ

Это было год назад. Теплый майский вечер опустился на Брюссель, где на стадионе «Эйзель» вот-вот должен был начаться финальный матч розыгрыша Кубка европейских чемпионов по футболу между английским «Ливерпулем» и итальянским «Ювентусом». И вдруг произошло то, что до сих пор с трудом укладывается в голове: драка, давка. 39 погибших, свыше 400 искалеченных...

Случившееся 29 мая 1985 года в бельгийской столице ужаснуло весь мир. Но что самое, пожалуй, страшное, ужаснул не столько сам факт кровавой бойни, сколько ее масштабы. Ибо события на «Эйзеле» были лишь очередным, пусть самым крупным до сих пор, звеном в цепи аналогичных побоищ в разных странах, на разных стадионах.

Кто виноват в том, что футбол в Западной Европе приобрел в последнее время из-за хулиганских выходок определенной части болельщиков недобрую славу? Жестокость самого профессионального спорта? Потребность дать выход накопившемуся нервному напряжению? Социальные неурядицы? В какой-то степени все это играет свою роль в эскалации насилия на трибунах. Но не самую главную.

Мы хотим познакомить читателей со взглядом на эту проблему известного запад-

ногерманского футболиста Эвальда Линена. Он считает, что прежде всего ответственность за вандализм, процветающий на стадионах, несут неофашисты. Именно они верховодят в таких болельщицких клубах, как «Боруссенфронт», «Адлерфронт», «Левен» в ФРГ, «Циклон Б» в Западном Берлине, чьи члены не раз являлись зачинщиками драк и погромов во время футбольных матчей. Именно профашистски настроенные молодчики спровоцировали, как установило следствие, «эйзельский кошмар».

Итак, слово Эвальду Линену.

«Вот уже в течение нескольких лет наблюдаем мы на наших стадионах и в их окрестностях проявления агрессивности, жестокости, вандализма, принимающие ныне такие размеры, что это не может не внушать тревоги. Каждый бывающий на стадионе сталкивался не раз с подобными явлениями. Оскорбительные боевые выкрики и песни, призывающие к насилию,— это еще не самое страшное. Нередко болельщики, подогреваемые алкоголем и ищущие выхода собственной злости, устраивают настоящие побоища не только на самом стадионе, но и по дороге туда, и на обратном пути главной их целью остаются драки.

В последнее время появилось и кое-что новое: наряду с обычными выкриками все чаще слышатся, казалось бы, давно забытые национал-социалистские лозунги — «Германия, Германия превыше всего...», выкрики «зиг хайль» и т. д. Усиленно вводится в обиход на-

цистская символика: свастики, эсэсовские руны, приветствие вытянутой рукой. Не только болельщики противоположной команды, но все чаще и иностранные наши сограждане — в первую очередь турецкие подростки и взрослые — являются объектами кровавых и преступных нападков. По старому испытанному образцу на них взваливается вина за ложное социальное развитие.

Деятельность иных клубов болельщиков носит недвусмысленно неонацистский оттенок. Сегодняшние неонацисты — бесстыдные и опасные политические кретины, стремящиеся повернуть колесо истории вспять, к варварству фашистской диктатуры. Соответственно они и выступают: слепая ненависть к коммунистам и воинствующая враждебность по отношению к иностранцам соседствует со слепым послушанием, с извращенным культом фюрера.

Неонацистские группы поставили своей целью распространить влияние на молодежь. Им на руку тенденции к насилию, враждебность по отношению к иностранцам, проявляющиеся в деятельности определенных клубов.

Намерения неонацистов в данном случае состоят не только в передаче «политических идеалов». Они ищут себе попутчиков, которым легко можно было бы внушить предвзятое представление о противнике и которых можно было бы затем использовать как бессловесный политический скот. Особенно уязвимой оказывается при этом молодежь, преж-

де всего те, кто не имеет работы и соответственно перспектив на будущее: отчаяние заставляет их искать чувство ложной общности в группе, где можно так или иначе дать выход собственной агрессивности.

Нередко мы слышим возражение, будто используемая нацистская символика и лозунги всего лишь мимолетная дань моде и служат точно так же, как и внешний вид и манера поведения иных болельщиков, всего лишь провоцированию общественного мнения. Возможно, здесь есть доля истины, но в любом случае это не является оправданием и тем более не способно рассеять нашу тревогу. Ведь даже бездумное распространение нацистской символики и нацистских взглядов представляет собой непростительное надругательство над жертвами нацистского террора, над живыми и мертвыми: именно на фоне массовой безработицы любое движение попутчиков означает сегодня реальную угрозу распространения неонацизма.

Поэтому мы не вправе просто игнорировать неонацистов и их приспешников, мы должны давать им решительный отпор: разъясняя снова и снова их преступные намерения, указывая на антиконституционный характер их деятельности, разоблачая их и решительно выступая против любых их манифестаций.

Неонацистам нечего делать на наших стадионах и в клубах молодых болельщиков. Профессиональные футболисты тоже не могут оставаться при этом в стороне. Вот почему мы,

футболисты Менхенгладбаха, вместе с тренерами и руководством команды присоединились в 1983 году к званию большинства болельщиков команды бундеслиги против неонацистских акций на наших стадионах. И не в последнюю очередь именно поэтому вместе с многочисленными представителями всех видов спорта, вместе с профессионалами и любителями футболисты бундеслиги (такие, как Х. Волерс, К. Х. Гайлс, Х. Ю. Кринс, В. Кнайб, У. Кампс, Грегор Гриллмайер, Стефан Кюльхорн) приняли участие в международном спортивном празднике, организованном западногерманскими инициаторами движения «Спортсмены против ракет — спортсмены за мир» 11 декабря 1983 года в зале «Вестфалия» в Дортмунде, и провели футбольный матч под лозунгом «За дружбу между народами — против враждебности к иностранцам». Два этих примера показывают, что наши спортсмены имеют собственное политическое мнение и не позволяют использовать себя как рекламу общества жесткой конкуренции. Но на основании этих примеров мы не должны и обманываться: именно среди спортсменов высшего класса раздается еще слишком мало трезвых голосов, редко выступают они за то, что, собственно, должно лежать в основе всех их спортивных достижений: не погоня за славой, рекордами, привилегиями и деньгами, но твердая убежденность в том, что спорт может и должен содействовать миру и взаимопониманию народов».

ОСТОРОЖНО: КОРИЧНЕВАЯ ЧУМА!

Субботний вечер в Милане. Прохладно, накрапывал мелкий дождь. Из-за скверной погоды в центре города было малолюдно. Компания «бритоголовых» парней в кожаных куртках спешила в бар «Джамайка». Вдруг кто-то сказал: «Неплохо бы размяться».

Они напали на первого попавшегося прохожего, обрушили град ударов. Потом отправились в «Джамайку» — «обмывать победу». А бедняга остался лежать на мостовой без сознания.

Подобные истории не редкость сегодня для Западной Европы. Они происходят в Париже и Риме, Неаполе и Бонне. «Бритоголовые» все громче заявляют о себе в целом ряде стран.

Короткая кожаная куртка, узкие джинсы, яркие подтяжки, тяжелые сапоги со стальными подковами и, разумеется, главный атрибут — начисто выбритый череп. Таков портрет этих молодчиков.

«Наш облик служит самообороне. Нет волос — и тебя никто за них не ухватит. «Бритоголовый» — так называется путь, который ты выбираешь, он дает тебе силу, чтобы выжить», — поется в песне «Твоя борьба», ставшей для части западноевропейской молодежи чем-то вроде гимна.

«Если у тебя нет воротника, то никто не сможет схватить тебя за воротник. Ну, а сапоги... так они для того, чтобы бить», — откровенничает некто Бебер, 27-летний бритоголовый из небольшого городка на Ат-

лантическом побережье Франции. Бебер кокетничает, когда говорит о самообороне. «Бритоголовым» никто не угрожает. Их боятся. Нападают они независимо от места и времени. Особенно любят появляться на футбольных стадионах.

У них свои особые привязанности. Большинство английских «бритоголовых» болеют за «Ливерпуль», французских — за «Пари Сен-Жермен». И не дай бог, если их вкусы не разделяют соседи по трибуне.

«Это было что-то невероятное. Сломанные кости, лужи крови, крики раненых», — вспоминает французский журналист Жиль Лот об оргии насилия, устроенной недавно болельщиками «Сен-Жермена» после матча с клубом «Монако».

Подобные акты вандализма «бритоголовые» совершают и на стадионах Италии, Западной Германии, Англии... По свидетельству Британской футбольной ассоциации, все попытки навести порядок на местных стадионах заканчиваются полным провалом.

«Бритоголовые», — пишет итальянский журнал «Панорама», — бунтари без причины. Для них насилие — своего рода спорт, помогающий справиться с повседневной скукой».

Если бы так! Не «повседневная скука» и даже не выигрыш или поражение любимой команды заставляют брать в руки кастеты, ломы, цепи. Во время футбольных каникул активность хулиганов отнюдь не спадает. Футбольный матч — лишь повод, катализатор. Причины же агрессивности «брито-

головых» лежат далеко за пределами стадиона.

Сталкиваясь с малых лет с извечными социально-экономическими проблемами буржуазного общества — безработицей, инфляцией, отчужденностью, — молодежь теряет веру в будущее. Вступая в самостоятельную жизнь, многие не находят применения своим рукам, знаниям, силе. Унижающее чувство ненужности ожесточает, толкает на насилие. Именно так «бритоголовые» ищут выход из жизненного тупика, полагая, что, разрушая все вокруг, они разрушают ненавистную им жизненную ситуацию.

Однако наивно было бы думать, что «парни в кожаных куртках» — просто воинствующие хулиганы. Отнюдь. Не случайно во многих странах Западной Европы у «бритоголовых» есть сильные и могущественные покровители, которые, как выяснилось недавно западногерманский журнал «Штерн», руководят ими из-за кулис. В Испании штурмовиков среди «бритоголовых» вербует неонацистская группировка «Гедаде», в Швеции их опекают «большие дяди» из «Северной государственной партии», в Австрии — организация «Акция новых правил». Неонацисты, оказавшиеся в парламентах, тоже делают сегодня ставку на «бритоголовых»; во Франции это «Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пена, в Швейцарии — группировки, отколовшиеся от организации «Национальная акция». В ФРГ бритоголовые молодчики оказались под крылышком

так называемой Свободной немецкой партии. Рекрутируют «бритоголовых» и всевозможные неонацистские организации, закамуфлированные под спортивные клубы.

Агрессивность «бритоголовых» все более приобретает «коричневую» окраску. На стадионах и вне их.

С. Кухианидзе

«ВОЛКИ» ПАРИЖСКИХ ПАРКОВ

«Волки» проникли в Парк де Прэнс и обосновались вблизи стадиона на пятачке с названием «Коп де Булонь», — рассказывает побывавший в «логове» парижский журналист Бернар Апари. — И с начала чемпионата Франции по футболу размашистую подпись «бритоголовые и хулиганы из Коп де Булонь» мы обязательно находим на разгромленных стадионах в Оксере и Ницце, Лавале и Нанси...»

Активизация крайне правых, особенно неонацистских организаций, в наши дни является не в последнюю очередь той питательной средой, куда уходят корни насилия в современном западном спорте. Фашиствующие молодчики из числа болельщиков парижского футбольного клуба «Пари Сент-Жермен», или, как его сокращенно называют, ПСЖ. Это те самые «волки» парижских парков, о которых пойдет речь.

Многочисленные по убыткам погромы на стадионах упоминавшихся выше городов, спровоцированные драки на трибунах, зверские избиения ни в чем не повинных поклонников

соперничающих команд после матчей — лишь некоторые из «подвигов», совершенных «эсэсовцами из ПСЖ», как называют они себя сами, за последний месяц. И на месте бесчинств — непременно их «фирменный знак»: намалеванная на стенах свастика, грязные оскорбления в адрес «инакомыслящих», надписи типа «СС», «Наш отец — Гитлер»...

В последние дни общественный интерес во Франции к «волкам» обострился в связи с тем, что 8 из них — юнцы в возрасте от 15 до 18 лет — привлечены к суду за жестокую расправу с 24-летним парижанином. Это случилось в садах Трокадеро, куда банда вооруженных кастетами, цепями, ножами «бритоголовых» пришла поразвлечься из Парк де Прэнс, где в тот вечер состоялся футбольный матч между клубами ПСЖ и «Нанси». Так кто же они, эти «волки»? Какие силы стоят за ними?

Как показало уже первое слушание в суде, «хулиганы из Коп де Булонь» прямо-таки кичатся своей принадлежностью к крайне правым политическим организациям. Как правило, выходцы из обеспеченных семей. Парк де Прэнс у них — место сбора и своеобразный бивуак. Отличительные признаки — наголо обритый череп, полувоенная экипировка (в особом почете настоящие комбинезоны «командос»), свастика соседствует с красно-голубой повязкой — цвета клуба ПСЖ...

Свидетели драмы в Трокадеро показывают, что банда из двух десятков разгулявшихся

там «бритоголовых» юнцов действовала по команде «дей» весьма и весьма зрелого возраста. Однако по делу они не проходят: «ушли», порвав полицейские сети, а всю вину на себя берет мелкая рыбешка. Эти обстоятельства, а также анализ событий, связанных с вандализмом на стадионах Ниццы, Оксера, Нанси и Лавалья, приводят прогрессивную французскую печать к логическому заключению: «бритоголовые» — лишь марионетки в руках реакционных организаций. Молодых фашиствующих хулиганов натаскивают сегодня на стадионах, прикрываясь футболом, однако завтра их могут использовать как ударную силу и при иных обстоятельствах...

Можно понять озабоченность и тревогу М. Летелье, президента ассоциации «Друзья ПСЖ» — объединения подлинных болельщиков клуба, которые, как от нечистой силы, открещаются от «волков»: «Мы сами, — говорит президент, — ежедневно получаем от них угрозы и грязные оскорбления. Чтобы делать то, чем занимаются они, нужна поддержка, пусть и тайная. Ведь все они известны, их периодически арестовывают, но тут же выпускают. Вандализм на трибунах может обернуться подлинной социальной трагедией, и власти должны действовать решительно и быстро, чтобы упредить события».

А «волчья стая» между тем растет.

Право на насилие подчеркивает право на жизнь.

Ю. Землянский

«НАШ ГОЛ»

...Еще не стерлись из памяти кадры кинохроники, запечатлевшие моменты страшного побоища на футбольном поле в Брюсселе во время матча между английским клубом «Ливерпуль» и итальянским «Ювентусом». В тот день было убито 39 человек, сотни людей ранены. Кинохроника зафиксировала лица, искаженные болью и ужасом, и лица, ослепленные злобой и ненавистью, в руках кастеты, ножи, на руках — фашистские свастики...

После брюссельского побоища УЕФА (Европейский союз футбольных ассоциаций) вплотную занялся дисциплинарными вопросами в континентальном футболе и, казалось, принял самые строгие и самые решительные меры: английские клубы на неопределенный срок были отстранены от участия в европейских клубных турнирах, были разработаны обязательные правила по обеспечению безопасности во время крупных футбольных матчей. Это заставило и британские власти обратить внимание на события, происходящие на футбольных трибунах.

И вот в конце марта 1986 года стало известно, что Скотланд-Ярд провел настоящую военную операцию по выявлению зачинщиков беспорядков. Операция носила кодовое название «Наш гол».

Для осуществления этой операции были привлечены лучшие сыщики Скотланд-Ярда. В ноябре 1985 года более сорока сотрудников британской полиции внедрились в ряды

болельщиков-фанатиков клуба «Челси», путешествовали с ними по городам, сопровождая команду. Надо сказать, что поддержали действия Скотланд-Ярда и руководители английских футбольных клубов.

Апогеем операции стал захват штаб-квартиры «болельщиков» «Челси». Захват этот был проведен по всем законам военного искусства и, как выяснилось чуть позже, отнюдь не напрасно. Дом оказался настоящим складом оружия. Чего тут только не было — ножи, кастеты, финки, скальпели, стальные прутья, куски металлических труб, самострелы... В ходе операции было арестовано семь человек.

Там же, в штаб-квартире челсинцев, была найдена литература, восхваляющая и обосновывающая идеологию так называемого Национального фронта Великобритании.

NF — знак Национального фронта. Это такой же зловеющий знак в современной Англии, каким была свастика в фашистской Германии. Внешне эти знаки даже чем-то похожи. Возникла группировка около двадцати лет назад и объединила под свои знамена крайне правые фашистские группы. Каковы же цели этой организации?

Показательна в этом смысле статья одного из идеологов Национального фронта Яна Брэдли, опубликованная некоторое время назад в «Таймс». В этой статье, занявшей почти половину газетной полосы, говорилось, что Национальный фронт не ставит своей задачей сжигать или линчевать негров, па-

кистанцев, индийцев. Он-де милосерден по своей сути. Он призывает просто изгнать темнокожих с Британских островов. Изгнать, даже если несколько их поколений прожили в стране!

Как говорится, старо предание. Идеология эта не нова. Когда-то ее использовал Гитлер. И как бы ни пытались замаскировать ее члены Национального фронта, аналогия напрашивается сама по себе. Страшит, однако, другое. Руководители Национального фронта пользуются поддержкой влиятельных кругов Англии. Партия, например, не испытывает недостатка в финансовых средствах на издание газет, листовок, брошюр. Без какого-либо финансового напряжения проводится избирательная кампания.

Газета «Санди таймс» не без оснований сравнила нынешние успехи Национального фронта с тем, как поднимался к власти гитлеровский нацизм в 20-е годы. Активом организации, основной силой, на которую опираются ее руководители, является полуграмотная молодежь, различные деклассированные элементы, которые видят причину всех бед в стране в «нашествии цветных».

«Бритоголовые» в Великобритании, «серые волки» во Франции, широкая сеть неонацистских организаций в ФРГ, Бельгии, Голландии, Италии, странах Северной Европы — география неонацизма красноречиво свидетельствует о том, что последыши Гитлера действуют практически во всех странах Западной Европы. Ра-

зыхскиваемый сейчас по всему континенту убийца премьер-министра Швеции Улофа Пальме принадлежит к так называемому Европейскому национал-социалистическому союзу — международной организации, созданной бывшими нацистскими офицерами.

Казалось бы, какая связь между побоищем на брюссельском стадионе и убийством Улофа Пальме? Прямая. Во главу угла неонацисты ставят старый фашистский принцип, взятый на вооружение еще в третьем рейхе — принцип устранения. А спортивные трибуны едва ли не самая удобная сфера для осуществления этого принципа. Оттого льется кровь людей на стадионах, гремят взрывы, подстроенные новоявленными последышами Гитлера, замаскированными под рядовых болельщиков.

Без сомнения, английские силы порядка забили «гол престажа» в ворота неонацистов. Однако решить проблему с «коричневой чумой» в наши дни не под силу какой-нибудь одной, пусть даже и очень могущественной организации. Даже такой, как Скотланд-Ярд.

«БОЛЕЗНЬ» СТАЛА ХРОНИЧЕСКОЙ

«Трагедией британского футбола» назвал разыгравшееся в августе 1986 года на борту голландского парома побоище министр спорта Великобритании Ричард Трейсей. Речь идет об уже упоминавшейся в печатной новизне безобразной выходке английских футбольных «бо-

лельщиков», которые затеяли драку на пароме «Конинген Беатрикс», курсирующем по Северному морю между Англией и континентом.

Команде судна с трудом удалось приостановить побоище, в котором участвовало около 150 человек. Паром повернул назад и полным ходом направился к английским берегам, куда уже была передана телеграмма о происходящих событиях.

В порту Гарвича паром встречали полицейские с наручниками. Сразу же было арестовано 14 человек. Четырех «бойцов» в крайне тяжелом состоянии на машинах «скорой помощи» отправили в ближайшую больницу. Остальные «болельщики» под escortом полиции были отправлены поездом в Лондон. Ущерб, нанесенный фешенебельному парому, как выразился корреспондент английского агентства Рейтер, был «достаточно впечатляющим».

События на «Конинген Беатрикс» свидетельствуют о том, что английские болельщики вообще не изменились к лучшему, в чем пытаются уверить мировую общественность британские власти. Явно недостаточными оказались меры, принятые после брюссельской трагедии в мае 1985 года.

При расследовании выяснилось, что за спиной футбольных хулиганов стоят неонацистские организации (в частности, профашистский Национальный фронт), открыто проповедующие культ насилия. А спортивные трибуны — весьма удобное место для осуществления принципа устрашения.

К сожалению, операция Скотланд-Ярда, которая, хоть и имела весьма оригинальное кодовое название «Наш гол», так и осталась единственным «мячом престижа». Не прошло и суток со времени событий на пароме, как информационные агентства принесли новую весть: сотни молодых «болельщиков» «Плимута» и «Челси» набросились на полицию в Плимуте, где должны были играть их команды. Выкрикивая вовсе не спортивные лозунги, разогретая спиртным, напичканная наркотиками, толпа молодчиков прошла по улицам приморского города, переворачивая полицейские машины, выбивая окна в домах, круша все, что им попадалось на пути.

Все эти события вновь подтверждают, что «проблема болельщиков» в Англии не разрешена никоим образом. «Немедленного и самого тщательного расследования» потребовал от властей представитель оппозиционной лейбористской партии Дэнис Хуэлл.

«Футбольные хулиганы открыли сезон с новой вариации на старую тему», — пишет лондонская газета «Гардиан». Английская печать напоминает, что недавно премьер-министр Маргарет Тэтчер на заседании кабинета министров, где присутствовали представители спортивных организаций, перечислила меры, принятые для пресечения насилия на стадионах. Среди этих мер — усиленные наряды полиции, ограничения продажи спиртного на стадионах и т. п.

Как известно, после брус-

сельского побоища УЕФА на неопределенный срок отстранил английские клубы от участия в европейских клубных турнирах. Видимо, еще не пришло время отменять это решение. Не случайно министр Трейсей признал, что инцидент на пароме может надолго отсрочить вопрос о возвращении британских команд на поля континента. В сердцах министр воскликнул: «Это же настоящие идиоты! Эти люди совершенно не думают о футболе!»

В. Костылев

НАСИЛИЕ В ОБЩЕСТВЕ — НАСИЛИЕ В СПОРТЕ

Среди многочисленных работ американских специалистов на эту тему выделяется статья Дэниеля Рикса «Насилие в американском спорте», появившаяся в издании МОК «Олимпик меседж». В ней Рикс подчеркивает, что насилие в спорте как социальное явление возникло на Североамериканском континенте уже в колониальный период, когда первые переселенцы из Европы привезли с собой в Новый Свет традиционные для европейцев спортивные игры и развлечения. До этого континент населяли только индейские племена, и в культивируемых ими спортивных играх и упражнениях «отсутствовало насилие как аспект игры, хотя в них была, конечно, агрессивность. Особенно в таких играх, как лякросс...»

С течением времени большую популярность в Америке

приобрел бокс. «Бокс был кровавым спортом, так как противники выступали без перчаток, а схватки продолжались по сокору пять, а то и более раундов и заканчивались, когда один из жестоко избитых соперников сдавался или валялся замертво». Широкие протесты ответственности заставили конгресс подготовить закон о полном запрещении бокса по всей стране. Лишь после введения в 1890 году правил маркиза Куинсбери бокс стал более или менее «цивилизованным».

Примечательно, что к числу агрессивных видов спорта Рикс относит кроссы на длинные дистанции, и особенно популярный в 70-е годы прошлого столетия кросс «Беги, как хочешь» (он продолжался 6 дней: утром в понедельник его участники стартовали, а в субботу завершали соревнования). Рикс выделяет несколько причин, которые позволяют ему считать именно так. Прежде всего соревнования носили открытый коммерческий характер: победителям вручались крупные денежные призы, а зрители «делали ставки» (участники тоже «ставили», как правило, на самих себя), что «подогревало» нездоровые эмоции: и между самими бегунами и между зрителями часто возникали драки. Нередко спортсмены прибегали к допингам, обычно стрихнину в малых дозах. Рикс считает, что применение допингов есть не что иное, как насилие над собственным организмом, так сказать самонасилие. Кстати говоря, такой взгляд на допинги разделяют и многие другие исследователи

проблем насилий и допингов в спорте.

В начале XX века насилие становится неотъемлемой частью американского спорта. К этому времени закончился длительный этап в истории США, известный как колонизация Запада, другими словами, зверское истребление индейских племен и захват их земель белыми переселенцами. Рикс усматривает непосредственную связь между окончанием войны и ожесточением нравов в спорте, объясняя, что агрессивность и насилие, проявленные при уничтожении индейцев, лишились, так сказать, сферы приложения. Но они не иссякли и требовали выхода, который и дал им спорт. Американский ученый Паксон утверждал в свое время: спорт превращается «в предохранительный клапан» американского общества, через который выпускаются пары «социально-напряжения».

Насилие в спорте приобрело такие масштабы, что вынудило вмешаться президента США Теодора Рузвельта, известного поборника «крепкого» физического воспитания молодежи в агрессивном милитаристском духе. В 1905 году, когда во время футбольных матчей погибли 18 человек и 159 получили серьезные увечья, общественность потребовала положить конец подобным инцидентам*. Президент Рузвельт распорядился принять меры, ограждающие жизнь и здоровье спортсме-

нов. Под его нажимом в правила игры были внесены соответствующие изменения. В истории американского спорта эта акция президента страны рассматривается как первое «правительственное вмешательство в спорт»**.

В современном американском обществе, пишет Рикс, «спорт стал отражением американского общества. В меньшей степени и американское общество стало отражением спорта».

Широкое распространение телевидения и связанного с ним рекламно-коммерческого бизнеса породили спрос на зрелища. Дельцы сделали ставку на развитие мощной развлекательно-спортивной индустрии, под эгидой которой оказался в первую очередь профессиональный спорт, а затем и любительский.

«Чтобы привлечь доллар, особенно в 60—70-е годы, профессиональный и студенческий спортивный истеблишмент стал во все большей мере допускать агрессивный, насильственный стиль игр и соревнований. Судя по всему, американцы положительно реагировали на это, и в результате профессиональные лиги стали «захватывать все больше территорий и получать все большие прибыли».

«Сами игроки становились жертвами насилия, к которому

---

* Администрация США неоднократно вмешивалась во внутренние дела как национального, так и международного спорта: к числу таких вмешательств относится дискриминация спортсменов социалистических стран в годы «холодной войны», политика бойкота Олимпийских игр в Москве и др.

---

* Имеется в виду американский футбол.

их поощряли. Не остались в стороне и юные спортсмены. Школьников учили подражать своим идолам — профессиональным спортсменам и побеждать любой ценой. Все чаще и чаще в грубых столкновениях наносились тяжелые травмы. Стремясь к победе, тренеры сознательно нарушали правила, учили своих подопечных обману и неспортивным приемам...

Так, 10-летний футболист осваивал прием «протыкания», когда он должен ударить головой в грудь или в спину противника. Прием одинаково опасен и для нападающего, и для защищающегося. Известны случаи, когда игроки 15—17 лет оказывались полностью парализованными».

Далее Рикс вспоминает 70-е годы, когда он преподавал физвоспитание. «12—13-летние мальчишки, которым тренеры внушили, что сверхагрессивная игра единственно приемлемый путь к победе, уже научились действиям с применением насилия на площадке. Не стоит говорить, насколько трудно было попытаться изменить психологию ребят...

Почему же школьникам-спортсменам по всей стране прививали насильственный стиль в занятиях спортом? Вспомним, что спорт — отражение американского общества. Неквалифицированные наставники часто привносят в тренировки нечестные приемы, грубость и жестокость, которыми они сами пользовались в своей практике. Когда в 1970 году я начал преподавать, обычным было то, что тренер

кричал на воспитанника, требуя агрессивности, злости, ненависти к сопернику. Обычно дети плакали, но продолжали играть, постепенно принимая сверхагрессивное поведение как норму. Вот тот урок, который дети усваивали на всю жизнь».

Как ни парадоксально, насилие во всех областях жизни американского общества поддерживается экономически. Так, рост преступности в США идет рука об руку с ростом индустрии «защиты от преступников» (всякого рода устройства охраны квартир, средства отражения нападения и т. д.), получающей баснословные прибыли от самого существования преступности. Точно так же утверждение насилия в спорте дало толчок производству различных видов защитного снаряжения, и сокращение спроса на него совершенно не выгодно фирмам-производителям, часто выступающим еще и в роли спортивных спонсоров.

К сожалению, Рикс лишь одной фразой упомянул о той поистине зловещей роли, какую играет в насаждении насилия американское телевидение. Известно, что американцы затрачивают у телевизора две трети своего свободного времени. Из 10 юношей в возрасте до 20 лет 9 регулярно смотрят телевизор. Статистика также показывает, что в своей жизни каждый американец проводит у телевизора в среднем 9 лет. Поэтому телевидение оказывает огромное влияние на формирование мировоззрения, характера и на поведение американцев, и особенно молодежи

и детей. Телепрограммы же наводнены красочным показом садистских выходок, кровавых избиений и убийств, ужасов. «Изо дня в день,— заявил профессор Нью-Йоркского университета Н. Постман,— наше телевидение вбивает в головы молодых американцев ужасающие проявления насилия и садизма, восхваляет вседозволенность». Пропаганду насилия по телевидению нельзя рассматривать отдельно от насилия в спорте: они взаимосвязаны и дополняют друг друга. А вместе они составная часть кампании пропаганды милитаризма и шовинизма, которая в настоящее время по своему размаху и накалу превосходит все предыдущие. И особое внимание в ней уделяется молодежи, оказавшейся на идеологическом прицеле пропагандистских служб Пентагона, ЦРУ, ЮСИА и других ведомств.

Рикс делает вывод: «Неудивительно, что американский спорт полон насилия... Общество, которое стало именоваться обществом культуры «Вперед — любой ценой», приемлет всякий успех. Те, кто честно преуспел в спорте или в других областях жизни, прославляются. Но те, кто побеждает с помощью незаконных средств, не осуждаются, если их только не ловят с поличным. Победители, чье неспортивное поведение как бы не замечалось, а если замечалось, то серьезно не наказывалось, оставались героями. Их превозносили, и они становились плохим примером для молодежи...»

Многочисленные случаи тяжелых увечий среди спортсменов, вандализм на трибунах — все это привлекает к себе внимание как общественности страны, так и средств массовой информации. Однако никаких решительных мер по пресечению насилия в спорте не принимается. Вице-председатель совета по воспитанию НОК США Херб Джулиано с горечью констатировал: «Рост насилия будет продолжаться, пока для этого сохраняются условия».

В последние годы, пишет Рикс, в американский конгресс были внесены соответствующие законопроекты, которые рассматриваются юридическим подкомитетом по преступности палаты представителей. Цель законопроектов — включить в уголовный кодекс статью, классифицирующую чрезмерную, неоправданную грубость в действиях игрока как уголовное преступление.

Еще один путь борьбы с насилием в спорте Рикс видит в создании федерального агентства по спорту, облеченного полнотой власти в руководстве спортивными организациями. Однако в свете принятого в 1978 году закона о любительском спорте создание государственного органа оказалось практически неприемлемым, поскольку такое решение было отвергнуто руководящими спортивными органами.

Рикс также считает необходимым более широкое и активное участие в спортивном движении всей системы национального образования. Тогда преподаватели школ и вузов

могли бы пропагандировать олимпийские принципы честной игры, вырабатывать соответствующие нормы поведения молодежи как в роли спортсменов, так и в роли зрителей. «Ради нашего будущего и будущего наших детей с помощью олимпийских учебных программ в школах и вузах, подготовленных советом по воспитанию НОК США, начата работа по внедрению позитивных гуманистических концепций олимпизма».

В США немало людей, серьезно озабоченных прогрессирующим развитием в американском обществе таких пороков, как преступность, наркомания и насилие. Они ведут трудную борьбу за их искоренение, при этом акцент делается на просветительскую деятельность, однако силы противостоящих в этой борьбе сторон неравны.

Американская культура, которую, как говорилось выше, Рикс называет культурой «Вперед — любой ценой», есть не что иное, как выражение односторонней заботы о накоплении богатств. «Эта односторонность, будучи одной из наиболее характерных особенностей капитализма, сформировала такие присущие буржуазной культуре черты, как грубость, жестокость, отчужденность, униженность определенной части людей, их страх перед завтрашним днем, ненасытная страсть к деньгам, которые разрушают духовный мир человека, его подлинные интеллектуальные, психологические, эмоциональные ценности... В этом и состоит, пожалуй, одна из самых

трагических сторон судьбы человека в капиталистическом обществе, которая все глубже деформирует личность, опустошает ее, делая все податливее к идеям разрушения», — пишет А. Н. Яковлев в книге «От Трумэна до Рейгана».

И в этих условиях рассчитывать на сколько-нибудь заметную эволюцию в американском спорте, на которую надеется Д. Рикс, нереально.

Р. Киселев

ДРАКИ НА ВИДЕОКАССЕТАХ

Хоккей — игра настоящих мужчин. Однако в североамериканском хоккее мужество спортсменов приобретает несколько своеобразные формы. На ледовых аренах США и Канады все большую популярность получают кулачные бои.

Подобное средство выяснения отношений между звездами профессионального хоккея не только привлекает на стадионы новых любителей острых ощущений, но и помогает порой клубу одержать победу над более сильным соперником. Так, в матче чемпионата НХЛ «Эдмонтон Ойлерз» — «Калгари Флэймз» хоккеистам из Калгари удалось переиграть прошлогоднего обладателя Кубка Стэнли во многом в результате того, что на протяжении всех трех периодов драки возникали непрерывно и игра скорее походила на потасовку. 34 удаления и 248 (!) минут штрафного времени — таков итог этого побоища.

Руководители североамериканского хоккея склонны

приписывать участвовавшие драки ужесточению силовой борьбы. Однако, если во время матча команд юниоров тренер выскакивает на площадку и начинает гоняться за судьей, а его подопечные, окружив арбитра, принимаются бить его клюшками, то причем здесь силовая борьба? Вспышки грубости в североамериканском хоккее, подчас выходящие за пределы площадки, вызывают серьезную озабоченность спортивных руководителей. «Когда после матча юношеских команд разъяренные родители избивают судью, становится ясно, как далеко зашло дело», — признает министр по делам спорта и по вопросам национальных культур Канады Отто Джон Джелинек.

Однако бизнесменов от спорта эта сторона вопроса мало волнует. Хоккей с драками приносит большие барыши, чем «пресные матчи».

Недавно на прилавках магазинов в городах Северной Америки появилась новинка — видеокассеты, на которых записаны не острые атакующие комбинации или красивые голы, а хоккейные драки: кулачные бои с участием всех звезд национальной хоккейной лиги. Ведется откровенная пропаганда насилия, тон в которой задает бизнес.

ВАНДАЛИЗМ НА СТАДИОНАХ

Колочая проволока и усиленные полицейские пикеты — такие меры приняты на роттердамском стадионе «Фейенорд»

после очередного скандала. Во время матча «Аякс» — «Гаага» группа поклонников «Гааги» учинила на стадионе в Зейдерпарке побоище. Около сорока человек получили серьезные ранения. Полиция арестовала 18 человек.

Местная печать отмечала, что драка на стадионе, для ликвидации которой были привлечены дополнительные специальные подразделения полиции, — крупнейшая в истории голландского футбола.

Судья матча по требованию полиции был вынужден прекратить игру еще в первом тайме. Комиссия приняла решение засчитать клубу «Гаага» поражение со счетом 0 : 2. Федерацией принят также ряд мер, которые, как полагают, позволят поддержать порядок на стадионах. В частности, рекомендовано командам хозяев запретить продажу билетов на своих стадионах в день проведения матча с участием «Гааги», ввести специальные удостоверения личности для болельщиков гаагского клуба, а также закрыть трибуну на стадионе в Зейдерпарке, облюбованную наиболее беспокойными поклонниками «Гааги».

Специальная комиссия Футбольной федерации Нидерландов, которая разобрала безобразное поведение «фанатиков» клуба «Гаага», приняла решение — в случае возникновения на стадионах инцидентов во время игры гаагской команды исключить ее из высшей лиги.

Проблема футбольного терроризма на стадионах Голландии давно привлекает внима-

ние специалистов и поклонников этого популярного в Нидерландах вида спорта. Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что в поведении футбольных вандалов все чаще можно наблюдать проявления «коричневой» психологии. Редко когда очередной тур чемпионата Голландии обходится без вспышек насилия. Что же касается поклонников «Гааги», то известно, что среди них угнездилась группа неонацистов.

Принято считать, что наиболее хулиганствующие болельщики «прописаны» в Англии. Недаром УЕФА наказал ее клубы, отстранив их на несколько сезонов от участия в розыгрышах европейских кубков, и недавно подтвердил, что английских команд не будет на турнирах, участники которых оспаривают европейские кубки по крайней мере и в сезоне 1987/88 г. Насилие на трибунах стадиона «туманного Альбиона» — следствие не только активности неофашистских организаций на Британских островах. Пример болельщикам подают «мужской игрой» и те, кто выступает на поле. Недавно своеобразный рекорд установил футболист «Саутгемптона» Марк Деннис, дисквалифицированный в очередной раз на 10 матчей за грубость по отношению к сопернику. А вообще, за свою карьеру этот хулиган был вынужден пропустить по аналогичной причине 223 игры!

Трагедии в английском городе Брэдфорде (тогда в пожаре погибли 56 зрителей, а 200 получили ранения) и Брюсселе —

лишь капля в море британского футбольного терроризма. «Варфоломеевские ночи» устраивают на стадионах Англии, по свидетельству тамошней прессы, среди белого дня и чуть ли не ежедневно.

Лишь за предпоследнюю неделю февраля 1987 г. на Британских островах за разного рода нарушения и преступления был задержан 141 «болельщик»: 59 — на матче команд «Тоттенхэм хотспур» — «Ньюкасл юнайтед», 24 — «Челси» — «Манчестер юнайтед», 21 — «Арсенал» — «Барнсли» и т. д. Так что заявление секретаря Футбольной федерации Англии Теда Крокера о том, что-де его соотечественники — болельщики «исправились», сделанное в интервью Би-би-си, выглядит, мягко говоря, излишне оптимистичным.

Впрочем, это вовсе не значит, что на островах не предпринимается ничего для борьбы с насилием. Английское правительство предьявило всем 92 профессиональным футбольным клубам ультиматум — ввести членские карточки для болельщиков, что позволит легче контролировать их поведение на трибунах. Такая система существует уже на стадионе команды «Лутон-таун», не допускающей на матч на своем поле «чужаков». Положение там настолько улучшилось, что лутонцы подумывают о том, не предоставить ли в будущем сезоне на каждый матч до 1000 билетов поклонникам тех клубов, которые ведут себя прилично.

Затею с членскими карточками поддерживает и новый

спонсор английской футбольной лиги — газета «Тудэй». При этом она ссылается на мнение 66 процентов опрошенных болельщиков, одобряющих такую систему. Газета, вложившая в лигу за три года 4 миллиона фунтов, благодаря своему стремлению навести порядок на поле и трибунах привлекла к спонсорству большое число других фирм и предприятий.

Меры принимаются, но вопреки им раковая опухоль насилия все разрастается, захватывая и другие виды спорта. Рассказывая корреспонденту парижской газеты «Юманите» о канадском хоккее, Кристиан Пуже, один из немногих французов, имеющий опыт выступления за океаном, коротко обрисовал его суть: «Там пытаются унижить соперника. А для этого все средства хороши, и в первую очередь «регулярное силовое давление». И вот оно уже становится «модным средством» в хоккейной бундеслиге ФРГ, где выступает немало канадских экс-профессионалов. Последствия этой экспансии: 149 минут штрафного времени дается хоккеистам «Дюссельдорфа» и «Маннгейма», а инициаторы ледового побоища Ли и Джонкенс (не правда ли, фамилии не очень-то немецкие) были к тому же удалены до конца игры.

«Не отстают» и шведы, сблизившиеся в последние годы с заокеанскими коллегами. «Битву» на трибунах во время хоккейного матча команд Нючэпинга и Линчэпинга, сопровождавшуюся взрывами петард и метанием на лед монет и бутылок, сумела остановить лишь

решительно действовавшая полиция...

Насилие проникло даже в такой, казалось бы, «неконтактный» вид спорта, как волейбол. Шотландская ассоциация волейбола дисквалифицировала на полгода одного из лучших британских волейболистов 33-летнего Гордона Сайма, который после матча сводил счеты с соперниками с помощью кулаков.

Бациллы насилия распространились и на южное полушарие: во время международного турнира в Перте (Австралия) по крикету болельщики английской команды, вооруженные ножами, подожгли трибуны и, размахивая национальным флагом, пытались продолжить беспорядки за пределами стадиона, но были обузданы бдительной австралийской полицией.

«Футбольная война на паромках», связывающих Британию с Европейским континентом, «футбольная битва на рельсах» в Нидерландах, где ретивые болельщики громят попутно вагоны поездов, которые идут в другие города и страны... Аршинными заголовками кричат об этом газеты и журналы на Западе. И уже никого не удивляет, что, рассказывая об «обычной неделе аргентинского футбола» (а ведь аргентинцы — победители последнего мирового чемпионата), бельгийская газета «Драпоруж» пишет: «Аргентинский футбол, победоносный на полях мира на всех уровнях, не может одолеть одного-единственного, хорошо известного ему соперника — насилие. Насилие, порождающее драки на

поле и трибунах, удаления футболистов, ранения зрителей...»

Когда же заходит речь о борьбе с этим явлением, методы предлагаются разные, но малоэффективные. Так, голландцы начали по всей стране кампанию против насилия, используя для этого популярность Йохана Крёйффа. 330 тысяч гульденов было израсходовано на то, чтобы развесить на железнодорожных вокзалах плакаты, на которых Крёйфф, изображенный в полный рост, призывает хулиганов: «Бейте по мячу, а не по вашему любимому клубу».

В соседней Бельгии по решению руководства клуба «Берсхот» на световом табло во время очередного футбольного матча появилось обращение к болельщикам: «Интеллигентный человек никогда не бросит что-нибудь на поле и не позволит сделать это другому!»

Вряд ли такими средствами можно приостановить рост насилия на спортивных аренах. Требуется «хирургическое вмешательство» на гораздо более высоком уровне...

Франция ратифицировала европейскую конвенцию по борьбе с насилием на стадионах.

Конвенция, принятая вскоре после брюссельской трагедии 1985 г. во время матча «Ливерпуль» — «Ювентус», предусматривает серию мер по предупреждению и пресечению хулиганских выходок болельщиков во время спортивных соревнований: сотрудничество полиции с представителями

спортивных организаций, применение более суровых наказаний в отношении хулиганов, контроль за продажей билетов и разделением болельщиков соперничающих команд, запрещение продажи алкогольных напитков, новые нормы безопасности для спортивных сооружений.

За период с августа 1985 г. конвенция подписана 17 государствами.

«Тот, кто подогревает страсти болельщиков, не имеет права уходить в сторону, как только наступает решающий момент», — заявил руководителям футбольных клубов Италии министр внутренних дел страны Скальфаро. В настоящее время после энергичных мер полиции на стадионах наблюдается некоторое затишье: за первую половину чемпионата Италии арестовано «всего» 113 распоясавшихся болельщиков. Но успокаиваться рано, тем более, поле погромной деятельности тиффози все чаще перемещается за пределы стадионов. Ведь нельзя же называть нормальной ситуацию, когда вооруженные полицейские провожают от вокзала до стадиона и обратно болельщиков присяжкой команды, охраняя их от местных тиффози (или наоборот — местных тиффози от них)?

«Подобные меры нам приходилось принимать разве что во время «нашествия» болельщиков английских команд. Это настоящий порох. Их пребывание превращает Рим в зверинец, в котором двери клеток оказываются открытыми настежь. Но силы порядка не мо-

гут быть вездесущими. Пусть за поведение болельщиков отвечают клубы, пользующиеся их поддержкой», — заявил Скальфаро на проходившем в Риме симпозиуме «Нормы безопасности на стадионах», участие в работе которого приняли руководители НОК Италии и представители органов правопорядка. Но предложенные на нем меры — телевидение на стадионах для наблюдения за трибунами, усиленные наряды полиции, обучение полицейских молниеносным методам задержания хулиганов — не в состоянии кардинально улучшить ситуацию. По мнению Скальфаро, необходимо прежде всего решать проблему воспитания самого тиффози. На это и должна быть направлена «объективная ответственность» футбольных клубов за своих болельщиков, за их поведение как на стадионах, так и в других общественных местах.

Однако подавляющее большинство руководителей итальянских клубов приняло эту идею в штыки. Единственный из них — президент клуба «Верона» Фердинандо Кьямпан — пытается как-то навести порядок среди болельщиков своей команды, встречая со стороны последних ожесточенное сопротивление. Остальные стремятся отделаться от этой обузы, которая не сулит прибылей и может привести к падению посещаемости стадиона. Кстати, среди возражающих и президент столичной «Ромы», которому не так давно крепко досталось от своих же болельщиков.

Предложение Скальфаро,

однако, не было отклонено. Более того, признано целесообразным широко его обсудить.

КАК ПЕРЕВОСПИТАТЬ ХУЛИГАНА

О «подвигах» английских футбольных болельщиков на стадионах разных стран писало немало. В течение многих лет они становились инициаторами и непременными участниками драк, скандалов, а порой и кровавых драм на стадионах Европы.

После непосредственно связанного с этим сурового решения ФИФА в 1985 году — запретить английским клубам участвовать в европейских кубковых турнирах — в Лондоне всерьез задумались о необходимости принять решительные меры. В августе 1986 года полиция получила приказ усилить наблюдение за болельщиками, нарушающими порядок на трибунах. Теперь во время футбольных матчей в разных секторах сидят переодетые полицейские. Специальные видеокамеры не выпускают из виду ни одного человека, пришедшего на стадион. Действия сил порядка уже приносят свои плоды. 20 января 1987 года 14 хулиганствующих молодчиков предстали перед лондонским судом за различного рода проступки и преступления, совершенные во время матчей чемпионата Англии с начала нового сезона.

Однако руководители Английской футбольной ассоциации считают, что только карательными мерами делу существенно не поможешь. 27 января

1987 года ассоциация начала широкомасштабную кампанию по созданию по всей стране целой сети футбольных тренировочных центров для детей и молодежи, в которых ведущие тренеры и игроки будут преподавать своим ученикам правила поведения на футбольном поле. Правительство страны и сама премьер-министр Маргарет Тэтчер поддержали эту инициативу спортивных кругов Англии. В день открытия первого тренировочного центра в Бирмингеме глава правительства направила послание руководителям Английской футбольной ассоциации, в котором указала на необходимость совместными усилиями государственных и футбольных организаций как можно скорее положить конец насилию на стадионах. «В английском футболе и тренеры, и игроки, и болельщики утратили понимание того, какой ценой нужно добывать победу,— заявил на открытии футбольного центра в Бирмингеме английский тренер Боб Робсон.— Эта цена становится непомерно высокой, если победа для всех

участников матча важнее, чем сама игра». Чарльз Хьюз, один из руководителей футбольной ассоциации, подчеркнул, что, «хотя молодые игроки будут изучать различные технические и тактические приемы, основное внимание будет уделено вопросам дисциплины и поведения на футбольном поле». Опытные тренеры и игроки профессиональных и любительских команд будут учить молодых футболистов не спорить с судьями, не апеллировать к болельщикам, не отвечать на грубость, не проявлять своих эмоций, уважать соперника и по достоинству оценивать его игру.

Деятели ассоциации считают, что ждать сиюминутных результатов было бы необоснованно и что резкого изменения поведения английских болельщиков в ближайшее время не произойдет. Однако они надеются, что молодое поколение, прошедшее через воспитательные классы новых футбольных школ, будет вести себя корректнее на поле и сдержаннее на трибунах.

К. Клещев

ИГРЫ 88

М. ДМИТРИЕВ

ХАУДИ И ХАЙДИ ЖДУТ ГОСТЕЙ

...Вспоминаю лето 1983 года, когда мне впервые довелось познакомиться с будущей столицей Белой олимпиады-88. Вместе с группой журналистов, освещавших проходившую тогда в административном центре канадской провинции Альберта — Эдмонтоне Всемирную универсиаду, мы в один из дней отправились на экскурсию в расположенный неподалеку Калгари.

Уже тогда в облике города и его живописных окрестностей вполне зримо проступали черты олимпийского будущего Калгари. Сотрудники Оргкомитета показали нам уже построенные и находящиеся в то время еще в стадии возведения объекты, рассказали о своих планах и заботах, связанных с проведением Олимпийских игр. Признаюсь, трудно было представить себе, что этот насквозь прокаленный июльским солнцем город готовится к приему не летних, а зимних крупнейших международных соревнований. Однако увидели мы явно зимнюю специализацию арен будущих Игр, расклеванную повсюду их эмблему, придуманную художником Гэрри Пампом, — снежинку в виде кленового листа, образованную из начальных букв слов «Калгари» и «Альберта», и двух симпатичных белых медвежат Хауди и Хайди, талисманов Белой олимпиады-88. Между прочим,

впервые олимпийский талисман — «зоопарк» пополнится сразу двумя новыми обитателями.

С тех пор минуло три с лишним года. И дата 18 февраля 1988 года — день торжественного открытия XV зимних Олимпийских игр в Калгари — уже не выглядит абстрактным будущим. Напротив, сейчас она вполне зрима и осязаема — эта очередная веха в истории мирового спорта.

С какими же настроениями, ощущениями, надеждами ждем мы ее наступления?

В отличие от Сеула, летнего олимпийского собрата Калгари, который из-за бурлящих там политических, социальных, экономических конфликтов и противоречий подобен готовому к извержению вулкану, канадский город вызывает неизмеримо меньше тревог и сомнений по поводу успеха организуемого им грандиозного спортивного праздника. По всему чувствуется, что хозяева зимних Игр-88 отдают себе отчет в том, какая честь и ответственность выпали на их долю. Достаточно сказать, что строительство многих сооружений велось и ведется с опережением графика, уже составлено расписание всех соревнований по дням и часам, число добровольных общественных помощников столь велико, что Оргкомитет даже не в состоянии обещать их всех работой.

Нелишне, думаю, подчеркнуть позицию, занятую по отношению к Белой олимпиаде-88 канадским правительством. Оно сразу же заявило о своей поддержке инициативы по выдвижению кандидатуры Калга-

ри на право принять у себя Игры-88 и обязалось предоставить организаторам финансовую помощь в размере 200 миллионов долларов. Почему я считаю важным выделить этот факт? Многие наверняка знают о том денежном хаосе, гигантских долгах, часть которых не погашена и по сей день, отличавшем деятельность строителей предыдущей Олимпиады в Канаде — летней Монреальской 1976 года. Это объясняется прежде всего тем, что тогда правительство страны приняло позицию стороннего наблюдателя. Так что сейчас можно надеяться, что олимпийский Калгари в отличие от олимпийского Монреаля сумеет избежать подобных неприятностей.

Ответственность за государственную помощь Оргкомитету федеральные власти возложили на министерство по физической культуре и любительскому спорту. Создан специальный федеральный секретариат, в чью обязанность входит координация сотрудничества канадского правительства с организаторами Игр.

На что же были использованы эти 200 миллионов долларов? Прежде всего на строительство основных спортивных сооружений — все они были возведены и сданы в срок. При этом труд участвовавших в их создании архитекторов, инженеров, строителей получил весьма лестную оценку. В Калгари уже побывало немало заинтересованных зарубежных гостей — компетентных специалистов из различных международных спортивных федераций,

Международного олимпийского комитета. Отмечалось, что все олимпийские сооружения отвечают современным стандартам, в их эксплуатации применена передовая технология, последние достижения науки. Впрочем, решающее слово тут будет принадлежать, несомненно, самим олимпийцам.

Может быть, не всем еще известно, что Калгари является самым большим городом (на 489 квадратных километрах проживает 600 тыс. человек), когда-либо принимавшим зимние олимпийские игры. Неоспоримым удобством следует признать и то, что в Калгари есть современный международный аэропорт, от которого всего за 20 минут можно доехать до центра города.

Вообще, транспортная проблема, по всей видимости, не будет стоять перед Калгари в дни Игр. В городе существует разветвленная сеть магистралей, позволяющих за короткое время доставить участников и гостей Олимпиады от места проживания до различных объектов. Особый интерес вызывает несколько необычный для нас вид транспорта, представляющий собой нечто среднее между трамваем и метро, — скоростная транзитная дорога. Ее трасса проходит по улицам, но расположена так, что не зависит от основного транспортного потока. Поезда ходят с большой скоростью и с частыми остановками, через каждые несколько минут в путь отправляется очередной состав.

К несомненным плюсам Калгари следует отнести и сравнительно небольшую уда-

ленность друг от друга многих олимпийских объектов. Так, считанные минуты потребуются для того, чтобы добраться от Олимпийской деревни до крытого катка с 400-метровым ледовым овалом и трибунами на 4 тыс. зрителей. Этот уникальный спортивный комплекс — первое в мире сооружение такого рода — размером в два футбольных поля разместился на территории городского университета. Во время Игр здесь пройдут турниры по хоккею, фигурному катанию и скоростному бегу на коньках.

За четверть часа автобус доставит спортсменов до Канадского олимпийского парка. Там разместились сооружения, в которых пройдут соревнования по прыжкам с трамплина, бобслею, санному спорту, северному двоеборью, а также показательный турнир по фристайлу.

В августе 1986 года на состоявшейся в Нью-Йорке восьмой международной спортивной встрече в верхах, собравшей по традиции руководителей спортивных организаций стран Запада, министр по делам спорта и вопросам национальной культуры Канады Отто Джелинек обнародовал следующие цифры. На прямые и косвенные расходы, связанные с проведением XV зимних Олимпийских игр в Калгари, до конца десятилетия будет истрачено 1,2 млрд. долларов. Только в 1986 году будущая Белая Олимпиада обеспечила работой 5200 человек. После завершения олимпийских соревнований Калгари получит в свое распоряжение спортивные со-

оружения общей стоимостью в 425 млн. долларов, которые в течение нескольких последующих лет будут нормально и эффективно функционировать без каких-либо дополнительных денежных средств канадских налогоплательщиков.

По словам О. Джелинека, им удалось решить и некоторые другие вопросы, связанные с «олимпийским наследством». Так, например, 80 процентов прибыли от Игр получают на свои нужды канадские спортсмены-любители. Тут средства от продажи прав на телетрансляции с олимпийских турниров, продажи памятных монет, которые Королевский монетный двор Канады отчеканит 5 млн. штук различного достоинства, доходы от специальной олимпийской лотереи.

Настоящим украшением Калгари стал открывшийся недавно выставочно-информационный Олимпийский центр. Он пришелся сразу же по душе не только местным жителям, но и экспертам национальных олимпийских комитетов из 30 стран, приезжавших в Калгари для детального ознакомления с местом проведения приближающейся Белой олимпиады. Оснащенный по последнему слову техники — компьютеры, лазеры, видеосистемы, стереокино, всевозможные телеэффекты — Олимпийский центр не только дает наглядное представление о самой столице Игр-88, но и позволяет всем желающим приобщиться к миру спорта, увидеть и даже отчасти почувствовать то, что обычно доступно лишь спортсменам. Так, например, специальный трена-

жер-имитатор создает почти полную иллюзию прыжка с трамплина: слышно, как скрипит под лыжами снег, в лицо хлещет упругий ветер, внизу — маленькие фигурки зрителей... С помощью другого тренажера можно ощутить себя в самом центре событий захватывающего хоккейного поединка. Подошел к третьему — и «оказался» в «бобе», с головокружительной скоростью несущемся в ледяном желобе. Олимпийский центр открыт шесть дней в неделю, вход в него бесплатный. Так что гостей олимпийского Калгари в дни Игр будет ждать приятный сюрприз.

Организаторы Белой олимпиады-88 не раз заявляли о том, что намерены дать настоящий бой злу, от которого в последние годы очень страдает мировой спорт — употребление запрещенных допинговых средств. В дни работы в Москве 11-го Международного симпозиума «Современные проблемы допинг-контроля в спорте» мне довелось побеседовать с руководителем медицинской службы Оргкомитета зимних Олимпийских игр в Калгари, членом медицинской комиссии МОК профессором Брюсом Чаллисом.

— Занимаясь подготовкой к Олимпиаде, — сказал он тогда, — мы оказались перед дилеммой: истратить 2 миллиона долларов на организацию временной антидопинговой службы с привлечением специалистов только на время Игр или вложить более значительные средства, но создать мощную и постоянно действующую ла-

бораторию. Калгари — это не только крупный город, но и весьма перспективный центр для подготовки спортсменов по зимним и некоторым летним видам спорта. И мы в конце концов избрали второй путь — создать здесь вторую в Канаде (первая — в Монреале) антидопинговую лабораторию, которая получила бы официальное признание медицинской комиссии МОК и соответствующий сертификат. Тогда она сможет работать и после Олимпийских игр-88 — для обслуживания крупнейших национальных и международных соревнований. База для этого у нас есть — госпиталь «Футхилл» что неподалеку от университета, который в феврале 1988 года превратится в Олимпийскую деревню. В распоряжении сотрудников лаборатории, а это квалифицированные специалисты, которых мы пригласили к себе из различных медицинских учреждений нашей провинции Альберта, — самое современное оборудование. От него не скроется ни одна попытка применить запрещенный препарат и таким образом мы поставим непреодолимый барьер на пути некоторых любителей нечестной игры.

В то же время, как отметил профессор Чаллис, перед ним и его коллегами-медиками стоит не только задача антидопингового контроля. По их подсчетам, с 13 по 28 февраля 1988 года столица XV зимних Игр примет до полутора тысяч спортсменов, около 1200 тренеров и специалистов, более 4 тыс. представителей электронной и пищевой прессы.

Вместе с официальными лицами, почетными гостями, туристами из разных стран и местными зрителями общее количество составит не менее полутора миллионов человек.

Долг хозяев Игр — предоставить всем им в случае необходимости своевременное и качественное медицинское обслуживание. С этой целью круглосуточно будут работать медицинские центры в Олимпийской деревне, отелях, где поселятся официальные лица и почетные гости, а также в главном пресс-центре и в телерадиокомплексе. В них постоянно будут дежурить квалифицированные специалисты — физиотерапевты, дантисты, травматологи, хирурги, кардиологи, эпидемиологи... Кроме того, на каждой спортивной арене будут действовать пункты медицинской помощи для атлетов и зрителей. Круглосуточной будет и вахта машин и вертолетов «скорой помощи».

Что ж, получается, что столица XV зимних Игр — эдакий олимпийский рай, город без проблем и трудностей? Конечно же нет. Пусть не столь явно и остро, как в Сеуле, но целый ряд их стоит и перед Калгари. Причем некоторые, несмотря ни на что, решить просто-напросто невозможно.

Вот лишь один пример. Калгари, который находится на высоте 1500 метров над уровнем моря, с трех сторон прикрыт стеной Скалистых гор. И иногда зимой в это полукружье, как в ловушку, попадают теплые и сухие южные ветры. Тогда в течение какого-нибудь часа зима сменяется весной, а то и

самым настоящим летом. Этот погодный феномен местные индейцы называют «чинук».

В один из февральских дней 1986 года вот такой коварный «чинук» обрушился на Калгари. В северном центре «Кэнмор», где только что было 27 градусов мороза, ртутный столбик за считанные минуты скакнул к отметке плюс 15, хлынул ливень. И довольно толстый снежный покров растаял буквально на глазах. А ведь в «Кэнморе» в дни Игр предстоит состязаться лыжникам-гонщикам, двоеборцам и биатлонистам. Хозяева Белой олимпиады-88 поспешили заверить тогда, что у них достаточно технических средств для обеспечения устойчивости снежного покрова на трассах. Но мощь и напор, с какими хозяйничал «чинук» в тот февральский день, заставляют усомниться в правомерности такого оптимизма.

Конечно, «чинук» угрожает далеко не всем олимпийцам. Бессилен он помешать фигуристам и хоккеистам, надежно защищенным от превратностей погоды стенами и крышей. Как я уже отмечал, впервые прелести искусственного микроклимата закрытого помещения вкусят конькобежцы. Трамплины в Канадском олимпийском парке оборудованы приспособлениями для наморозки снега. Не страшен «чинук» и горнолыжникам: в отведенных для их состязаний районах погода зимой весьма устойчива, снежный покров стабилен, достигает двухметровой толщины. А вот лыжников или биатлонистов под крышу пока не спря-

чешь, не убережешь от синоптических фокусов погоды...

Еще одна проблема связана с размещением Олимпийской деревни в общежитиях университета. Дело даже не в том, что студенческий городок оказался тесен для олимпийцев — организаторам пришлось срочно достраивать недостающее жилье. Беспокоят условия в будущей деревне. Ведь то, что сойдет для студентов, для участников Олимпийских игр явно недостаточно.

Или возьмем расстояние до мест соревнований. Как уже говорилось, в основном Игры в Калгари будут довольно компактными. Но только в основном. Так, скажем, лыжникам, биатлонистам, двоеборцам до своих арен придется добираться час в один конец. У горнолыжников дорога будет еще длиннее — свыше полутора часов. Причем время это засекалось в идеальных погодных условиях. А ведь зимой на горной дороге сплошь и рядом можно столкнуться со снежными заносами, туманом, гололедом.

Учитывая это обстоятельство, для шестисот лыжников и биатлонистов в «Кэнморе» строится вторая Олимпийская деревня. С одной стороны, как-будто удобно. Но с другой — спортсмены будут оторваны от своих национальных делегаций, от других олимпийцев. А ведь Игры — это не только борьба за награды, но еще и возможность дружеского общения молодых посланцев десятков и десятков государств.

Что касается горнолыжни-

ков, то у них будет возможность разместиться за несколько дней до начала соревнований в комплексе «Спрей Лейк» около финиша трасс для слаломы и гигантского слаломы у подножия горы Шарк. Но, во-первых, там хватит мест только для 450 человек. А во-вторых, после каждого старта всем надо будет возвращаться в основную Олимпийскую деревню.

Не совсем удачно, по мнению специалистов, выбрано и место для строительства трамплинов. Роза ветров в Канадском олимпийском парке весьма капризна. Большой же и средний трамплины лишены какого-либо естественного прикрытия от воздушных потоков.

Но в конце концов любой идеал — в том числе и идеально организованные Олимпийские игры — вещь трудно достижимая. Так что от ошибок, проблем, недостатков никто не застрахован. Важно, чтобы их было как можно меньше, а достоинств — как можно больше. В случае же с Калгари и невoroуженным взглядом видно, что плюсы там значительно перевешивают минусы. А это главное.

В заключение хотелось бы внести некоторые пояснения, которые, может быть, и не столь существенны, но без них картина событий, происходящих в Калгари, была бы не совсем полной.

Читатели, наверное, помнят одну приведенную мной цифру: 1,2 млрд. долларов. Это сумма прямых и косвенных расходов, которых, как утверждают организаторы, потребо-

вала подготовка к XV зимним Олимпийским играм. Сумма, честно скажем, фантастическая. Для сравнения замечу, что она в два раза превышает затраты на проведение XIII и XIV Белых олимпиад в Лейк-Плэсиде и Сараево, вместе взятых! Не случайно журналисты уже окрестили этот будоражащий воображение миллиард с хвостиком «первым олимпийским рекордом Калгари».

Откуда же взялась столь астрономическая цифра? Несложный анализ показывает, что она сознательно... завышена. Давайте убедимся в этом сами.

Возьмем объявленную хозяевами стоимость строительства и оборудования горнолыжного центра на горе Аллан — 25 млн. долларов. Это почти в два раза больше, чем стоимость аналогичного центра в Лейк-Плэсиде. А получилось это только потому, что канадские организаторы включили в общую смету расходы на сооружение гостиниц, магазинов, пунктов проката, школы для начинающих горнолыжников и многое другое, что до сих пор входило в понятие «инфраструктура».

А вот еще один пример. Самый дорогой объект Игр в Калгари — это Дворец спорта «Олимпик Сэддлдом», где пройдут соревнования по хоккею и фигурному катанию, а также состоится торжественная церемония закрытия Игр. Сооружение действительно прекрасное, удобное и для спортсменов и для 20 тысяч зрителей, самые удаленные трибуны расположены всего в 60 метрах

от центра арены. На возведение «Олимпик Сэддлдом» было затрачено 97,3 млн. долларов. Но вот ведь какая штука: строительство его началось еще до того, как Калгари был избран местом проведения Белой олимпиады-88. С конца 1983 года в «Олимпик Сэддлдом» регулярно проводятся интереснейшие спортивные соревнования. В их числе матчи национальных сборных по хоккею СССР и Канады, товарищеские игры советских и канадских волейболистов, встречи чемпионата НХЛ и Кубка Стэнли с участием популярного местного клуба «Калгари Флэймз», цена за билет на которые достигает 25 долларов, а также всевозможные зрелищные мероприятия. То есть Дворец спорта уже всюю окупает себя. И тем не менее стоимость его строительства полностью занесена в графу издержек на проведение Олимпийских игр.

С какой же целью это делается? По всей видимости, таким искусственным раздуванием своих затрат хозяева хотят задушевать размеры своих доходов. А они тоже, мягко говоря, немалые. Сам Оргкомитет получит не менее 450 млн. долларов. Кстати, те 200 млн., которые в качестве помощи предоставило ему федеральное правительство, взяты не из бюджета страны, а из доходов от продажи олимпийских монет, лотереи, налогов на частный бизнес.

Правда, различные официальные лица, причастные к организации Игр в Калгари, постоянно заверяют, что в отличие от коллег из Лос-Анджелес-

са они ни в коей мере не хотят превратить свою Олимпиаду в коммерческое предприятие. И выгоду видят лишь в том, чтобы хорошо было участникам соревнований, туристам, чтобы использовать внимание к Играм для популяризации спорта среди молодежи. Что ж, пока для сомнений в искренности таких заверений поводов нет. Это, кстати, подтверждает и заявление государственного министра по делам спорта и национальной культуры Канады о том, что 80 процентов прибыли от Олимпийских игр-88 получают в свое распоряжение канадские спортсмены-любители. И тем не менее читателям, думаю, нелишне было узнать об этой финансовой эквилибристике.

Заканчивая свое выступление на упомянутой нью-йоркской встрече руководителей спортивных организаций стран Запада, канадский министр Отто Джелинек сказал:

— Мы надеемся, что XV Белая олимпиада в Калгари станет заметным явлением в истории мирового спорта, послужит делу мира и дружбы на нашей планете.

На мой взгляд, на это же надеется и вся мировая спортивная общественность. Оснований для таких надежд, как мы убедились, немало. Пусть же Хауди и Хайди постараются во всем походить на своего близкого родственника — бурого медвежонка Мишку, который так полюбился участникам незабываемой Московской олимпиады, всем истинным любителям спорта.

В. КУКУШКИН

СЕУЛ: СМЕНА ВЫВЕСОК

Несмотря на то что столица Южной Кореи была избрана в качестве олимпийской почти пять лет назад, она не приобрела международного признания за эти годы. Больше того, хотя сеульские власти и пытались всячески завлечь к себе в гости как можно больше «флагов», им это довольно долго не удавалось. Уж слишком непривлекательной является роль Южной Кореи, которую позволяют ей играть могучие белолицые братья из Северной Америки.

Хотя Сеул и связан авиалиниями со всеми континентами, но и за два года до Игр, когда одна из первых советских спортивных делегаций побывала здесь, для европейцев, американцев и обитателей большинства стран Африки — мы делились со многими своими впечатлениями — эта земля оставалась «терра инкогнита». И это притом, что многие страны Западной Европы и Северная Америка буквально завалены различными товарами с этикеткой «Сделано в Корее».

Ситуация, сложившаяся в мировом спортивном движении, вынудила южнокорейский режим пойти на смену вывесок, на некоторые косметические операции, чтобы произвести более благоприятное впечатление в преддверии Олимпиады.

В какой-то степени проверкой эффективности этих перемен должны были стать X Азиатские игры, расценивавшиеся как «репетиция» Олимпиады.

В каком же виде предстал Сеул в октябре 1986 года перед гостями?

От надежд на то, что Сеульские игры будут свободными от насилия, пришлось отказаться во второй половине дня в воскресенье, 14 сентября, когда взорвалась бомба в международном аэропорту Кимпо, представляющем собой главные ворота, через которые в страну прибывают спортсмены. Взрывом были убиты пять человек.

Тем не менее власти продолжали убежденно твердить, что Игры будут «успешно проведены». После взрыва в аэропорту они организовали крупную полицейскую акцию с тем, чтобы найти виновных и подавить радикальные студенческие группировки, протестующие против проведения Игр. Были удвоены меры безопасности.

«Игры не получили ожидаемую поддержку,— писал корреспондент газеты «Вашингтон пост» из Сеула.— Участники умеренной оппозиции высказали предположение, что деньги, израсходованные на строительство и модернизацию стадионов, лучше было бы вложить в систему социального обеспечения и что шум, поднятый вокруг Азиатских игр, в немалой степени преследует цель повысить авторитет правительства президента Чон Ду Хвана».

Вопрос о политической ситуации является ключевым для понимания действительного положения дел в стране, переживающей острые конфликты между одним из самых авторитарных режимов в мире и даже

умеренной оппозицией. И вот опасения того, что средства массовой информации из разных стран сообщат о действительном положении в Корее, вызывают опасения не только у южнокорейских властей, но и у тех, кто в действительности вершит ее судьбами. Косвенным подтверждением этого являются высказывания газеты «Крисчен монитор» (США): «Если политическая обстановка в Южной Корее останется такой же неопределенной, как сейчас, то оппозиционные политики и антиправительственные активисты благодаря Олимпийским играм получат бесценную возможность обратиться к мировому общественному мнению. Еще большую тревогу вызывают радикальные настроения внутри страны тех, кто выступает за срыв этих спортивных соревнований из-за того, что они способствуют узакониванию правительства Чон Ду Хвана в Сеуле. Разительным контрастом Азиатским играм, которым уделяется сравнительно мало внимания и репортажи с Игр касаются лишь спортивных соревнований, станут Олимпийские игры, когда многочисленные журналисты, которые приедут в Сеул через два года, будут рыскать в поисках острых материалов для репортажей об обстановке вокруг Игр и о соблюдении прав человека. Если Южная Корея не сможет к тому времени уладить свои политические проблемы, любые дипломатические победы, которые она надеется одержать, или позитивное освещение успехов Юга быстро померкнет перед

негативными сообщениями о социальных условиях внутри страны. В этом отношении политические события, ведущие к Олимпийским играм, обещают превратиться в источник неопределенности и тревоги...»

Эта страна, обладающая многовековой культурой, традициями, испытала за свою историю несколько периодов «колонизации». На сегодняшний день можно сказать, что, освободившись после второй мировой войны от японского ига, южные корейцы попали под иго нового колониализма — со стороны США. Правда, в эксплуатации корейцев американцы оказались не одиноки, они привлекли на свою сторону, а может быть, просто оказались вынужденными допустить уже поднаторевших в этом деле японцев. Зачем же понадобилось проводить Олимпиаду в колонии? В какой-то степени и для того, чтобы показать, что неоколониализм не так уж и «страшен». Не следует забывать и о достаточно сложном экономическом положении этой страны.

Южная Корея ожидает такого же мощного импульса, который получила японская экономика благодаря Токийской олимпиаде 1964 года. Когда Токио был избран местом проведения Олимпийских игр-64, это знаменовало собой возрождение Японии из руин второй мировой войны. «Это решение стало показателем того, как усердно мы поработали за период менее 20 лет после окончания войны», — вспоминал Такэо Фукагава, заместитель генерального секретаря Нацио-

нального олимпийского комитета Японии.

Корейцам также предоставится шанс показать красоты своей столицы. Как преодолит Токио тогда, так и Сеул сейчас стремится ввысь, разрастается, удлинняя линии метро и строя новые шоссе и парки. Токио впервые стал давать названия автомагистралям и устанавливать таблички с названиями улиц, для того чтобы помочь иностранцам, кроме того, власти запретили автомобилистам подавать звуковые сигналы. В Сеуле работники метро прошли курс английского языка, намечена культурная программа из 88 пунктов.

Но Сеул, столица гораздо более авторитарного режима, чем японский, проводит подготовку в гораздо более широких масштабах. В рамках кампании по украшению города, муниципалитет распорядился о сносе трущоб и о переселении их жителей. Был снесен квартал сомнительных ночных заведений неподалеку от отеля «Хилтон», и на его месте появилась автостоянка. Маленькие домишки вдоль реки Хань, вычищенной накануне Азиатских игр, были снесены на основании того, что они якобы будут портить вид на реку. Действительно, на гостей Игр, которые хотят посмотреть, что представляет собой Южная Корея, придется оказывать серьезный нажим, чтобы они видели лишь желаемое властям. Даже в обычное время это не просто: полицейские в штатском стоят через каждые 15 шагов у ответственных зданий, а патрули с винтовками М-16 размещаются

у прожекторов во время матчей бейсбольных команд. Во время Игр меры безопасности будут ужесточены еще больше. Студенческие лидеры, противники существующего режима, например, получили распоряжение об обязательном выезде из столицы в сопровождении «официальных представителей», то бишь под конвоем, на время проведения Игр.

Сеул сейчас остался без одного из своих отличительных признаков. Полицейские на улицах, а проводники — в метро изгнали разноцветные лотки — это яркое проявление духа динамичного предпринимательства страны — на окраинные улочки, чтобы они не портили представление о Южной Корее.

Как раз накануне апрельской сессии представителей НОК полиция разгромила лотки на открытом рынке Симкон, где продаются изделия ремесленников и рыба, из-за того, что он находится неподалеку от спортивного комплекса. Торговцы обратились к властям и заявили, что если бы они получили предварительное уведомление за 15 дней, они бы сами убрали свои лотки безо всяких насильственных действий. Но к такой форме общения здесь не привыкли...

Сейчас можно спрогнозировать, что же будет представлять собой столица Олимпиады-88, а точнее — какой она предстанет перед гостями, какой им ее покажут.

Самое сильное впечатление на приехавшего в Сеул, пятый по величине город мира с населением более 9 млн. человек,

производит необыкновенная чистота. Центр города вычищен до такой степени, что ни на тротуаре, ни на обочине дороги не видно ни клочка мусора. Обгорелая спичка выглядела бы здесь также нелепо, как чернильная клякса на белом потолке. В городе — в центральной его части и в новых районах — много высоких зданий, некоторые из них соответствуют стандартам небоскребов. Они взметнулись вверх с помощью современной строительной технологии и усилиями трудолюбивых и очень аккуратных в работе строителей. Даже рядом с новостройкой — мы побывали на строительстве спортивных объектов для Олимпиады-88 — не видно обычного мусора.

Новые дома построены по американским проектам, но без ультрасовременных линий. Скорее это стиль 60-х годов с применением большого количества стекла, металлоконструкций. Одним из самых известных зданий этого плана является гостиница «Лотте», соответствующая высшим мировым стандартам, начиненная по образцам «Хилтона». Но если в США в такой гостинице возможны какие-либо признаки небрежности в работе персонала, то корейцы поддерживают гостиницу на должном уровне.

В городе нет недостатка в рабочей силе для того, чтобы набрать даже избыточный штат сотрудников. И каждый держится за работу даже понимая, что ему недоплачивают — безработица страшнее.

В центральном районе Сеу-

ла сохранены лишь немногие старинные здания, что должно оттенять новое строительство, вместе с тем подчеркивая своеобразное изящество традиционных «азиатских» линий. Благодаря этому производят особое впечатление и «Ворота луны», и «Восточные ворота».

Корея является классической страной Востока, который хранит свои традиции независимо от времени.

Достаточно любопытным было появление Чон Ду Хвана на торжественном открытии сессии АНОК. После концертной программы на сцену был вынесен стол красного дерева с бронзовыми украшениями, «торжественное» кресло, а по обеим сторонам от него были скромные кресла для гостей — руководителей АНОК и МОК. Всем делегатам были розданы заранее отпечатанные тексты выступлений. И речь Самаранча, и речь Марио Васкеса Ранья начинались с обращения к президенту. Но кресло пустовало, и гостям пришлось срочно вносить коррективы. После того как их выступления завершились, ведущий объявил о прибытии Чон Ду Хвана и на сцене появились сразу шесть молодых людей в серых и темносиних костюмах, которые пристально вглядывались в зал. Только после этого из-за кулис просеменил президент. Для него была поставлена отдельная трибуна с микрофонами.

Несмотря на европеизацию, несмотря на введение европейских традиций, в таком церемониале сохранились традиции Востока, восходящие к монархическим династиям Китая,

Японии, хотя правитель Кореи в прошлые времена носил лишь звание «короля». Традиции — традициями, а для принятия повышенных мер безопасности у Чон Ду Хвана есть немало оснований.

Ну а что же влияние американцев? Неужели оно проявляется только в том, что на территории Южной Кореи находится 40-тысячный экспедиционный корпус, имеющий на вооружении более тысячи единиц ядерного оружия? Нет. Разумеется, не только в этом. Вот одна маленькая деталь, которая говорит, какое положение занимают американцы. Стоит включить телевизор, как обязательно первой программой, которая появляется на экране, будет американская, предназначенная для войск из США. Затем идут корейские программы, включая специальную религиозную, и учебная программа, насыщенная уроками иностранного языка в связи с перспективой проведения Олимпиады.

Проникновение, а точнее, захват южнокорейской экономики американцами и японцами можно разделить на несколько этапов. Сначала — освоение территории, включающее большое строительство, затем — эксплуатация. И вот теперь приближается третья стадия. Сейчас в Сеуле говорят о назревании «южнокорейского феномена». В чем-то он должен быть схож с японским. Как известно, Япония после поражения во Второй мировой войне сумела за несколько десятков лет выйти в целом ряде промышленных отраслей на

первые места в мире. Например, в электронной промышленности Южной Кореи создано положение, когда в целом ряде корпораций на руководящих постах находятся молодые люди в возрасте от 23 до 35 лет, полные честолюбивых устремлений, замыслов, идей.

Любопытной была дискуссия представителей мировых телеграфных агентств с руководителями программы компьютерного обслуживания Олимпиады-88, в ходе которой обсуждалась новая система «службы результатов». Молодые парни рисовали схемы, охватывающие всю планету. Они предусматривают возможность «входа» из любой страны в память компьютера Олимпиады. Много усилий потребовалось, чтобы объяснить им принципы работы мировых телеграфных агентств, которые сами распространяют информацию среди своих подписчиков, а не заставляют клиентов тратить на связь с компьютером Олимпиады. Вместе с тем должен отметить, что идеи, которые предлагали эти молодые специалисты, являются новым словом по сравнению с тем, что было разработано организаторами Олимпиады-84 в Лос-Анджелесе.

Политические цели, преследуемые властями Южной Кореи, вполне очевидны. На протяжении многих лет режим стремится к закреплению своего политического статуса, к приобретению международного признания, что означало бы увековечение двух Корей. Одной из инициатив, имеющих эту цель, и было выдвижение кан-

дидатуры Сеула на место проведения Олимпийских игр.

Выбор Сеула в качестве олимпийской столицы был предопределен большой закулисной активностью как самих южнокорейцев, так и стоявших за их спинами американцев. Речь идет, конечно, не о членах МОК, а о том большом отряде лоббистов, который прибыл осенью 1981 года в Баден-Баден, когда определилось место Игр-88.

В первый период после решения МОК звучали кичливые высказывания различных лиц о том, что проведение Олимпиады в Сеуле повысит «международный престиж» Юга и кого-то «изолирует». Сейчас об этом предпочитают не распространяться. Столкнувшись с твердой позицией социалистических стран, выступивших в поддержку предложения НОК КНДР о совместном проведении Олимпиады-88, спортивные руководители Южной Кореи вынуждены были в какой-то степени отказаться от своих амбиций.

Как известно, на многих международных конференциях, совещаниях часто вопросы решаются не за столом переговоров, а в кулуарах. Не исключение и олимпийское движение, здесь опытный дипломат Хуан Антонио Самаранч сделал практику рассмотрения острых вопросов вне зала заседаний, кажется, основным видом работы. Так, на открытых заседаниях сессии АНОК обсуждались вопросы об отношении НОКов к «кодексу атлета», который был отвергнут подавляющим большинством делегатов, а за кулисами шло

выяснение позиций по вопросу о проведении Олимпиады-88 совместными усилиями Пхеньяна и Сеула. Один из аргументов, пущенных в ход южнокорейскими делегатами против предложения НОК КНДР, был в том, что в Сеул никто из его представителей не прибыл. Вместе с тем было очевидно, что проект решения проблемы уже имеется. Весь вопрос был только в том, как его обнародовать, где и когда. Самаранч в частных встречах с рядом влиятельных членов МОК раскрыл суть предложений о проведении в КНДР ряда состязаний. В то же время некоторые из членов МОК публично заявляли, что Игры даны Сеулу и должны проводиться на территории этого города или других

мест, находящихся под его юрисдикцией.

...Мы встречались с сотрудниками Оргкомитета Олимпиады, они, кстати, в полном составе входили и в Оргкомитет Игр стран Азии. Все они производят впечатление людей, искренне заинтересованных в успешном проведении Олимпийских игр, людей внимательных к гостям и заботливых. Конечно, они постараются сделать все, что в их силах, для успешного проведения Олимпиады-88. Вопрос только в том, кто и как воспользуется результатами их труда, когда погаснет олимпийский огонь в чаше главного стадиона.

**Ноябрь 1986 года,
Сеул — Москва**

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛИМПИЙСКАЯ ТРИБУНА

М. Грамов. Игры доброй воли	4
Е. Петушкова. Спорт и проблемы мира	8
Е. Грингаут. Есть ли на солнце пятна?	14
Столицы Олимпийских игр 1992 года	23

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Александр Кулешов. Прыжок. Повесть	29
--	----

ЧИСТАЯ ИГРА

Я. Лис, Т. Ольшанский. Чистая игра. Пер. с польского М. Загота	91
--	----

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА

Е. Мясников. Снегопад для Марадоны	130
--	-----

ПО ТУ СТОРОНУ

За фасадом «свободного» мира	142
Увязли в топком болоте	—
А. Мелик-Шахназаров. Слабеющее поколение	143
В. Кавалаяускас. Страсти по футболу	145
В путях кокаинового проклятия	148
Снова допинг	149
Почему ушел Мекони?	—

Во власти денег	150
И. Маринов. Раунды на продажу	151
В. Кавалаяускас. Не перешагнув порога славы	152
Метеоры сгорают быстро	153
Уродливое лицо расизма	155
В. Орлик, Сэм Рамсами: «Расизм обречен»	—
И. Маринов. Юг Африки: предгрозовые раскаты	158
В. Силанин. Беспросветная явь	167
А. Палладин. Вне границ спортивного гетто	169
П. Пархитько. От ворот — поворот	171
Вандалы XX века	172
Культ насилия, культ ненависти	—
С. Кухианидзе. Осторожно: коричневая чума!	175
Ю. Землянский. «Волки» парижских парков	176
«Наш гол»	178
В. Костылев. «Болезнь» стала хронической	179
Р. Киселев. Насилие в обществе — насилие в спорте	181
Драки на видеокассетах	185
Вандализм на стадионах	186
К. Клещев. Как перевоспитать хулигана	190

ИГРЫ-88

М. Дмитриев. Хауди и Хайди ждут гостей	193
В. Кукушкин. Сеул: смена вывесок	200

Массово-политическое издание

ОЛИМПИЙСКИЙ ГЛОБУС

Составитель

Всеволод Владимирович Кукушкин

Заведующий редакцией **В. Л. Штейнбах**

Редактор **Т. В. Зубова**

Мл. редактор **А. Ю. Матвеева**

Художники **Е. Л. Вельчинский** (обложка),

В. Я. Мирошниченко (иллюстрации)

Художественный редактор **Е. С. Пермяков**

Технический редактор **Е. И. Блиндер**

Корректор **В. К. Ячковская**

ИБ № 2504

Сдано в набор 03.03.87. Подписано к печати 22.06.87.

А 05515. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1.

Гарнитура «Журнальная рубленая». Высокая печать.

Усл. п. л. 13,00. Усл. кр.-отт. 13,25. Уч.-изд. л. 13,40.

Тираж 75 000 экз. Издат. № 8031. Зак. 225. Цена 95 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 101421, Москва, Каляевская ул., 27.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Веловая, 28

ОЛИМПИДСКИЙ ГЛОБУС

**В этом
выпуске
читайте:**

Остросюжетную повесть Александра Кулешова «Прыжок» — о работе советского тренера по прыжкам в воду в одной из латиноамериканских стран.

Очерк Евгения Мясникова о лучшем футболисте мира 1986 года Диего Марадоне.

Статьи Михаила Дмитриева о Калгари и Всеволода Кукушкина о Сеуле.

Заметки о зарубежном спорте

